
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

Москва

2023

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

1
JANUARY — FEBRUARY

Moscow
2023

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. DOBROVOL'SKIY Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

Б. А. УСПЕНСКИЙ. <i>Государь</i> : история и этимология слова	7
О. Е. РЕКЕЛИС. What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian	19
Е. Н. ВИНОГРАДОВА. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог <i>ПО</i>)	54
Е. А. НЕФЕДОВА. Приставка <i>З-</i> : между фонетикой и морфемикой	88
П. М. АРКАДЬЕВ. Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазин- ского языка	103
И. В. ИТКИН. Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuq: The new data. I.	132

Из истории науки

С. Т. Золян. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения	151
--	-----

Contents

Boris A. USPENSKIJ. Russian <i>gosudar</i> ‘sovereign’: History and etymology	7
Olga E. PEKELIS. What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian	19
Ekaterina N. VINOGRADOVA. Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition <i>PO</i>	54
Elena A. NEFEDOVA. North Russian prefix <i>Z-</i> : Between phonetics and morphemics	88
Peter M. ARKADIEV. Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza	103
Ilya B. ITKIN. Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuq: The new data. I	132

Heritage

Suren T. ZOLYAN. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions	151
---	-----

Государь: история и этимология слова

© 2023

Борис Андреевич Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; borisusp@gmail.com

Аннотация: В первой половине XV в. в титуле московских великих князей появляется слово *господарь* (*осподарь*). В XVI–XVII вв. оно сменяется словом *государь*. Как соотносились эти термины? Когда именно происходит это изменение титула? Все исследователи без исключения полагали, что *государь* является результатом преобразования слова *господарь*, но ни одному из них не удалось объяснить, каким образом это могло получиться. Между тем эти слова, по-видимому, вообще не связаны друг с другом: *государь* и *господарь* — разные по своему происхождению слова, и они никак не могут быть объяснены одно из другого. *Господарь* очевидным образом связано с такими словами, как *господь*, *господин* и т. п.; но каково происхождение слова *государь*? В статье предлагается решение этого вопроса.

Ключевые слова: русский язык, титулатура, этимология

Для цитирования: Успенский Б. А. *Государь: история и этимология слова. Вопросы языкознания*, 2023, 1: 7–18.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.7-18

Russian *gosudar* ‘sovereign’: History and etymology

Boris A. Uspenskij

HSE University, Moscow, Russia; borisusp@gmail.com

Abstract: In the first half of the 15th century, the word *gospodar* ‘appears in the title of the Grand Princes of Muscovy. In the 16th–17th centuries, *gospodar* ‘was replaced by *gosudar*’. How did these terms correlate? When exactly and how did this change take place? All researchers, without exception, believed that *gosudar* ‘is the result of a transformation of the word *gospodar*’, but none of them could explain how it could happen. Meanwhile, these words, apparently, are not related at all: *gosudar* ‘and *gospodar* ‘have different origin, and one form cannot be received from the other. *Gospodar* ‘is obviously connected with such words as *Gospod* ‘Lord’, *gospodin* ‘master’, etc.; but what is the origin of the word *gosudar* ‘? The article offers a solution to this question.

Keywords: etymology, Russian language, titulary

For citation: Uspenskij B. A. Russian *gosudar* ‘sovereign’: History and etymology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 7–18.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.7-18

Посвящается Андрашу Золтану

1. С первой половины XV в. великие князья московские именуются *господарями* (*осподарями*). Слово *господарь* в значении ‘хозяин, владелец’ было с древнейших времен известно на Руси¹; в XV в. оно приобретает специальное значение повелителя, главы государства. Термин *господарь* в этом специальном значении приходит в Московскую Русь из Литвы: московский великокняжеский титул непосредственно восходит к титулу великих

¹ Слово *господарь* в таком значении представлено в новгородской берестяной грамоте № 247, XI в. [Зализняк 2004: 239].

князей литовских, опосредствованно же — к наименованию князей Галицко-Волынской Руси (см. [Золтан 1983/2002: 557–575; 2014: 67–72]; ср. также [Stökl 1954: 114–116]). История этого термина выглядит следующим образом: «Праславянское по своему происхождению **gospodarъ* ‘хозяин, владелец’ получило значение ‘правитель, монарх’ в канцелярии последних галицко-волыньских князей, откуда в 1349 г. оно было перенесено вместе с галицкой канцелярской традицией в краковский королевский двор, где оно впервые засвидетельствовано в составе титула короля Казимира III (*господарь рускоѹ земель*) в соответствии с титулом *dominus Russiae* в латиноязычных документах. В результате польско-литовской персональной унии (1386) титул *господарь* перешел к великим князьям литовским. В самом конце XIV в. из западнорусского (староукраинского-старобелорусского) канцелярского языка Великого княжества Литовского титул заимствовали молдавские воеводы, а несколько позже, в первой половине XV в. также великие князья московские...» ([Zoltán 2022: 329]; ср. подробнее [Золтан 2014: 27–31, 47–51; Zoltán 2018: 87–91]).

Впервые этот титул появляется на монетах Василия II 1445 — начала 1446 г.: *осподарь всеі з...* или *осподарь всеа земли руския* [Зайцев 2004: 47–48, 51–55, №№ 2, 3; Орешников 1896: №№ 574, 625]². Такая же надпись фигурирует затем на монетах Дмитрия Шемяки во время правления его в Москве (1446–1447 гг.): *всподарь в[сей земли Русской]* [Чижов 1910: 3; Орешников 1896: № 716]. В 1447–1448 гг. монеты Василия II выпускаются с надписью *осподарь всея Русския земли* или *осподарь всея Руси* [Чертков 1834: 12–13; Алеф 1959/2002: 601]; после 1448 г. на монетах Василия II, выпущенных вместе с его сыном и соправителем Иваном Васильевичем (будущим Иваном III), значится титул *осподари*, в частности, *всподари всеа Русии* [Чертков 1834: 33, 83, №№ 67, 83, 84; Чертков 1837: № 450; Орешников 1896: №№ 615, 617, 632, 634; Алеф 1959/2002: 601]. Все без исключения деньги Ивана III имеют надпись *Осподарь всея Руси* [Федоров 1949: 71]. Такая же надпись читается и на монетах Василия III [Орешников 1896: №№ 673–676].

Еще раньше слово *господарь* (*осподарь*) встречается просто как обозначение владетельного князя (безотносительно к его титулованию); мы находим его уже в dokonчании Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (1434 г.): *кто кому служит, тот идет [с] своим осподаремъ* [ДДГ 1950: 88, № 34]. Уже отсюда видно, что употребление этого слова не сводится к наименованию великого князя московского и может распространяться на наименование других князей; слово (*г*)*осподарь* выступает в этом значении задолго до того, как оно фиксируется в титуле московского князя [Золтан 1983/2002: 574–575]. Это наименование встречается, в частности, у удельных князей, находящихся в зависимости от Москвы, но в этих случаях, возможно, имеет место уподобление московскому великому князю³. Вместе с тем так же именует тверского великого князя (Михаила Борисовича) Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» (1466–1472 гг.)⁴.

² Ранее считалось, что первыми монетами с надписью *осподарь* были монеты Дмитрия Шемяки; см., например, [Алеф 1959/2002: 601–605].

³ Так, например, именовались своими подданными верейско-белозерский князь Михаил Андреевич († 1486 г.) или звенигородский князь Андрей Васильевич Большой († 1493 г.): *мои осподарь кн[а]зь Михаило Ондръевич; ты, гъсподарь, князь Михаило Ондръевич; по княжу слову гъсподаря моего князя Михаила С[в]ондръевича* [Акты соц.-экон. истории, II: 100, 102, 117, №№ 165, 167, 185; см. еще: 112, 120–121, 158, 168, №№ 178, 189, 190, 238, 255]; «И о томъ судьи рыкли доложить своего осподаря князя Ондreja Васильевича, какъ укаже. И поставя судьи обоихъ истцовъ перед осподаремъ передо Княземъ Ондреемъ Васильевичъ [sic!], судъ свой сказали» [Акты юрид. 1838: 13, № 7] и т. п. Кирилл Белозерский в духовной грамоте 1427 г. называет Можайского князя Андрея Дмитриевича своим *господарем* и вместе с тем *князем великим* [Прохоров и др. 1994: 186]; эта грамота дошла до нас в списке XVI в. и показания ее не могут считаться вполне достоверными [Золтан 1983/2002: 573, примеч. 103].

⁴ В Эттеровом списке «Хождения...» Афанасия Никитина: *Поидѡ ѿ Сїса стїго златоверхаго и съ его милостїю ѿ гдѣра своего ѿ великаго кнѣза Михаїла Борисовича Тверскаѣ* [Афанасий Никитин 1958:

Итак, *господарями*, наряду с московскими князьями, именуются и другие правители Великой Руси. Однако только у московских князей этот термин становится с а м о н а и м е н о в а н и е м, т. е. выступает как элемент интитуляции; между тем интитуляция является непременным компонентом полноценного титула. Можно сказать, таким образом, что только у московских великих князей слово *господарь* является титулом в полном смысле слова. Характерно в этом смысле, что когда Дмитрий Шемяка овладевает Москвой (1446–1447 гг.), он начинает именовать себя таким образом, т. е. слово *осподарь*, которым он назывался и раньше, становится его титулом⁵.

2. Со временем на месте западнорусской по своему происхождению формы *господарь* в титуле московского монарха появляется собственно великорусская форма *государь*. По всей видимости, это обусловлено стремлением обособить наименование московского правителя, противопоставив его наименованию других правителей, как русских, так и иностранных. *Господарями* называют разных правителей, *государем* — только московского монарха.

Как показано в исследовании А. Золтана, слово *государь* появляется во всяком случае не ранее XVI в. [Золтан 1983/2002: 554, 586; 2014: 67–72]; скорее всего, это случилось в середине или второй половине XVI в. Когда именно *господарь* заменилось на *государь*, остается неясным, поскольку оба слова совершенно одинаково писались под титулом как *гдѣрь* или *гдѣрь*⁶; соответственно, эти сокращения могут читаться как тем, так и другим образом — это обстоятельство говорит о том, что слова *господарь* и *государь* ассоциировались друг с другом⁷. Именно поэтому первые фиксации полной, а не сокращенной формы *государь* дошли до нас в латинской транскрипции — в записях иностранцев, передающих реальное звучание слова, независимо от его написания. Слово *господарь* (*осподарь*) с XV в. может появляться в великокняжеском и затем в царском титуле в полном

вкладка между с. 32 и 33]. Сокращение *гдѣря* должно читаться здесь как *господаря* (см. ниже, раздел 2).

⁵ Наименование князя (*г*)*осподарем* достаточно рано, по-видимому, находит отражение в этикетных формулах. Так, в новгородской берестяной грамоте № 963 (1410-х гг.) жители обращаются к архиепископу новгородскому Симеону († 1521 г.), последовательно называя его *господином*. Вместе с тем в одном случае здесь фигурирует наименование *осподарь*: ... тебѣ челоуѣкъ выѣтъъ всѣмъ ѿ мала до велика, осподарю [Янин и др. 2015: 73–75]. Аналогичное сочетание слов *господин* и *осподарь* представлено — в том же контексте — в новоявленной берестяной грамоте № 1155 первой пол. XV в. (еще не опубликованной): ... а намъ осподарю [д]ене дати силъ нѣтъъ. а ... (сво)[е]мъ осподарю мно[к]о целоуъ въ[н]е[м]у. В обоих примерах перед нами этикетная формула челоубить, где подчеркивается высокое положение адресата. За словом *осподарь*, по-видимому, стоит здесь значение ‘князь’ (хотя нельзя полностью исключать и значение ‘хозяин’), т. е. к адресату обращаются так, как принято в почтительной речи обращаться к владетельному князю. Сочетание *господину* (*г*)*осподарю* становится в дальнейшем трафаретной формулой обращения в эпистолярном стиле (см. [Успенский 2021: 35–36]; ср. [Там же: 37–38] о наименовании *господарем* духовного лица).

⁶ Наряду с только что указанными аббревиатурами (*гдѣрь* или *гдѣрь*), слово *господарь* иногда передавалось более специальными сокращениями, такими как *гдѣрь*, *всѣрь* и т. п., см., например, форму *всѣрь* в титуле Ивана III в его грамоте в Кафу Захарье Евреянину 1484 г. [СГГД, II: 24, № 20] или в духовной грамоте Михаила Андреевича, князя верейского и белозерского, около 1486 г. [ДДГ 1950: 305, № 806]. Слово *государь* специального сокращения не имело.

⁷ Точно так же одинаково записывались формы *царь* и *цесарь*: аббревиатуры *цѣрь* и *цѣрь* могут читаться как тем, так и другим образом.

В публикациях исторических источников сокращения *гдѣрь* и *гдѣрь* раскрываются как *государь*, что не всегда правомерно: при воспроизведении ранних памятников письменности (по крайней мере, до XVI в.) эти формы безусловно должны раскрываться как *господарь*.

написании; первые примеры полного написания в титуле слова *государь* относятся к XVII в.⁸

Написание этих слов под титулом представляет интерес в том отношении, что они не являются церковнославянизмами: по своему происхождению как *господарь*, так, по-видимому, и *государь* представляют собой канцеляризмы. Оба слова принадлежат к деловой лексике, однако оформляются они так, как если бы были церковнославянизмами; это, несомненно, связано с сакрализацией монаршей власти⁹. Написание под титулом слова *господарь* при обозначении правителя восходит к канцелярской практике Литовской Руси¹⁰; соответствующее написание слова *государь* определяется традицией написания слова *господарь*.

3. Первые фиксации слова *государь* относятся к концу XVI в. Как уже говорилось, поначалу это слово фиксируется в записях иностранцев и представлено в латинской транскрипции.

Так, в словаре капитана Соважа, записанном в устье Северной Двины (в Николо-Корельском монастыре) в 1586 г., зафиксированы слова *asondare ~ asoudare, assoudare* (monsieur, maistre), *assondarinie ~ assoudarinie* (maistresse), передающие формы 'осударь, осударыня' [Ларин 1948: 66, 68], наряду со словами *aspondare* (monsieur), *aspondarenia ~ aspondarenia, aspoudarinia ~ aspoudarinia* (madame, damoyse), передающими 'осподарь, осподарыня' [Там же: 63, 92, 167]¹¹. Целый ряд примеров мы находим в словаре Марка Ридлея, личного врача царей Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова в 1594–1599 гг.: *госодарь* (prince, lord, master), *госодарина*, *государина* (ladie), *государива* (lordshipe), *госодаревои* (lordshipes), *госодарово* (lordle), *госодарства*, *государества* (soveranitie, dominion); см. здесь также *господарь, господарь* (lord) [Stone 1996: 112]. Ср. затем надпись на сабле («тесаке») царя Михаила Федоровича 1618 г., сделанную мастером Ильей Просвитом (Оружейная палата, Инв. № ОР–136): «Sy tesaks iscelan poweleniem gossudra i velikoeo kniesa Michaila Fedorowitcha vsea Rusyi v patoie leeto goswdarstva evo masetza [месяца] m [марта? мая?] po prikasu kraitshebo y oruschnitshevo Mihaila Michailowitscha Saltikova delal

⁸ По утверждению С. М. Каштанова [2003: 312], в русской версии договора Ливонского ордена с Псковом 1531 г. слово *государь* в титуле московского великого князя написано без сокращений. Это недоразумение: в опубликованном тексте этого договора [СГГД, V: 116–122, № 106], на который и ссылается Каштанов, все вообще слова представлены в полной форме — раскрытие подтительных сокращений целиком лежит в данном случае на совести публикаторов. Более сложный случай представляет собой русский текст договора Ордена с Новгородом 1521 г., опубликованный в том же издании [СГГД, V: 87–95, № 95]: сокращение *гдрь* чередуется здесь с полной формой *государь*. Впервые этот документ был опубликован К.-Э. Напьерским [Napierky 1868: 329–340, № 369b], причем в публикации Напьерского все сокращения раскрыты и форма *гдрь* во всех случаях передается как *государь*. Издатели V-го тома «Собрания государственных грамот и договоров» [СГГД, V: 87–95, № 95], по всей видимости, воспользовались предшествующей публикацией; слив ее с подлинником, они внесли в текст сокращенные формы, однако сделали это непоследовательно, почему кое-где и осталась форма *государь*.

⁹ Это проявляется не только в графике, но и в произношении: под влиянием церковного чтения буква *г* произносилась в этих словах как звонкий заднеязычный спирант ([ɣ]*осподарь*, [ɣ]*осударь*). Связанные с этим артикуляционные трудности обусловили появление таких форм, как *осподарь, осударь*, которые закрепляются в деловой и бытовой речи [Зализняк 1993: 235, § 34; Успенский 2020: 176–177].

¹⁰ Отсюда же объясняется встречающееся иногда полное написание этого слова; о том, что *господарь* в значении главы государства иногда пишется западнорусскими писцами в полной форме (при преимущественном написании под титулом), см. [Мякишев 2008: 88].

¹¹ Варианты написания *asondare ~ asoudare* и т. п. объясняются совпадением букв *и* и *п* во французской скорописи [Ларин 1948: 12].

maester Iiaii Proswits») [Оруж. палата 2002: 144, 333–334, № 35]¹². Это первый известный нам пример, когда слово *государь* фигурирует как элемент титула.

О том, что слово *государь* существовало во времена Бориса Годунова, говорит сокращение *осу* (очевидно, из *осударь*) в «царском жалованном слове» воеводам 1604 г. (благодарность за битву с войсками Лжедмитрия под Новгород-Северским): «Князь Ѡедорь-осу!», «Князь Ѡедорь-осу Ивановичь!», «Князь Дмитрей-осу Ивановичь съ товарищи!» и т. п.¹³ Слово *осу*, так же как и слово *сударь*, представляет собой, по-видимому, форму вежливого обращения к собеседнику, характерную для устной речи.

Слово *государь* в полной форме представлено в титуле царя Алексея Михайловича на его «гербовном» знамени 1666–1678 гг.: Божию милостию Великий Госѣддарь Царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ [...] Госѣддарь і великий Кнѣзь Новгорода [...] повелитель и Господарь Іверскіе земли [...] отчичъ и дѣдичъ и Госѣддарь и владдатель ([Яковлев 1865, отд. II: 33, № 3583]; подтительные сокращения в этом издании передаются). Любопытно при этом противопоставление новой формы *государь* и старой *господарь*: «*государь* всея Россіи», но «*господарь* Иверской земли». Ср. на другом его знамени (1671 г.): Великий Госѣддарь Црь и великий князь Алексѣй Михайловичъ [...] Московский, Киевский, Владимирский [...] и иныхъ госѣдартствъ Госѣддарь і Великий Кнѣзь Новгорода [...] повелитель и Госѣддарь Іверскіа земли [...] отчичъ, и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Госѣддарь и владдатель [Там же, отд. I: 96–97]¹⁴.

Укажем в этой связи также форму *государство* в брачном договоре Лжедмитрия I от 25 мая 1604 г., отмеченную в работе А. Золтана: кон часъ доступлю наслѣдственнаго нашего Московскаго Государства [СГГД, II: 160, № 76; Золтан 2014: 69]. В отличие от других документов Лжедмитрия I на русском языке, опубликованных во втором томе «Собрания государственных грамот и договоров» [СГГД, II: 165–167, 195–289, №№ 79, 87–137], которые основываются на списках и переводах с польского неизвестного происхождения, брачный договор, написанный 25 мая 1604 г. в Самборе, воспроизводит, по-видимому, автограф самозванца, ср. [Ульяновский 1991: 82–84]. Сокращения под титулом в публикации этого текста сохраняются, и это заставляет отнести с доверием к написанию слова *государство*¹⁵.

¹² Указанием на эту надпись мы обязаны любезности А. Н. Лобина.

¹³ См., например: «Да чашнику жъ Микитѣ Дмитреевичу Вельяминову говорить бояромъ князю Дмитрею Ивановичу Шуйскому съ товарищи: “Князь Дмитрей-осу Ивановичь съ товарищи! Государь Царь и Великий Князь Борисъ Ѡедоровичъ всеа Русіи и сынъ его Царского Величества Царевичъ князь Ѡедоръ Борисовичъ всеа Русіи жалуетъ васъ: велѣлъ вамъ поклониться. — Князь Дмитрей-осу Ивановичь и всѣ бояре и воеводы! Государь Царь и Великий Князь Борисъ Ѡедоровичъ всеа Русіи и сынъ его Царского Величества Царевичъ Князь Ѡедоръ Борисовичъ всеа Русіи велѣлъ вамъ говорити: слухъ до насъ дошелъ...”» [ААЭ, II: 77, № 27; Соболевский 1897/2006: 205, № XIV; 1907: 149].

Слово *осу* вошло в словарь В. И. Даля, ср.: «*Осу* Дионисій, митрополить всея Руси» [Даль, II: стлб. 1836]. Источник этой цитаты, к сожалению, неизвестен; Дионисий Грамматик был митрополитом всея Руси в 1581–1586 гг. Обращает на себя внимание, что *осу* в этой фразе предшествует имени, а не следует за ним, как это имеет место в «царском жалованном слове» Бориса Годунова. Позиция *осу* в слове Бориса Годунова, возможно, объясняется тем, что таким образом здесь именуются князья: слово *князь* неотрывно связано с собственным именем, составляя с ним одно целое, поэтому *осу* оказывается в этом случае в постпозиции, а не в препозиции.

¹⁴ Приведем еще надпись на знамени царей Ивана и Петра Алексеевичей 1682 г.: Великіе Гдари Цри и Великіе кнзи Іваннъ Алексѣевичъ, и Петръ Алексѣевичъ, и Великаа Гдрна Бѣговѣрнаа цревна и Великаа кнжна Софіа Алексѣевна [...], отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и Госѣдари и владдатели [Яковлев 1865, отд. I: 98]. Ср. в словаре Спарвенфельда 1684–1705 гг.: «...поцеди госѣддарь. Indulge Domine, da veniam commissae culpaе» [Sparwenfeld, III: 107, № 2146].

¹⁵ Данная грамота дошла до нас в двух версиях, дословно соответствующих друг другу: русской и польской; как под русским, так и под польским текстом стоит подпись Лжедмитрия. Есть основания полагать, что польский текст был переведен с русского, а не наоборот. На это может указывать следующая фраза в начале грамоты: ...за призьнѣнемъ Гда Бѣа всемоуцаго, отъ которою живеть

Итак, слово *государь* было известно в русской речи по крайней мере в конце XVI в. Очевидно, что его адаптации в разговорной речи, отразившейся в отмеченных выше примерах, должен был предшествовать тот или иной период времени. А. Золтан предположил, что форма *государь* возникла в XVI в. в разговорной речи, «когда слово *господарь* из великокняжеского титула превратилось в общеупотребительную форму обращения» [Золтан 2014: 70], ср. [Золтан 1983/2002: 585]; это предположение основывается на убеждении (как нам представляется, ошибочном), что форма *государь* представляет собой результат преобразования (разговорной модификации) формы *господарь* (ср. ниже, раздел 5). Полагаем, что дело обстоит противоположным образом: слово *государь* появляется как наименование московского монарха и затем проникает в разговорную речь в качестве вежливой формы наименования собеседника (или адресата при письменном обращении). В самом деле, легко себе представить усвоение высокого, титульного слова в разговорной речи, тогда как обратный процесс — усвоение вулгаризма в официальном языке — кажется маловероятным. При этом, как будет показано ниже, *государь* представляет собой искусственно образованное слово, продукт ассоциативного этимологизирования (см. раздел 5).

4. Есть основания полагать, что слово *государь* заменило слово *господарь* в наименовании русских правителей не сразу, а постепенно: какое-то время эти два слова могли, видимо, сосуществовать друг с другом. Так, слово *господарь* в полном написании встречается на печатях Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Лжедмитрия II, Василия Шуйского и даже еще на печати Михаила Федоровича. Ср. печати Ивана Грозного без даты (Иванъ Божию милостию царь и господарь всеа Русси), его же 1562 г. (лицевая сторона: Божию милостию царь і великіи князь Иванъ Васильевичъ господарь всеа Русси [...]) гдѣрь Псковскіи; оборотная сторона: господарь и великіи князь Новогорода Низовскіе земли), его же 1577 г. (Иванъ Божию милостию царь и господарь всеа Русси), его же 1583 г. (повелитель и гдѣрь земли Лиоланскіе [...]) господарь втчины Рязанскіи, Федора Ивановича 1584 г. (Феодоръ Божию милостию царь господарь всеа Русси), Бориса Годунова без даты (и многихъ господарствъ господарь и обладатель), его же 1599 г. ([Боже]ю милостию царь и господарь всеа Русси), Лжедмитрия I 1605–1606 гг. (и многихъ господарствъ господарь и обладатель), Василия Шуйского 1606 г. (и многихъ господарствъ господарь и обладатель), Лжедмитрия II 1608 г. (господарь об[ада]те[ль] всеа Русси), Михаила Федоровича 1625 г. (всеа Русси самодержецъ і многихъ господарствъ господарь и обладатель) [Снимки печатей 1880: №№ 9, 12, 16, 19, 22, 27, 30, 34, 38, 40, 42]. Отметим в этой связи форму *господарствъ* на печати Михаила Федоровича 1627 г. (і многихъ господарствъ гдѣрь и обладатель) [Там же: № 44].

Показателен также московский «золотой угорский» (подражание венгерскому дукату) с изображением Бориса Годунова и окружающей его надписью на аверсе: Божию милостию великіи господарь царь; на реверсе надпись продолжается, однако слова стерты: читается только слово *самодержецъ* [«Борис Годунов» 2015: № 90].

Наименование этих царей *господарями* не означает, на наш взгляд, что они еще не назывались *государями* и что это последнее слово появляется в титуле не раньше первой четверти XVII в. Так, Михаил Федорович может именоваться как *государем*, так и *господарем*: *государем* он именуется в надписи на сабле 1618 г. (см. раздел 3), *господарем* — в только что цитированной надписи на печати 1625 г. То же может быть сказано о Борисе Годунове: о том, что Годунов мог называться *государем*, говорит, по-видимому, сокращенная форма

начало и конецъ, а жена и смерть вываецъ отъ негъжъ. Ср. в польской версии документа: *...za przeirzeniem Pana Boga wszechmogącego, od którego wszystkie rzeczy dobre początki, srzodki y koniec swoj biorą, a malzonka y smierec naznaczone bywa*. Выражение *жена и смерть* восходит, по-видимому, к фразеологизму *жизнь и смерть*, ожидаемому в этом контексте; в свою очередь, соответствующий польский текст (*a malzonka y smierec naznaczone bywa*) с глаголом в единственном числе (*bywa*) выглядит как буквальный перевод с русского. Иначе говоря, ошибка в русском тексте при передаче фразеологического оборота (*lapsus linguae*) отразилась в польском переводе.

осу, бытующая в его время (см. раздел 3); *господарем* же он называется, как мы видели, на печатях и на «золотом угорском». Наряду с формой *государство*, которую мы встречаем в брачном договоре Лжедмитрия 1604 г. (см. раздел 3), в первой половине XVII в. вполне употребительна форма *господарство* (см. цитированные выше печати Михаила Федоровича 1625 и 1627 гг.¹⁶ Новое слово (*государь*) лишь постепенно вытесняло старое (*господарь*); последнее оставалось особенно устойчивым на печатях, где практиковалось вообще использование старых матриц¹⁷.

По всей видимости, термин *государь* появляется как вариантное наименование русского монарха (царя?), отличающее его от всех остальных правителей. Кажется возможным предположить, что его появление связано с венчанием на царство Ивана Грозного (1547 г.); к сожалению, это предположение пока не поддается проверке.

5. Слово *государь* неоднократно привлекало к себе внимание этимологов, однако все попытки определить этимологию данного слова не имели успеха. Как правило, его объясняют как модификацию слова *господарь*, но одно никак не выводится из другого. Фонетически преобразование *господарь* в *государь* необъяснимо; другие же объяснения представляются произвольными. «В этимологической литературе русск. *государь* без исключений возводится к более раннему *господарь*, — писал А. Золтан; — разногласия имеются лишь в способе объяснения перехода *господарь* → *государь* [Преображенский, I: 152; Фасмер, I: 446, 448; Шанский, IV: 146, 150; ЭССЯ, VII: 59]. Одни исследователи считают этот процесс фонетическим [Преображенский; Шанский; ЭССЯ], другие предлагают более сложный путь — обратное заимствование из тюркских или финских языков [Berneker 1924: 335]. (...) Ни одна из перечисленных точек зрения не является достаточно аргументированной, и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* → *государь* нельзя считать решенным» [Золтан 1983/2002: 554]. Ср.: «...по единогласному мнению исследователей, русск. *государь* восходит к более ранней форме *господарь*, а *государство* — к *господар(ь)ство*, а эти более ранние формы восходят, на наш взгляд, к соответствующим западнорусским словам» [Золтан 2014: 71].

П. Я. Черных предположил, что *государь* связано с основой *суд*: по его мнению, слово *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить* и т. п. [Черных 1956: 213–214]; ср. более осторожную формулировку [Черных, I: 210]. Таким образом, Черных, как и другие исследователи, возводит *государь* к слову *господарь*. Как нам кажется, это ошибка; мы попытаемся показать, что *государь* не образовалось из *господарь*: оно имеет собственную этимологию. Сближение слов *государь* и *суд* в семантическом плане кажется вполне вероятным [Золтан 1983/2002: 586; 2014: 71; Аникин, XI: 327], однако оно нуждается в доказательствах. До тех пор, пока мы не знаем, какие формальные процессы подтверждают это сближение, предположение о связи этих слов висит в воздухе.

Далее мы пытаемся объяснить эту связь: вслед за П. Я. Черных мы исходим из того, что слова *государь* и *суд*, *судить* связаны друг с другом; вместе с тем мы предлагаем решение,

¹⁶ Еще в 1683 г. Авраамий Фирсов в предисловии к своему переводу Псалтыри на «наш простой обиходной словенской язык» употребляет слово *государство*, см. изд. [Авраамий Фирсов 2006: 181]. Об этом слове в Уложении 1649 г. см. [Черных 1953: 172; 1956: 214].

¹⁷ Относительно технологии изготовления печатей см. указ «О государственных печатях и о перемене на оных царского имени» от 29 апреля 1682 г.: [ПСЗ, II: 387–388, № 915; СГГД, IV: 412–414, № 133]. Почти во всех приведенных нами случаях слово *господарь* появляется на печатях одного и того же типа, а именно, на малой государственной печати; исключение составляют золотая булла Ивана Грозного 1562 г., его большая государственная печать 1583 г. и восковая печать Лжедмитрия II 1608 г. [Снимки печатей 1880, №№ 12, 19, 40]. Ср. в этой связи малые государственные печати со словом *господарь* в полной форме, предшествующие официальному принятию царского титула в 1547 г., — Ивана III 1504 г. (*господарь всеа Руси*), Василия III 1514 г. (*Бжею милостию господарь всеа Руси*) и Ивана Грозного 1539 г. (*Иванъ Бжею милостию господарь всеа Руси*) [Снимки печатей 1880: №№ 2, 4, 7].

позволяющее понять, как из основы *суд-* могло получиться *государь*. С нашей точки зрения, *государь* может быть возведено к *суд*, но не может быть выведено из *господарь*.

Полагаем, что *государь* образовано от глагола *судити*, среди значений которого имеется значение ‘управлять’ [Сл. др.-рус. XI–XIV вв., XII: 36–37; Сл. рус. XI–XVII вв., XXVIII: 261–262]¹⁸. Нельзя не отметить, что это значение выступает в ветхозаветном контексте: так говорится о библейских предводителях, патриархах и пророках.

От глагола *судити* образуется *poimen agentis сударь*. Слово *сударь* хорошо известно в русском языке, но его принято воспринимать как сокращение из *государь* [Соболевский 1897/2006, № XIV: 205; Преображенский, II: 413; Фасмер, III: 795]; такое понимание отменяется уже в Словаре Академии Российской [Сл. Ак. Рос., I: стлб. 1222]. Это восприятие отражает, по-видимому, позднее переосмысление. В действительности соотношение представляется обратным: не *сударь* образовано от *государь* — напротив, *государь* образовано от *сударь*¹⁹.

В свое время *сударь* было полноценным словом с исходным значением ‘судья, правитель’. Это слово сохранилось в русском языке как форма вежливого обращения, но первоначально его употребление отнюдь не сводилось к диалогической речи. Так, мы находим его в дневнике Ричарда Джемса (1618–1619 гг.), и именно как обозначение правящего монарха: «...*ninišnago sđari*, the now reigning Prince» [Ларин 1959: 179, 409, л. 61.14]. Равным образом выражение *чаша государева* передается у Джемса как «*chasha sđariva*, the Emperors health of others they say» [Там же: 179, 409, л. 61.1]²⁰.

Слово *сударь* в данном значении не попало в поле зрения лексикографов (в частности, оно не учтено в многотомном Словаре русского языка XI–XVII вв.), поскольку Б. А. Ларин, издавший дневник Ричарда Джемса, неправильно разделил слова: сочетание *ninišnago sđari* он интерпретировал как **ninišna gosđari* — иначе говоря, вместо *сударь* он прочел *государь*. Соответственно, в указателе русских слов к изданию Джемса, которым обычно пользуются лексикографы, слово *сударь* представлено в значении ‘господин’ («*sđari*, sir» [Ларин 1959: 87, 298, 363, л. 15.16]) и не представлено в значении ‘монарх’; в то же время здесь значится слово *государь* (*gosđari* [Там же: 273, л. 61.14]), отсутствующее у Джемса²¹.

Слово *сударь* в подобном значении встречается в фольклоре, ср.: «Воцарился наш прегрозный царь, наш прегрозный сударь царь Иван Васильевич» [Гильфердинг, I: 147, № 13]. Выражение *сударь царь* отвечает обычной формуле *царь государь*. В свадебном обряде

¹⁸ Равным образом *правити* может иметь значение ‘судить’ [Сл. др.-рус. XI–XIV вв., VII: 435].

¹⁹ Слово *сударь* известно как с ударением на первом слоге (*судáрь*), так и на последнем (*сударь*); в современном русском языке только первая форма считается нормативной, тогда как форма с ударением на последнем слоге воспринимается как архаическая. Древнейшей является форма *сударь*, и она соответствует форме *государь*; только такие формы встречаются в древнерусских текстах [Зализняк 2014: 560].

А. И. Соболевский считал, что ударение *сударь* восходит к форме *осу*, которую он возводил к *государь*, см. [Соболевский 1897/2006: 205, № XIV; 1907: 149]; о форме *осу* см. выше, раздел 3. Слово *государь* с таким ударением, насколько мы знаем, неизвестно, и его достоверность вызывает сомнение; подозреваем, что это реконструируемая форма (где *сударь* объясняется из предполагаемого **государь*). Если бы такое слово существовало, мы могли бы считать, что *государь* образовалось из *сударь*, подобно тому как *государь* образовалось из *сударь*.

²⁰ Перевод Ларина ‘(за) здоровье государя, о других’. Выражение ‘of others’ нам не вполне понятно.

²¹ Сокращенная (подтительная) форма дат. падежа *c[y]d[a]pu* встретила нам в документе 1496 г. из канцелярии Великого княжества Литовского («Отказ [т. е. ответ] послом Стефана воеводы волоского...»: *къдъръ вашемѣ*, т. е. ‘к сударю вашему’ (Рос. гос. архив древних актов, ф. 389 (Литовская метрика), оп. 1, кн. 6, л. 80об). Речь идет о молдавском господаре Стефане III Великом. В других случаях как в отношении Стефана, так и в отношении Александра Ягеллончика, великого князя Литовского, последовательно употребляется форма *гдѣр*. Скорее всего, это описка писца, который имел в виду форму *гдѣр* и пропустил букву г.

сударем может называться жених [СРНГ, XLII: 159], что соответствует распространенному наименованию жениха *князем* [СРНГ, XIII: 353].

В дальнейшем к слову *сударь* был добавлен компонент *го-* по ассоциации со словами *господарь*, *господин*, *госпожа* и т. п. (как общий компонент у этих слов). Можно представить себе, как работала эта ассоциация. В разговорной речи начальное *го-* в словах указанной группы могло отпадать, в результате чего появлялись такие, например, просторечные формы, как *сподарь* из *господарь*, *спожа* из *госпожа* и т. п. [СРНГ, XL: 180, 292; Носович 1870: 605; Гринченко, IV: 181]²². Таким образом, компонент *го-* представлял в языковом сознании как элемент книжного языка, противостоящий разговорным формам. В этом качестве он присоединился к форме *сударь*, которая была осмыслена как не книжная (разговорная) форма. Так образовалось слово *государь*; в конечном счете оно должно рассматриваться как искусственное образование. Закономерным образом *сударь* стало пониматься затем как сокращение из *государь* — в точности так же, как *сподарь* понимается как сокращение из *господарь*, *спожа* — как сокращение из *госпожа* и т. п. Итак, слово *сударь* изначально представляет собой полноценное, не сокращенное слово, но оно стало восприниматься как сокращение.

Предупреждая возможные возражения, отметим, что слово *сударь* ‘монарх’ нельзя рассматривать как сокращение из *государь*, по аналогии с тем, как *сподарь* является сокращением из *господарь*, *спожа* — сокращением из *госпожа* и т. п. Сокращение такого рода (усечение первого слога), как правило, снижает значение слова и не наблюдается в словах с высоким (в частности, титульным) значением. Так, в значении главы государства *господарь* не сокращается в *сподарь* (при том, что *сподарь* может обозначать главу семейства, хозяина); Богородица может называться *госпожой*, но не *спожой* (при том, что *спожа* выступает как название праздника Рождества или Успения Богородицы); в Белоруссии *спожой* называли не жену князя или помещика, а жену священника, и т. п. Между тем слово *сударь* в приведенных нами примерах имеет самое высокое значение: это слово означает именно главу государства, т. е. то же, что *государь*²³.

Как уже говорилось, исследователи, пытавшиеся определить этимологию слова *государь*, как правило, рассматривали его как производное от *господарь* — как результат преобразования этого слова. Представляется, что в таком подходе заложена принципиальная ошибка, закрывающая путь к правильному решению вопроса: *государь* и *господарь* — разные по своему происхождению слова, и они никак не могут быть объяснены одно из другого. Именно поэтому они могли сосуществовать друг с другом как альтернативные варианты в царском титуле (см. выше, раздел 4): если бы одно слово являлось модификацией другого, сосуществование их в титуле нуждалось бы в специальном объяснении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ААЭ, I–IV — *Акты, собранные... Археографическою экспедициею Академии наук*, т. I–IV. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836.

²² Отметим также зват. форму *споже* (сокращение из *госпоже*?), употреблявшуюся при обращении к мужчине [Даль, IV, стлб. 450; СРНГ, XL: 192].

²³ Отдельно должно рассматриваться усечение слога *го-* в форме *Господи* в песне («Здраволоса царство Московское»), записанной для Ричарда Джемса его русским информантом в 1619–1620 гг.: «Дѧ Споди здоровь бы^н г^ѣдрь мои батюшко, а батюшко, г^ѣдрь Филарѣтъ Никитичъ». Ср. затем здесь же: «И даи Господи здоровь бы^н православной цѣрь кнѧ великїи Михаилъ. Федоровичъ» [Симони 1907: л. IX]. Усечение, обусловленное, видимо, ритмикой стихотворного текста, характеризуется в данном случае не слово как таковое (*Господь*), а всего лишь конкретную форму в тексте: это явление не языка, а текста, и оно не имеет отношения к значению слова. Ф. Е. Корш предполагал, что при произнесении этой фразы имело место усечение не одного, а двух слогов: «Да[и] [Го]споди...» [Там же: 25].

- Авраамий Фирсов 2006 — *Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование*. Предисл., исслед., подг. текста и сост. словоуказателя Е. А. Целуновой. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Акты соц.-экон. истории, I–III — *Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I–III*. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1964.
- Акты юрид. 1838 — *Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства*. Изданы Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838.
- Аникин, I–XV — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*, вып. I–XV. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–2021–.
- Афанасий Никитин 1958 — *Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472*. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- «Борис Годунов» 2015 — *Борис Годунов: От слуги до государя всяя Руси*. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2015.
- Гильфердинг, I–III — *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. Изд. 2-е, т. I–III. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1894–1900 (= Сб. ОРЯС, т. LIX).
- Гринченко, I–IV — *Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»*. Редактировал с добавлением собственных материалов Б. Д. Гринченко, т. I–IV. Киев: б. и., 1907–1909.
- Даль, I–IV — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 4-е, испр. и значительно перераб. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, т. I–IV. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1912–1914.
- ДДГ 1950 — *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Подгот. к печати Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2014 — Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Ларин 1948 — Ларин Б. А. *Парижский словарь москвитов 1586 г. Dictionaire Moscovite 1586. По рукописи Парижской национальной библиотеки (Collection Dupuy № 844, fol. 418–423)*. Перевод, исследование и комментарии Б. А. Ларина. Рига: Издание Латв. гос. ун-та, 1948.
- Ларин 1959 — Ларин Б. А. *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959.
- Носович 1870 — Носович И. И. *Словарь белорусского наречия*. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1870.
- Орешников 1896 — *Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников*. Вып. 1: *Русские монеты до 1547 г.* Описание сост. А. Орешников. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1896.
- Оруж. палата 2002 — *Государева Оружейная палата*. СПб.: Атлант, 2002.
- Преображенский, I–III — Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–II. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914²⁴.
- Прохоров и др. 1994 — *Духовная грамота Кирилла Белозерского. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские*. Изд. подготовлено Г. М. Прохоровым, Е. Г. Водолазким и Е. Э. Шевченко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Глаголь, 1994, 184–187.
- ПСЗ, I–XLV — *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года* [Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. I–XLV. СПб.: Тип. 2-го отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830.
- СГГД, I–V — *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел*. Ч. I–V. М.: Тип. Н. С. Всеволожского; и др., 1813–1894.
- Симони 1907 — Симони П. К. *Великорусские песни, записанные в 1619–20 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства. С полным снимком и текстами всех шести песен по подлинной рукописи, хранящейся в Оксфорде, и с приложением чтения песен и с отметками указаний касательно ритмических их особенностей академика Ф. Е. Корша*. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1907 (= Сб. ОРЯС, т. LXXXII, № 7).
- Сл. Ак. Рос., I–VI — *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. Ч. I–VI. СПб.: При имп. Академии наук; При имп. Российской академии, 1806–1822.
- Сл. др-рус. XI–XIV вв., I–XII — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. I–XII. М.: Русский язык; и др., 1988–2019–.

²⁴ Том III словаря А. Г. Преображенского опубликован в изд.: Труды Ин-та русского языка, т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

- Сл. рус. XI–XVII вв., I–XXXI — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–XXXI. М.: Наука; и др., 1975–2019.
- Снимки печатей 1880 — *Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц*. Вып. I. М.: Тип. А. Гатцука, 1880.
- СРНГ, I–LII — *Словарь русских народных говоров*. Вып. I–LII. М.; Л./СПб.: Наука; и др., 1965–2021.
- Фасмер, I–IV — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Федоров 1949 — Федоров Г. Б. *Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III. Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Вып. 30. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, 70–76.
- Черных, I–II — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I–II. М.: Русский язык, 1993.
- Чертков 1834 — Чертков А. Д. *Описание древних русских монет*. М.: Тип. С. Селивановского, 1834.
- Чертков 1837 — Чертков А. Д. *Описание древних русских монет. Прибавление первое*. М.: Тип. С. Селивановского, 1837.
- Чижов 1910 — Чижов С. И. *Московская деньга в[еликого] к[нязя] Дмитрия Шемяки*. [М.: б. и., 1910. Из отчета Румянцевского музея за 1910 г.]
- Шанский, I–IX — *Этимологический словарь русского языка*. Под ред. Н. М. Шанского. Вып. I–IX. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963–1999.
- ЭССЯ, I–XLI — *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. I–XLI. М.: Наука, 1974–2018.
- Яковлев 1865 — *Русские старинные знамена*. Составил Лукиан Яковлев, помощник директора московской Оружейной палаты. М.: [б. и.], 1865 (= *Древности Российского государства*. Дополнение к III Отделению).
- Янин и др. 2015 — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. XII: *Из раскопок 2001–2014 гг.* М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Berneker 1924 — Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I: A–L. Zweite unveränderte Auflage. Heidelberg: C. Winter, 1924.
- Napiersky 1868 — *Russisch-Livländische Urkunden*. Gesammelt von K. E. Napiersky. Herausgegeben von der Archäographischen Commission. St. Petersburg: Buchdruckerei d. K. Akademie d. Wissenschaften, 1868.
- Sparwenfeld, I–IV — Sparwenfeld J. G. *Lexicon Slavonicum*. Ed. and commented by Ulla Birgegård. Vol. I–IV. Uppsala: Uppsala Univ. Library Slavic manuscript collection, 1987–1990. *Index*. Uppsala: Uppsala Univ. Library Slavic manuscript collection, 1992 (= *Acta Bibliothecae R. Universitatis Upsaliensis*, vol. XXIV, 1–5).
- Stone 1996 — *A Dictionary of the vulgar Russe tongue: attributed to Mark Ridley*. Ed. from the late-sixteenth-century manuscript with an introduction by G. Stone. Köln: Böhlau, 1996 (= *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte*. Reihe B, Editionen: N. F. Bd. 8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алеф 1959/2002 — Алеф Г. Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II. *Из истории русской культуры*. Т. II, кн. 1: *Киевская и Московская Русь*. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.). М.: Языки славянской культуры, 2002, 591–609. Пер. с англ. [Alef G. The political significance of the inscriptions on Muscovite coinage in the reign of Vasilii II. *Speculum*, 1959, XXXIV(1): 1–19. Transl. into Russian.]
- Зайцев 2004 — Зайцев В. В. *Материалы по русской нумизматике XV века*. Киев: Юнона-монета, 2004. [Zaitsev V. V. *Materialy po russkoi numizmatike XV veka* [Materials on Russian 15th-century numismatics]. Kyiv: Yunona-Moneta, 2004.]
- Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте*. Т. IX: *Из раскопок 1984–1989 гг.* Янин В. Л., Зализняк А. А. М.: Наука, 1993, 191–321. [Zaliznyak A. A. Towards the study of the language of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste*. Vol. IX: *Iz raskopok 1984–1989 gg.* Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1993, 191–321.]
- Золтан 1983/2002 — Золтан А. К. Предыстории русск. «государь». *Из истории русской культуры*. Т. II, кн. 1: *Киевская и Московская Русь*. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. (сост.). М.: Языки

- славянской культуры, 2002, 554–590. Первое изд.: *Studia Slavica Hungarica*, t. XXIX. Budapest, 1983, 71–110. [Zoltán A. Towards the history of Russian *gosudar* 'sovereign'. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. II, Book 1: *Kievskaya i Moskovskaya Rus'*. Litvina A. F., Uspenskii F. B. (comps.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2002, 554–590.]
- Золтан 2014 — Золтан А. *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М.: Индрик, 2014. [Zoltán A. *Interslavica: Issledovaniya po mezhslyavianskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica: Studies in inter-Slavic linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik, 2014.]
- Каштанов 2003 — Каштанов С. М. Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии. *Древнейшие государства Восточной Европы, 2001. Историческая память и формы ее воплощения*. Мельникова Е. А. (отв. ред.). М.: Восточная литература, 2003, 297–319. [Kashtanov S. M. Institutions of state authority of Veliky Novgorod and Pskov in the light of German medieval terminology. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2001. Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003, 297–319.]
- Мякишев 2008 — Мякишев В. *Язык Литовского статута 1588 года*. Kraków: Lexis, 2008. [Myakishev V. *Yazyk Litovskogo statuta 1588 goda* [The language of the 1588 Lithuanian Statute]. Kraków: Lexis, 2008.]
- Соболевский 1897/2006 — Соболевский А. И. Из истории русского языка, [III–XVIII]. *Труды по истории русского языка*. Соболевский А. И. Т. II: *Статьи и рецензии*. М.: Языки славянской культуры, 2006, 198–207. [Sobolevskii A. I. From the history of the Russian language, [III–XVIII]. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Sobolevskii A. I. Vol. II: *Stat'i i retsenzii*. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2006, 198–207.]
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. Изд. 4-е. М.: Университетская тип., 1907. [Sobolevskii A. I. *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow: University Press, 1907.]
- Ульяновский 1991 — Ульяновский В. И. Дело пана маршалка Йозефа Вандалина из Великих Кончиц Мнишка и тайные документы Лжедмитрия I. *Советское славяноведение*, 1991, 3: 81–87. [Ul'yanovskii V. The case of Marshal Józef Wandalin Mniszech and the secret documents of False Dmitry I. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1991, 3: 81–87.]
- Успенский 2020 — Успенский Б. А. Загадочная форма в титуле русских царей. *Словъне*, 2020, 9(1): 163–184. [Uspenskij B. A. An enigmatic form in the title of Russian tsars. *Slověne*, 2020, 9(1): 163–184.]
- Успенский 2021 — Успенский Б. А. «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2021, 3: 24–44. [Uspenskij B. A. "Lord Great Novgorod": The origin of the name. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, 2021, 3: 22–44.]
- Черных 1953 — Черных П. Я. *Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги*. М.: Изд-во АН СССР, 1953. [Chernykh P. Ya. *Yazyk Ulozheniya 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v svyazi s istoriei Ulozhennoi knigi* [The language of the Ulozhenie of 1649: Issues of orthography, phonetics, and morphology in connection with the book's history]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953.]
- Черных 1956 — Черных П. Я. *Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. [Chernykh P. Ya. *Ocherk russkoi istoricheskoi leksikologii: Drevnerusskii period* [A sketch of Russian historical lexicology: The Old Russian period]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1956.]
- Stökl 1954 — Stökl G. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven. *Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte*, 1954 (Bd. V.): 104–118.
- Zoltán 2018 — Zoltán A. Westrussisch-großrussischer Sprachkontakt im 15. Jahrhundert. *Linguistik als diskursive Schnittstelle zwischen Recht, Politik und Konflikt*. Henzelmann M. (Hrsg.). Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018, 87–102.
- Zoltán 2022 — Zoltán A. Egy halicsi kancelláriai latinizmus karrierje (*господарь* 'uralkodó'). *A nyelv mint elkünk tükré: Szavak, szövegek, gondolatok*. Nagy Sándor I. (ed.). Budapest: MTA Modern Filológiai Társaság, 2022, 329–341.

What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian

© 2023

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia;
opekelis@gmail.com

Abstract: The paper deals with the evolution of Russian unmarked indefinite pronouns, also known as bare interrogatives, since the 18th century. The Russian National Corpus data suggest that the distribution of unmarked indefinites both in modern Russian and in the Russian language of the 18th–19th centuries is not in line with previous proposals. Surprisingly, unmarked indefinites are more frequent in some specific contexts compared to non-specific contexts such as imperatives or subjunctive clauses. I argue that the distribution of Russian unmarked indefinites can be accounted for by some sort of economy principle: due to the lack of a marker of indefiniteness, unmarked indefinites tend to be used in contexts that are strongly biased toward a certain interpretation of an indefinite in terms of specificity (specific known vs. specific unknown vs. non-specific). This analysis, as I suggest, correctly predicts two typological tendencies reported on unmarked indefinites in the literature.

Keywords: corpus linguistics, diachrony, pronouns, indefiniteness, Russian

Acknowledgements: The work has been supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within Agreement No. 075-15-2020-793. I am profoundly thankful to Ekaterina Rakhilina, Yuri Lander, and the anonymous reviewers of *Voprosy Jazykoznanija* for their insightful comments and corrections. All errors remain mine.

For citation: Pekelis O. E. What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 19–53.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.19-53

Неопределенные местоимения без маркера неопределенности через призму микродиахронического анализа: данные русского языка

Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Москва, Россия; opekelis@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена эволюции неопределенных местоимений без маркера неопределенности в русском языке с XVIII в. до наших дней. Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что дистрибуция таких местоимений и в современном языке, и в языке XVIII–XIX вв. не отвечает предлагавшимся ранее описаниям. Вопреки ожиданиям, местоимения без маркера более частотны в некоторых референтных контекстах, чем в таких нереферентных контекстах, как клаузы с императивом и с союзом *чтобы*. Дистрибуцию местоимений без маркера предлагается объяснять действием своего рода принципа экономии: в отсутствие маркера немаркированные местоимения тяготеют к контекстам, которые навязывают местоимению тот или иной тип референтности (референтные слабоопределенные vs. референтные неопределенные vs. нереферентные). Демонстрируется, что такой подход позволяет учесть две типологические тенденции, известные из литературы о неопределенных местоимениях.

Ключевые слова: диахрония, корпусная лингвистика, местоимения, неопределенность, русский язык

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования». Автор глубоко признателен Е. В. Рахилиной и Ю. А. Ландеру, а также рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за советы и замечания.

Для цитирования: Pekelis O. E. What micro-diachronic analysis can tell us about unmarked indefinites: Evidence from Russian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 19–53.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.19-53

1. Introduction

With *unmarked indefinites* (more commonly known as *bare interrogatives*, see [Haspelmath 1997: 170 ff.]), I refer to indefinite pronouns that lack an overt marker of indefiniteness and are formally identical to interrogative pronouns. Cf. an instance of the Russian indefinite pronoun *kto* ‘someone’, formally identical to the interrogative *kto* ‘who’, within a *yes/no*-question in (1).

- (1) *Už ne umer li kto?*
PTCL NEG die.PST.SG.M Q someone.NOM
‘Has someone died?’ [RNC]

According to Tret’yakova [2004; 2009a; b], Russian unmarked indefinites (henceforth UIs) are allowed in questions (as in (1)), conditionals, disjunctive ‘or’-clauses, purpose clauses, clauses with imperatives and several other non-specific contexts, spanning the ‘irrealis non-specific’, ‘question’ and ‘conditional’ functions on the semantic map of indefinite pronouns proposed by Haspelmath [1997]; cf. Fig. 1.

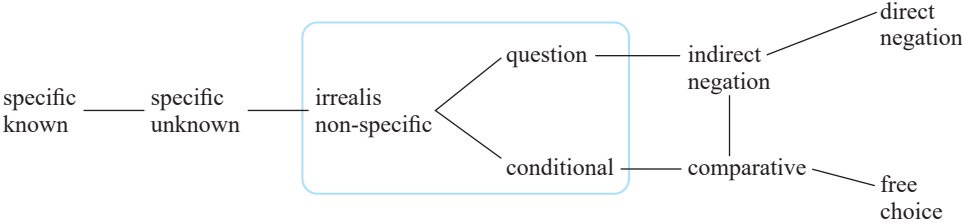

Figure 1. Boundaries of the Russian UIs according to Tret’yakova [2004; 2009a; b], on the semantic map by Haspelmath [1997]

The Russian National Corpus [RNC] data suggest, however, that the presentation in Fig. 1 is imprecise. It turns out that in present-day Russian, UIs are, with few exceptions, absent from the ‘irrealis non-specific’ contexts, including imperatives and purpose clauses, but are admissible in a few types of ‘specific unknown’ contexts. Furthermore, in the Russian language of the 18th–19th centuries UIs appear to have been used more extensively than they are today. In particular, they were allowed in ‘irrealis non-specific’ contexts from which they are almost excluded in modern Russian.

Based on both synchronic and diachronic corpus data, the main questions that I address in this paper are as follows: what factors lay behind the evolution of Russian UIs since the 18th century and why did UIs evolve in this particular way, i.e. toward the elimination of ‘irrealis non-specific’ contexts? I argue that the scenario revealed by the corpus data can be accounted for by some sort of economy principle, according to which UIs largely rely on context in the type of indefiniteness

they express in terms of specificity ('specific known' vs. 'specific unknown' vs. 'non-specific'). In this regard, UIs differ from marked indefinite pronouns, for which it is the marker itself that serves to express the type of indefiniteness in the first place. Furthermore, I suggest that those contexts in which UIs are rare or absent in modern Russian (e.g., imperatives and subjunctive clauses) are less clearly biased toward a certain interpretation of an indefinite pronoun than they include than those contexts in which UIs are relatively frequent (e.g., conditionals and questions).

The structure of my argument is twofold. First, I show that the analysis I propose allows one to explain several facts concerning the distribution of UIs both in present-day Russian and in the Russian language of the 18th–19th centuries. Second, I suggest that this analysis offers an account of several typological tendencies in the use of UIs.

UIs are not widely used in modern Russian — they are a rather marginal alternative to several series of pronouns with a marker of indefiniteness. Therefore, I evaluated the frequency of UIs not by itself but as compared to the frequency of marked indefinites. There are eight major markers: *koe-*, *-to*, *-nibud'*, *-libo*, *by to ni bylo*, *ni-*, *ljuboj* and *ugodno*. Except for *ljuboj*, they attach to interrogative pronouns of different ontological categories, cf. *kto* 'who' vs. *kto-to* 'somebody', *čto* 'what' vs. *čto-nibud'* 'anything' etc. The distribution of the markers on the semantic map of indefinite pronouns is as in Fig. 2, according to [Haspelmath 1997: 65].

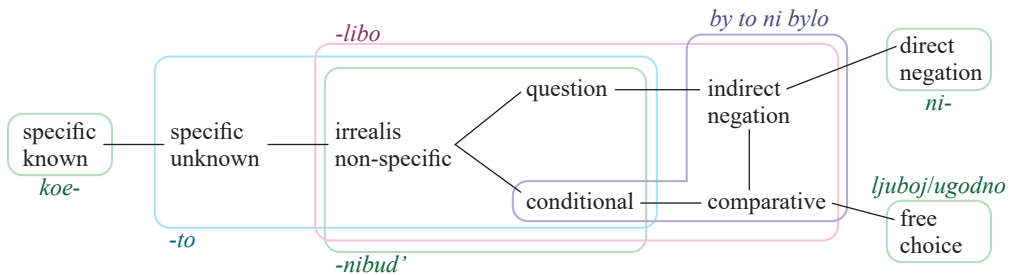

Figure 2. Boundaries of Russian marked indefinites according to Haspelmath [1997: 65]

Comparing Fig. 2 with Fig. 1 and my own corpus data on UIs suggests that UIs overlap in their distribution with *to-*, *nibud'*-, *libo*- and (in conditionals) *by to ni bylo*-series. However, *by to ni bylo* is in fact very marginal in conditionals in modern Russian: only nine instances of a *by to ni bylo* indefinite immediately following *esli* 'if' (the major conditional subordinator) have been attested in the Main corpus of the RNC, seven of which date to before 1950.¹ *By to ni bylo* series is also excluded from the 'conditional' function in the semantic map of Russian indefinite pronouns proposed by Tatevosov [2002: 141], who elaborates on the map by Haspelmath.² Therefore, in the corpus part of my study, I did not take into account the distribution of *by to ni bylo*, i.e. I assessed the frequency of UIs in different contexts as compared to the total frequency of *to-*, *nibud'*- and *libo*-series in the same contexts.

Throughout the corpus data analysis, I considered as UIs not only bare interrogatives as such, but also combinations thereof with the words like *drugoj / inoj* 'another' or *eščë* 'else'. Although, as noted by Tret'yakova [2009a: 30 ff.], such combinations may be qualified as series of indefinite pronouns on their own, bare interrogatives within them can always be substituted with a marked pronoun, cf. (2). Since in my corpus study, I compared pronouns with and without a marker in frequency, the contexts in which both types of pronouns are admissible have all been included in the sample. For the same reason, I excluded combinations of bare interrogatives with

¹ The following query was used to retrieve the data: *если на расстоянии 2 от бы на расстоянии 1 от кто на расстоянии 1 от ни на расстоянии 1 от было*.

² Tatevosov [2002: 141] introduced a few further modifications of the map in Fig. 2. I do not discuss them here since they do not regard the functions that are involved in the distribution of UIs.

quantificational words like *redko* ‘rarely’ or *malo* ‘few’ from the analysis. They not only convey their own (quantificational) semantics [Tatevosov 2002: 138] but are also not interchangeable with indefinite pronouns bearing a marker [Tret’yakova 2009a: 29], cf. (3).

- (2) *Osinskij ili kto* (^{OK}*kto-to*) *drugoj podderžal Akmatoru,*
 Osinsky.NOM or someone.NOM who.NOM-INDF else support.PST.M.SG Akhmatova
ne pomnju.
 NEG remember.PRS.1SG
 ‘Was it Osinsky who supported Akhmatova, or someone else — I don’t remember.’ [RNC, 1985–2002]³

- (3) *Malo kto* (**kto-nibud’*, **kto-to*, **kto-libo*)
 few someone.NOM who.NOM-INDF who.NOM-INDF who.NOM-INDF
ljubit kino tak kak ja.
 love.PRS.3SG cinema so as I.NOM
 ‘Few people love cinema as much as I do.’ [RNC, 1988]

The RNC consists of several subcorpora. Along with its Main corpus, which includes predominantly literary prose from the 18th to 21st centuries, the Newspaper corpus was also used. It contains media texts from the 1990–2000s, which may be assumed to reflect the modern usage more accurately than the fiction texts, the latter being more biased toward imitation of the older usage (see more on the use of the Newspaper corpus in Section 3.1). The methodology and the study in general are part of a research project on the Russian language of the 19th century, implemented at the National Research University Higher School of Economics (see [Rakhilina et al. 2016]).

A final caveat on terminology is in order. Although, as mentioned above, “bare interrogatives” is a wide-spread term for the phenomenon under discussion, I prefer the term “unmarked indefinites” because I focus on comparing indefinites with and without a marker. Since in Russian both marked and unmarked indefinites go back to interrogative pronouns (with the only exception being the free-choice marker *ljuboj*), whether the marker is present or absent seems to be the most crucial point, which is thus reflected in the term.

The rest of the paper is structured as follows. First, in Section 2 I consider previous proposals on the distribution of Russian UIs. Then, in Sections 3 and 4 I present the RNC data concerning the distribution of UIs across contexts and with respect to some other factors, namely the ontological category of the pronoun, register and emphasis, that have been assumed to be relevant for Russian UIs. In Section 5, I show that the boundaries of UIs on the semantic map differ from those suggested in the previous works both for present-day Russian and the Russian language of the 18th–19th centuries, and put forward several hypotheses to provide an account for the facts observed. In Section 6, I discuss typological consequences of my account. Section 7 concludes.

2. Distribution of Russian UIs: previous proposals

According to Tret’yakova [2004; 2009a: 120 ff.], the following contexts are compatible with UIs in Russian. In all these contexts, the UI is interchangeable with a “marked” indefinite of at least one series (*-to*, *-nibud’*, or *-libo*).

— Both independent and embedded *yes/no*-questions (4), including those in which the speaker expects a positive answer (5) (on the relevance of the speaker’s expectations for the choice of an indefinite pronoun, see Section 5.1).

³ Here and below, the number next to the source of the example indicates the year or period the text was created.

- (4) *Kraem glaza ja staralsja uvidet',*
 corner.INS eye.GEN I.NOM try.PST.M.SG see.INF
net li kogo poblizosti ot mašiny.
 be.NEG.PRS Q anyone.GEN near from car.GEN
 'Out of the corner of my eye, I tried to see if anyone was near the car.' [RNC, 2001]
- (5) *Molites' za upokoj duši.*
 pray.IMP.2PL for rest.ACC soul.GEN
 — *Umer kto? — sprosila niščenka, vzdrognuv.*
 die.PST.M.SG someone.NOM ask.PST.F.SG beggar.woman.NOM start.CNV
 'Pray for the rest of the soul. "Did someone die?" asked the beggar woman with a start.'
 [RNC, 1997]
- Disjunctive contexts (6).
- (6) *Najdutsja pokupateli, — prodam, a net,*
 happen.to.be.FUT.3PL buyer.NOM.PL sell.FUT.1SG and no
tak ostavlju ili podarju komu.
 then keep.FUT.1SG or give.FUT.1SG someone.DAT
 'If there will be buyers, I will sell it, but if not, I will keep it for myself or give it to someone.' [RNC, 2003]
- Optative contexts (7).
- (7) *Xot' by knigi kakie doma byli, ènciklopedii ...*
 PTCL SBJV book.NOM.PL some.NOM.PL at.home be.SBJV.PL encyclopaedia.NOM.PL
 'If only there were some books at home, encyclopaedias...' [RNC, 2009]
- Contexts with the subordinators *budto, kak budto, točno* and *slovno*, which express the simulative 'as if' meaning (8).
- (8) *Vnezapno As'ka povernula golovu, budto kakoj zvuk uslyšala.*
 suddenly As'ka.NOM turn.PST.F.SG head.ACC as.if some.ACC sound.ACC hear.PST.F.SG
 'Suddenly, As'ka turned her head as if she heard some sound.' [RNC, 2015]
- The protasis of conditionals (9).
- (9) *Esli kakie problemy s podružkami,*
 if some.NOM.PL problem.NOM.PL with girlfriend.INS.PL
ona nam tože govorit.
 she.NOM we.DAT also tell.PRS.3SG
 'If there are any problems with girlfriends, she also tells us.' [RNC, 2004]
- Purpose clauses, typically under negation within the embedded or superordinate clause.
- (10) *Mne nužno bylo rjedom s nim naxodit'sja,*
 I.DAT necessary COP.PST near with he.INS be.INF
čtoby čego ne slučilos'.
 so.that anything.GEN NEG happen.SBJV.N.SG
 'I needed to be with him so that nothing happened.' [RNC, 2002]
- Imperative contexts, typically under negation.
- (11) *Ty tam ne izmaž' čego.*
 you.NOM there NEG smear.IMV.2SG anything.GEN
 'Don't smear anything there.' [RNC, 1998]

— Contexts with epistemic modals *možet* ‘maybe’, *vrjad li* ‘hardly’ and some others.

- (12) *Možet, čto putnoe i vyjdet iz tebjja.*
 maybe something.NOM worthwhile PTCL come.out.FUT.3SG from you.GEN
 ‘Maybe something worthwhile will come out of you.’ [RNC, 2015]

Oskol’skaya and Zevakhina [2013] suggest that Russian UIs are allowed in a much wider range of contexts. They mention both direct and indirect negation, as well as comparative and free-choice functions from the semantic map in Fig. 2 as compatible with UIs. However, the indirect negation use of UIs is illustrated with examples as in (13), where a subjunctive complement clause is embedded under a negated matrix predicate. For Russian at least, such cases may be attributed to the ‘irrealis non-specific’ function with no less or even more reason than to ‘indirect negation’, since the pronouns of the *by to ni bylo* series, which are common in the latter function (cf. Fig. 2), can be used in such contexts only marginally.

- (13) *Ne pomnju, čto by baby kogo*
 NEG remember.PRS.1SG COMP woman.NOM.PL someone.ACC
 (*“kogo by to ni bylo”*) *xoronili...*
 anyone bury.PST.PL
 ‘I don’t remember that women buried someone.’ [RNC, 2006]

The direct negation function is exemplified with the depreciative, hence stylistically marked, use of the UIs, as in (14).⁴

- (14) *Ja že ne zver’ kakoj...*
 I.NOM PTCL NEG beast.NOM some.NOM
 ‘I’m not some kind of a beast.’ [RNC, 1999]

Furthermore, both in comparative and free-choice functions UIs can only be used in combination with another marker: *drugoj* or *inoj* in comparatives (15) and *ugodno* in free-choice contexts (16). This is in contrast with, for example, conditionals, in which UIs can be used both with and without *drugoj* or *inoj*.

- (15) *V laskax Zininyx videlos’ emu bol’she žalosti,*
 in caress.LOC.PL of.Zina.LOC.PL see.PASS.PST he.DAT more pity.GEN
*čem čego *(drugogo).*
 than anything.GEN other.GEN
 ‘In Zina’s caresses he saw more pity than anything else.’ [RNC, 1979]
- (16) *Vojti sjuda mog kto *(ugodno).*
 enter.INF here can.PST.M.SG who.NOM any
 ‘Anyone could enter here.’ [RNC, 2001]

⁴ According to an anonymous reviewer, imperatives under negation could also be associated with the ‘direct negation’ function. However, a UI as well as a *nibud’*-pronoun used with a negated imperative do not seem to be in the scope of negation, contrary to pronouns of the *ni*-series, which are typically used in the ‘direct negation’ function (cf. Fig. 2). The following examples are illustrative: (ii) is a negation of (i), but (iii) is not. For a reason that I do not discuss here, (iii) does not allow an interpretation in which the UI or the *nibud’*-pronoun are out of the scope of negation; hence, (iii) is infelicitous.

- (i) *Slušaj kakie-nibud’ pesni.*
 listen.IMV.SG which.ACC.PL-INDF song.ACC.PL
 ‘Listen to some kind of songs.’ (Google)
- (ii) *Ne slušaj nikakix pesen.*
 NEG listen.IMV.SG no.GEN.PL song.GEN.PL
 ‘Don’t listen to any songs.’
- (iii) *“Ne slušaj kakix-nibud’/ kakix pesen.*
 NEG listen.IMV.SG which.GEN.PL-INDF some.GEN.PL song.GEN.PL
 Intended meaning: ‘Don’t listen to any songs.’

Thus, the contexts listed by Oskol'skaya and Zevakhina [2013] but excluded by Tret'yakova [2004; 2009a] are marginal for Russian UIs in one way or another. For this reason, they will not be considered in my corpus study (see Sections 3 and 4).

It is also noteworthy that not all 'irrealis non-specific' contexts, which are basic for Russian UIs according to Tret'yakova [Ibid.], are compatible with UIs. Those that are not include future contexts (17) and modal contexts expressing necessity, permission, or obligation (18) [Oskol'skaya, Zevakhina 2013].

- (17) *On najdët kakoj-nibud' (kakoj) sposob ispravit' položenie.*
 he.NOM find.FUT.3SG which.ACC-INDF some.ACC way.ACC rectify.INF situation.ACC
 'He will find some way to rectify the situation.' [RNC, 2003]

- (18) *Zdes' dolžen byt' kakoj-nibud' (kakoj) zapasnoj vyxod.*
 here must be.INF which.NOM-INDF some.NOM emergency.NOM exit.NOM
 'There must be some kind of emergency exit.' [RNC, 1997]

A comment is due on the source of the data provided by Tret'yakova [2004; 2009a] and Zevakhina and Oskol'skaya [2013]. Both studies are based on corpus data (Zevakhina and Oskol'skaya use the RNC, Tret'yakova uses three smaller corpuses of Russian). However, none of them draws a line between the 19th—early 20th century data and modern Russian, considering the 19th-century data to be representative of the distribution of UIs in modern Russian. I suppose this to be the crucial reason for the discrepancies between their results and my own corpus data presented in the next sections.

Along with the type of the context discussed so far, the following three factors have been mentioned in the literature as possibly relevant to the distribution of UIs in Russian and/or cross-linguistically: ontological category of the pronoun, register (colloquial vs. formal), and emphasis.

The role of the ontological category of the pronoun may apparently be generalized as follows: UIs that belong to an ontological category associated with adjuncts (place, time, reason, purpose, etc.) are rarer than UIs that, based on their ontological category, are associated with arguments. According to Belyaev and Haug [2014: 4], many languages do not allow indefinite readings of counterparts to *why* and *how*. Tret'yakova [2009a: 150–158] argues for Russian that the interrogatives *kogda* 'when' and *gde* 'where' are restricted in use as UIs compared to *kto* 'who' and *čto* 'what'.

Furthermore, it has been assumed that Russian UIs are only used in colloquial texts or fiction imitating the spoken discourse ([Yanko-Trinititskaya 1977: 73; Kuz'mina 1989: 189], inter alia). However, this view is disputed by Tret'yakova [2004]. Based on a corpus study, she argues that UIs are more frequent in written narrative discourse than in direct-speech contexts in the texts of both 19th and 20th centuries.

Finally, emphasis may serve as a further factor in Russian that makes the use of a UI more appropriate. As Tret'yakova [2009a: 156] observes, *kogda* 'when' is used as a UI very rarely and must be accompanied by an emphatic particle, such as *i* in (19):

- (19) *Možet, kogda i otkrojut formulu ljubvi.*
 maybe someday PTCL discover.FUT.3PL formula.ACC love.GEN
 'Maybe someday the formula of love will be discovered.' [Tret'yakova 2009a: 156]

3. Distribution of UIs across contexts according to the RNC data

In this section, two UIs, *kto* 'somebody / anybody' and *kakoj* 'some / any', are analysed based on the RNC data. I compare their frequency in different contexts in three subcorpora of the RNC: the Newspaper corpus, the 20th-century corpus, and the 18th–19th-century corpus. *Kto* is used

most typically as a subject or object and is thus expected to be more frequent than UIs associated with the position of adjuncts (see Section 2). *Kakoj* may be an (adjunct) constituent within the subject or object phrase. It also differs from *kto* in that the former is an adjective phrase, while the latter is a noun phrase. *Kakoj* was thus chosen as a UI that is maximally contrasting to *kto* but at the same time is not an undisputed adjunct.⁵

I consider *kto* in Section 3.1 and *kakoj* in Section 3.2. Section 3.3 concludes.

3.1. *Kto*

As the first step, I analysed the frequency of *kto* compared to indefinite pronouns of the *ni-bud'*-, *to*- and *libo*-series in the Newspaper corpus of the RNC. I considered all types of contexts listed by Tret'yakova [2004; 2009a] as compatible with UIs in present-day Russian (see Section 2):

- the protasis of conditionals introduced by the subordinator *esli* 'if';
- *yes/no*-questions marked by the question particle *li* 'whether';
- imperatives;
- contexts with the subordinator *čtoby*, which introduces both purpose clauses and subjunctive complement clauses (hereinafter, both are referred to as subjunctive clauses);
- disjunctive contexts with *ili* 'or';
- contexts with the markers *kak*, *kak budto*, *slovnno*, and *točno*, which most commonly introduce simulative 'as if'-clauses but may also introduce complement clauses, in which case they convey the unreliability of what is being reported (see more details in Section 5.3); for simplicity, I will refer to these clauses as simulative in Tables 1–8, meaning both simulative and complement clauses;⁶
- epistemic contexts with the marker *možet* 'maybe';
- and contexts with the optative marker *xot'by* 'if only'.

The data on UIs extracted from the Newspaper corpus are presented in Table 1. There are three contexts in which *kto* as a UI is rare or absent: imperatives, subjunctive, and disjunctive clauses. In other contexts, the ratio of the UI is about 0.2 or higher, with the optative contexts having the highest ratio of about 0.5.

As a next step, I selected five contexts from my list, with which all further work continued. These are conditional, interrogative, imperative, subjunctive, and simulative contexts. Thus, three contexts, namely the optative *xot'by*, the disjunctive *ili* and the epistemic *možet*, were excluded from further work (however, both *xot'by* and *možet* are considered in Sections 4.2 and 5.3 with respect to the role of register). This was done to reduce the sample size but also for some more meaningful reasons. *Xot'by* and *možet* were excluded as contexts with lexical rather than grammatical markers, which, as discussed in Section 5.3, are not indicative of optative and epistemic contexts in general. Note also that the sample with *xot'by* is very small, and hence statistically not very useful. Disjunctive *ili*-contexts were excluded because in my sample with *ili*, many examples contain, along with *ili*, at least

⁵ The pronoun *čto* 'something/anything' was not considered simply to limit the sample size, which could not be too big since most of the data were filtered manually.

⁶ *Kak*, *kak budto*, *slovnno*, and *točno* may also be used as particles in a monoclausal construction, cf. (i). I considered such examples as simulative, since in that particular meaning in which they occur in my sample, they are semantically very close to simulative constructions.

(i) *Vdrug menja budto kto tolknul pod bok.*
suddenly I.ACC as.if someone.NOM push.PST.M.SG under side.ACC
'Suddenly, it was like someone hit me in the side.' [RNC, 2001]

Table 1

**Frequency of *kto* as a marked and unmarked indefinite
in the Newspaper corpus of the RNC⁷**

Context type	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked
optative (<i>xot'by</i>)	19	22	0.537
yes/no-question (<i>li</i>)	483	163	0.350
conditional (<i>esli</i>)	3,470	994	0.223
epistemic (<i>možet</i>)	401	103	0.204
simulative (<i>kak</i> etc.)	96	22	0.186
disjunctive (<i>ili</i>)	1,067	56	0.050
subjunctive (<i>čtoby</i>)	917	7	0.008
imperative	109	0	0

one more feature associated with UIs (e.g., the question illocutionary force or an epistemic modal), as in (20).

- (20) *Sami* *vyrezali* *ili* *kto* *dal?*
 oneself.NOM.PL cut.PST.PL or someone.NOM give.PST.M.SG

‘Did you cut it yourself or did someone give it to you?’ [RNC, 2010]

In Table 2 (p. 28), the comparative frequency of the marked and unmarked *kto* in five selected contexts is given for the 20th century and the 18th–19th centuries.⁸ Note particularly that the frequency of *kto* in imperative and subjunctive clauses, in which *kto* is rare or absent in modern newspaper texts, drops consistently from the 18th–19th centuries to the 21st century. For both contexts, the difference between the Newspaper corpus and the 20th-century subcorpus, and between the Newspaper corpus and the 18th–19th-century subcorpus is statistically significant (χ^2 , $df = 1$, $p < 0.01$). The difference between the 18th–19th centuries and the 20th century is significant for subjunctive clauses (χ^2 , $df = 1$, $p < 0.01$), while for imperatives it is not. For clarity, the corresponding data are presented separately in Tables 3 and 4 (p. 28).

⁷ Here and below, all examples were filtered manually except for the contexts in which more than 1,000 examples were retrieved from the corpus; in this case, roughly the first thousand examples were filtered. Importantly, all samples over 1,000 examples contained few irrelevant examples (e.g., there were 12 irrelevant examples in the first thousand examples with *kto* within conditionals retrieved from the Newspaper corpus). The following types of queries were used to obtain the data in Table 1 as well as the similar data below: **если** на расстоянии 1 от **кто** -amark; **-вряд ->мало -едва ->то** на расстоянии 1 от **ли** на расстоянии 1 от **кто** -amark; **Vimper** на расстоянии 1 от **кто** -amark; **чтобы** на расстоянии 1 от **кто** -amark; **или** на расстоянии 2 от **кто** -amark; **будто | словно | «точно»** на расстоянии 1 от **кто** -amark; **«может»** на расстоянии 1 от **кто** на расстоянии 1 от **-угодно; «хоть»** на расстоянии 1 от **бы** -amark на расстоянии 1 от **кто** -amark.

⁸ As noted by an anonymous reviewer, considering the 18th and the 19th centuries as a single time period is undesirable. Although I fully agree with this, analyzing them as separate periods would be problematic, since the 18th-century subcorpus is substantially smaller than that of the 19th century, and the data for the 18th century alone would hardly be representative. The investigation of the differences in the use of UIs between the 18th and the 19th centuries are thus left for the future.

Table 2

**Frequency of *kto* as a marked and unmarked indefinite in 1701–1900 and 1901–2000
according to the Main corpus of the RNC**

Context type	1701–1900			1901–2000		
	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked
conditional (<i>esli</i>)	212	831	0.804	1,222	1,231	0.502
yes/no-question (<i>li</i>)	160	469	0.746	418	550	0.568
imperative	82	13	0.137	256	23	0.082
subjunctive (<i>čtoby</i>)	253	77	0.233	766	42	0.052
simulative (<i>kak</i> etc.)	180	212	0.541	1,028	277	0.212

Table 3

**Frequency of *kto* as a marked and unmarked indefinite in imperative clauses
in different time periods**

Subcorpus	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked
Newspaper corpus (1990s–2000s)	109	0	0
1901–2000	256	23	0.082
1701–1900	82	13	0.137

Table 4

**Frequency of *kto* as a marked and unmarked indefinite in subjunctive clauses
in different time periods**

Subcorpus	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked
Newspaper corpus (1990s–2000s)	917	7	0.008
1901–2000	766	42	0.052
1701–1900	253	77	0.233

The data in Tables 1–2 show two more trends:

- There is a consistent drop in frequency of *kto* from the 18th–19th centuries to the 21st century in all contexts, imperatives and subjunctive clauses thus being part of a broader tendency.
- Imperatives and subjunctive clauses include *kto* the least frequently compared to other contexts not only in the Newspaper corpus, but in all time periods.

Crucially, the fact that imperatives and subjunctive clauses are almost out of use in present-day Russian can be seen as a logical consequence of these two trends. Indeed, these clauses included UIs rarer than other contexts already in the 18th century; that is why they were the first to stop using them.

As alluded to in the Introduction, the Newspaper corpus data were included in this research as I assumed them to represent the contemporary norm more adequately than the 20th-century subcorpus. This choice might be questioned since Russian UIs have been claimed to be limited to the spoken discourse, which is only sporadically present in the Newspaper corpus (e.g., in interviews). However, as mentioned in Section 2, the corpus study by Tret'yakova [2004] suggests that this is not the case. And even it were, there are at least two reasons to assume that considering the Newspaper corpus data is justified. First, the drop in frequency of UIs is a general tendency that can also be observed on the data of the Main corpus of the RNC alone

(although the latter reveal this tendency less consistently than the Newspaper corpus). Second, the frequency of UIs in the Newspaper corpus is different for different contexts: e.g., in conditionals UIs are more frequent than in imperatives. Importantly, the differences in frequency of UIs in different contexts are roughly the same in the Newspaper corpus as in the 20th and 18th–19th-century corpora. This suggests that the factors underlying the use of UIs are roughly the same in all three corpora.

3.2. *Kakoj*

The corpus data on *kakoj*, given in Table 5 for the Newspaper corpus, the 20th-century, and the 18th–19th-century corpora, show that in all time periods, *kakoj* as a UI is rarer than *kto*. But in other respects, the data on *kakoj* suggest roughly the same conclusions as the data on *kto*. Since the 18th century, the frequency of *kakoj* declined consistently in all five contexts. For the imperative and subjunctive contexts, it is also important that *kakoj* was attested both in the 18th–19th and 20th-century corpora but is absent in the Newspaper corpus. The difference between the Newspaper corpus and the 20th-century corpus is statistically significant both for imperatives and subjunctive clauses (2-tailed Fisher exact test, $P < 0.01$), as well as the difference between the Newspaper corpus and the 18th–19th-century corpus (2-tailed Fisher exact test, $P < 0.01$ for subjunctive clauses and $P < 0.05$ for imperatives). It is somewhat unexpected that *kakoj* is more frequent in imperatives in 1901–2000 than in 1701–1900. However, the difference is not statistically significant (2-tailed Fisher exact test, $P = 0.8$).

Table 5

Frequency of *kakoj* as a marked and unmarked indefinite in different subcorpora of the RNC

Context type	1701–1900			1901–2000			Newspaper corpus (1990s–2000s)		
	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked	Marked	Unmarked	Ratio of unmarked
conditional (<i>esli</i>)	119	33	0.217	345	62	0.152	846	32	0.036
yes/no-question (<i>li</i>)	164	309	0.653	331	187	0.361	894	36	0.039
imperative	79	3	0.037	193	11	0.054	161	0	0
subjunctive (<i>čtoby</i>)	108	15	0.122	182	8	0.042	211	0 ⁹	0
simulative (<i>kak</i> etc.)	192	59	0.235	353	25	0.066	66	4	0.057

3.3. Preliminary conclusions

My analysis of the RNC data for the UIs *kto* and *kakoj* suggests that since the 18th century, the frequency of Russian UIs has dropped consistently in at least five contexts: conditionals, questions and imperatives, and subjunctive and simulative clauses. Two contexts, namely imperatives

⁹ One example within a subjunctive clause attested in the Newspaper corpus is a Bible citation and therefore was not considered here.

and subjunctive clauses, are of particular interest as they do not allow (or allow only very marginally) to use UIs in present-day Russian.

4. Further factors
that influence the use of Russian UIs

In this section, factors other than the type of the context are investigated: the ontological category of the pronoun (4.1), register (4.2), and emphasis (4.3).

4.1. Ontological category of the pronoun

As mentioned in Section 2, UIs associated with the position of adjuncts are assumed to be restricted in use, both in Russian and cross-linguistically. In this section, this view is verified for the pronouns *gde*, *kogda*, *počemu*, and *začem*. As interrogatives, they are used to ask for place, time, reason, and purpose, i.e. meaning ‘where’, ‘when’, ‘why’, and ‘what for’, respectively. As UIs, they may be expected to mean ‘somewhere’ (*gde*), ‘ever, some day’ (*kogda*), ‘for some reason’ (*počemu*) and ‘for some purpose’ (*začem*). The data in Table 6 show the comparative frequency of these UIs within conditional and simulative clauses in different time periods, suggesting the following conclusions:

- The pronouns *gde*, *kogda*, *počemu*, and *začem* are relatively rare as UIs in all periods; in particular, they are rarer than *kto* (cf. the comparative data on *kto*, *gde*, and *kogda* in Table 7, showing that the ratio of the uses of a pronoun in the function of a UI in conditionals from all its occurrences in the Newspaper corpus is the highest for *kto*).
- In all periods and contexts, the frequency declines according to the following hierarchy: *gde* > *kogda* > others.
- The frequency of all pronouns drops starting from the 18th century, which is in line with the general tendency observed for *kto* and *kakoj* in Section 3 (two examples with *kogda* in simulative clauses in 1901–2000s, which seem to contradict this generalization, are in fact not representative due to a very small sample size).

Table 6
Frequency of *gde*, *kogda*, *počemu*, and *začem* as UIs in different time periods according to the RNC

Pronoun	Context	1701–1900, 60,010,888 words		1901–2000, 158,277,632 words		Newspaper corpus (1990s–2000s), 228,521,421 words	
		N	ipm	N	ipm	N	ipm
<i>gde</i>	<i>esli</i>	116	1.93	65	0.41	48	0.21
	<i>slovno...</i>	7	0.12	4	0.03	0	0
<i>kogda</i>	<i>esli</i>	106	1.77	30	0.19	13	0.06
	<i>slovno...</i>	0	0	2	0.01	0	0
<i>počemu</i>	<i>esli</i>	1	0.02	0	0	0	0
	<i>slovno...</i>	0	0	0	0	0	0
<i>začem</i>	<i>esli</i>	0	0	0	0	0	0
	<i>slovno...</i>	0	0	0	0	0	0

Note that, although no uses of *začem* as a UI were attested in our sample, *začem* could be used as a UI in some earlier period. However, it denoted not purpose but cause, corresponding to the causal interrogative meaning of *začem*, which is now obsolete. Both the interrogative and indefinite causal meanings are listed for *začem* in [Barkhudarov et al. 1978: 338].

Table 7

Comparative frequency of *kto*, *gde*, and *kogda* in conditionals in the Newspaper corpus¹⁰

Pronoun	UIs	Total	Ratio of UIs
<i>kto</i>	994	236,527	0.004
<i>gde</i>	48	208,627	0.0002
<i>kogda</i>	13	335,637	0.00004

4.2. Register

As mentioned in Section 2, the corpus data presented by Tret'yakova [2004] dispute the assumption that UIs tend to be used in colloquial speech. In this section, this assumption is verified in a different way. Based on the corpus data for three synonymous epistemic modals *možet*, *možet byt'*, and *byt' možet*, all meaning 'may be', and the optative particle *xot' by*, I demonstrate that there is a correlation between their register characteristics (colloquial vs. formal) and the frequency of their occurrence with UIs: more colloquial items combine with UIs more frequently.

Intuitively, *možet* differs from *možet byt'* and especially *byt' možet* in that it is more colloquial. *Xot' by* also sounds colloquial. This intuition is confirmed by the RNC. In texts created in 1901–2016 (see Table 8), *možet* is 24 times more frequent and *xot' by* is 12 times more frequent in informal than in formal texts (the former include vernacular texts and electronic communication, while the latter consist of official business texts and academic writing). On the contrary, *možet byt'* is only 2.5 times more frequent in informal texts than in formal ones, while *byt' možet* is almost twice rarer in informal texts than in formal ones.

Table 8

Frequency of *možet*, *možet byt'*, *byt' možet*, and *xot' by* in formal and informal texts (1901–2016 subcorpus of the RNC)¹¹

	Informal 6,907,660 words		Formal 29,180,561 words	
	ipm	N	ipm	N
<i>možet</i>	195	1,347	8	244
<i>možet byt'</i>	250	1,730	100	2,915
<i>byt' možet</i>	22	154	38	1,098
<i>xot' by</i>	24	169	2	47

¹⁰ In Table 7, the data were collected differently for *kto*, on the one hand, and *gde* and *kogda*, on the other: the distance between *esli* 'if' and the pronoun was one word for *kto* (which means direct adjacency) and from one to four words for *gde* and *kogda*. This was due to the fact that the one-word distance would result in a too small sample for *gde* and *kogda*, while the distance of more than one word would result in a too large sample for *kto*. However, the conclusion on the higher frequency of *kto* is not compromised by this methodology: with the distance from one to four words, the frequency of *kto* would turn out to be even higher than in Table 7.

¹¹ The following queries were used to obtain the data in Table 8: “**может**” (acomma | first) bcomma; “**может**” (acomma|first) -bcomma на расстоянии 1 от “**быть**” bcomma; “**быть**” (acomma|first) -bcomma на расстоянии 1 от “**может**” bcomma; “**хоть**” на расстоянии 1 от бы -acomma.

According to the data in Section 3, the ratio of the UI *kto* in the context of *xot'by* is relatively high in the Newspaper corpus, namely 0.5. If we accept the hypothesis that Russian UIs tend to be used in colloquial texts, the high ratio of *kto* in the context of *xot'by* could be explained by the colloquial character of the latter. The corpus data on the frequency of *kto* in the context of *možet*, *možet byt'*, and *byt' možet*, given in Table 9, suggest a similar interpretation: in all periods, *kto* combines with *možet* more frequently than with *možet byt'* or *byt' možet*. The latter, being the “least colloquial”, was not attested at all in combination with *kto*.

Table 9

Frequency of *kto* with epistemic modals in different time periods

Subcorpus	<i>možet kto</i>	<i>možet byt' kto</i>	<i>byt' možet kto</i>	Ratio of <i>možet</i>
1701–1900	31	12	0	0.72
1901–2000	115	14	0	0.89
Newspaper corpus, 1990s–2000s	103	0	0	1

Similar frequency data are provided by Tret'yakova [2009a: 177] for *kto* in the context of *možet*, *možet byt'*, and *byt' možet*, although she refers to the introspection and not to a corpus analysis. Tret'yakova [Ibid.] also suggests an interpretation to this comparative frequency. She argues that what is relevant here is the information structure, namely the fact that UIs can never be focused. *Možet*, *možet byt'*, and *byt' možet* differ in these terms in that *možet* tends to defocalize the constituent with which it combines, and *byt' možet* introduces a focus, while *možet byt'* does not specify the information structure. Thus, *možet* conforms best and *byt' možet* conforms worst to the “non-focus” status of the UI. However, this difference does not seem to be well pronounced. The examples provided by Tret'yakova [2009a: 177] do not sound convincing to me: in (21), in which *byt' možet* is assumed to contribute to the importance of the information ‘something could have happened’, it can be substituted with *možet*. Cf. a corpus example with *možet* in (22).

(21) *Byt' možet* (^{OK}*možet*), *čto-to slučilos'*.
be.INF may.PRS.3SG maybe what.NOM-INDF happen.PST.N.SG
‘Maybe, something happened.’ (based on [Tret'yakova 2009a: 177])

(22) *Počemu my celuju nedelju emu ne zvonili?*
why we.NOM whole.ACC week.ACC he.DAT NEG call.PST.PL
Možet, čto-to slučilos'.
maybe what.NOM-INDF happen.PST.N.SG
‘Why haven’t we called him for a week? Maybe, something happened.’ [RNC, 2006]

To summarize, the hypothesis about the colloquial character of Russian UIs provides an account for the distribution of *kto* in the context of the epistemic modals *možet*, *možet byt'*, and *byt' možet*, and the optative particle *xot'by*. Note that this hypothesis does not necessarily contradict the results of the corpus study by Tret'yakova [2004], according to which Russian UIs are more frequent in written narrative discourse than in direct-speech contexts (see Section 2). Indeed, register is just one of the factors that influence the use of UIs in Russian (along with, for example, the semantic type of the context), and it is to be examined how exactly different factors interact (see more on this assumption in Section 5).

4.3. Emphasis

Emphasis, and in particular emphasis by the particle *i*, was mentioned as a factor that facilitates the use of Russian UIs (see Section 2). The RNC data confirm this view. The role

of emphasis is especially evident with respect to the pronouns that are associated with the adjunct position, for which the use as UIs is generally problematic (see Section 4.1). The UI *počemu* ‘for some / any reason’ occurs in the Main corpus only twice, and in both cases it is accompanied by the emphatic particle *i*:¹²

- (23) *A esli počemu F1 Challenge i budet*
 and if for.some.reason F1 Challenge PTCL AUX.3SG
ostavat'sja vne konkurencii kak imitator
 remain.INF out competition.GEN as imitator.NOM
Formuly-1, tak èto potomu, čto ne
 Formula 1.GEN then this because because NEG
budet ničego novogo.
 be.FUT.3SG nothing.GEN new.GEN

‘And if for some reason F1 Challenge will remain out of competition as an imitator of Formula 1, it is because there will be nothing new.’ [RNC, 2005]

The data in Table 10 suggest that the particle *i* contributes to the felicitousness of both *gde* ‘somewhere’ and *kogda* ‘ever, some day’ as UIs. In the Newspaper corpus, the ratio of examples with the particle *i* in conditionals is higher in combination with *gde* or *kogda* than with *kto* (the differences between *kto* and *gde* and between *kto* and *kogda* are both statistically significant, 2-tailed Fisher’s exact test, $P < 0.05$).

Table 10

Frequency of *kto*, *gde* and *kogda* with and without the emphatic particle *i* in conditionals in the Newspaper corpus of the RNC¹³

Pronoun	With <i>i</i>	Without <i>i</i>	Ratio of examples with <i>i</i>
<i>kto</i>	166	394	0.3
<i>gde</i>	10	9	0.5
<i>kogda</i>	4	0	1

5. Discussion

In this section, the discussion of the Russian data presented so far is divided into three parts. In 5.1, I argue that the boundaries of the Russian UIs on the semantic map of indefinite pronouns are different from those proposed in earlier works. In 5.2, previous accounts for the distribution of Russian UIs across contexts are discussed. In 5.3, my own analysis of such a distribution is developed.

¹² Only one of these two examples, namely the example from the 18th century, was part of my sample with *počemu* in Section 4.1. Example (23), retrieved from the Main corpus, was not considered there due to its date (2005).

¹³ Since the particle *i* is commonly placed before the finite verb, the queries were used in which *i* immediately precedes the verb (for the sample with emphasis) or is absent from this position (for the sample without emphasis): **если** на расстоянии 1 от **кто** -amark на расстоянии от 1 до 4 от **и** -amark на расстоянии 1 от **v indic** -amark; **если** на расстоянии 1 от **кто** -amark на расстоянии от 1 до 4 от **-и** -amark на расстоянии 1 от **v indic** -amark.

5.1. Russian UIs on the semantic map of indefinite pronouns

According to Tret'yakova [2004; 2009a; b], Russian UIs span the 'irrealis non-specific', 'question', and 'conditional' functions on the semantic map of indefinite pronouns proposed by Haspelmath [1997; 2003: 222], as in Fig. 1, repeated below in Fig. 3 for convenience.

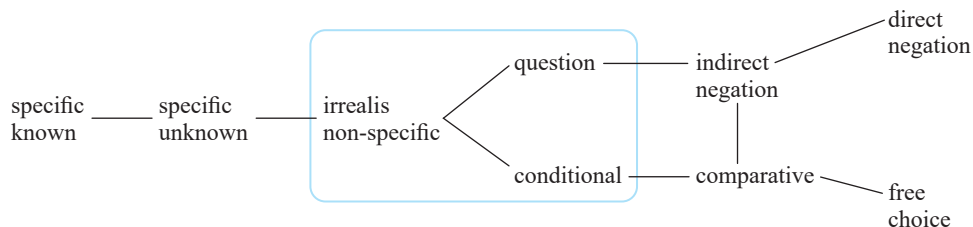

Figure 3. Boundaries of the Russian UIs according to Tret'yakova [2004; 2009a; b], on the semantic map by Haspelmath [1997]

However, the RNC data discussed above suggest that the presentation in Fig. 1 is imprecise. In present-day Russian, UIs are almost absent from the 'irrealis non-specific' contexts. Tret'yakova [2009b: 146] qualifies the following contexts as belonging to the 'irrealis non-specific' function, suggesting that Russian UIs can be used in all of them, excluding future contexts:

- future contexts;
- imperative contexts;
- optative contexts;
- disjunctive contexts;
- simulative contexts;
- contexts with epistemic modals;
- purpose contexts.

But in fact, as the data from the Newspaper corpus show (see Section 3), UIs are extremely rare or absent from imperative, purpose and disjunctive contexts in modern Russian. The problem with the epistemic and optative contexts is that UIs within them are restricted to certain lexical markers, and hence do not pertain to the epistemic or optative contexts in general. Indeed, the only optative marker Tret'yakova [2004; 2009a; b] considers is *xot' by*; some other optative constructions, as in (24) with the marker *čtob*, seem to be less compatible with UIs. No instances of *kto* or *kakoj* as UIs have been attested in the RNC within an optative construction with *čtob*. Epistemic modals that do not combine with UIs in modern Russian include *dolžno byt'* 'it is likely' [Yanovich 2005: 322] and *navernjaka* 'for sure'.

- (24) *Čtob mne kto-nibud' (čto) tak platil!*
 OPT I.DAT who.NOM-INDF someone.NOM so pay.SBJV.M.SG
 'I wish someone would pay me so [much]!' [RNC, 2001]

- (25) *Navernjaka kogo-nibud' (čto) vstretiš'.*
 for.sure who.ACC-INDF someone.ACC meet.FUT.2SG
 'You will definitely meet someone.' [RNC, 2003]

Thus, the only type of contexts from the above list whose combinability with UIs is not shaky are simulative contexts. But exactly these contexts, in my view, are not in fact 'irrealis non-specific' (pace Tret'yakova [2004; 2009a; b]) — they share important traits with the 'specific unknown' function. Consider the example of a UI in the simulative context in (26). The semantics of the embedded clause introduced by the subordinator *budto* can be split into two meaning

components: 1) ‘The speaker assumes that in the actual world, nobody shot the wheel’ (see also [Letuchiy 2017: 180]), 2) ‘the speaker assumes that in a possible world, different from the actual, there exists someone who shot the wheel’. The first component is rendered explicit in such environments as (27).¹⁴

- (26) *Koleso spustilo na rovnom meste,*
wheel.NOM flatten.PST.N.SG on even.LOC place.LOC

budto kto vystrelil v nego.
as.if someone.NOM shoot.PST.M.SG in it.ACC

‘The wheel flattened out of the blue, as if someone had shot it.’ [RNC, 2001]

- (27) *Zamečatel’no prosto! Kak budto leto! — Počemu “kak budto”?*
great just as if summer why as if

Normal’noe leto! (RNC, 2012)
normal summer

‘It’s just great! It’s as if it were summer! — Why [are you saying] “as if”? It’s really summer!’ [RNC, 2012]

Although the first meaning component is in line with identifying simulative clauses as ‘irrealis’, the second introduces the speaker’s commitment to the existence of an individual referred to by the pronoun (albeit in a possible world), which is crucial for the ‘specific unknown’ function (see [Haspelmath 1997: 38; Gärtner 2009: 7]). Now, it seems that at least for modern Russian, it is the second, and not the first component, that determines to which function simulative contexts correspond. That they correspond to the ‘specific unknown’ function is suggested by the distribution of the *to*- and *nibud*’-series. On the one hand, only *to*-series can be used in the ‘specific unknown’ function according to the semantic map proposed by Haspelmath [1997: 65] (see Figure 2). On the other hand, in simulative clauses the *to*-series is substantially preferred over the *nibud*’-series. The corpus data in Table 11 show that this is the case for all time periods under scrutiny, with the Newspaper corpus manifesting this trend most clearly.

Table 11

Frequency of *kto-to* and *kto-nibud*’ in simulative clauses in different time periods

Subcorpus	-to	-nibud’	Ratio of -to
1701–1900	138	42	0.77
1901–2000	1,012	16	0.98
Newspaper corpus (1990s–2000s)	96	0	1.0

One more piece of evidence in favor of the assumption that simulative clauses are ‘specific unknown’ comes from the pronoun *nekij* ‘certain’. *Nekij* may be used both in past declarative

¹⁴ Note that simulative markers do not convey a firm speaker’s commitment to the falsity of the proposition in question but only the speaker’s conjecture that the proposition is false. This is evidenced by the example in (i), where using *kak budto* does not prevent the speaker from having doubts.

- (i) *Vdrug ottuda stali donosit’sja otčëtlivye šoroxi,*
suddenly from.there begin.PST.PL be.heard.INF distinct.NOM.PL rustle.NOM.PL
kak budto kto-to xodit. I ja
as like who.NOM-INDF walk.PRS.3SG and I.NOM
rešila udostoverit’sja, čto postoronnix ljudej
decide.PST.F.SG make.sure.INF COMP foreign.GEN.PL people.GEN.PL
v zdanii net. Malo li čto?
in building.LOC not.be.PRS little Q what

‘Suddenly, distinct rustles began to be heard from there, as if someone was walking. And I decided to make sure that there were no strangers in the building. You never know.’ [RNC, 2013]

clauses (28), where indefinites must be specific, and in simulative clauses (29). At the same time, *nekij* is banned from ‘irrealis non-specific’ contexts, such as imperatives (30) (see more about *nekij* in [Shmelev 2002: 119 ff.]).

- (28) *Našli nekoego Blinova, togda rabotavšego*
 find.PST.PL certain.ACC Blinov.ACC then work.ACC
vo Dvorce sporta «Spartak».
 in palace.LOC sport.GEN Spartak.NOM
 ‘[They] found some Blinov, who was then working at the Spartak Sports Palace.’ [RNC, 1984–2001]

- (29) *A den’ vsjo dlitsja i dlitsja,*
 and day.NOM still go.on.PRS.3SG and go.on.PRS.3SG
kak budto nekim Zanebesnym Dekretom otmenili tečenie vremeni.
 as.if as.if certain.INS celestial.INS decree.INS cancel.PST.PL passage.ACC time.GEN
 ‘And the day goes on and on, as if the passage of time was canceled by some kind of Celestial Decree.’ [RNC, 1999]

- (30) *Sročno najdi kakogo-nibud’ (°nekoego) zemljaka.*
 urgently find.IMV.2SG which.ACC-INDF certain.ACC countryman.ACC
 ‘Urgently find some fellow countryman.’ [RNC, 2010]

Note that the possibility to use UIs in simulative clauses does not depend on a specific lexical marker: all complementizers that introduce simulative clauses (*kak*, *kak budto*, *slovno*, and *točno* seem to roughly exhaust the list) can combine with UIs. This is in contrast with optative or epistemic contexts, in which, as mentioned above, only certain markers are compatible with UIs.

The assumption that Russian UIs are not excluded from the ‘specific unknown’ function is further supported by the fact that UIs can be used in questions in which the speaker expects a positive answer, cf. (5). According to Haspelmath [1997: 82], it is cross-linguistically common that the indefinite series chosen for positive expectations is the one that has more specific functions, while the series chosen for neutral or negative expectations is the one that has more non-specific functions. In Russian, the *to-series* is used in questions accompanied by the speaker’s positive expectations, while the *nibud’-series* is generally excluded from such questions (31) [Kobozeva 1981: 170–171; Haspelmath 1997: 84]. Thus, UIs behave in this respect like *to*-pronouns, associated with the ‘specific unknown’ function.

- (31) *Stop! — perebil princ ministra i samogo sebja.*
 stop interrupt.PST.M.SG prince.NOM minister.ACC and oneself.ACC oneself.ACC
 — *Čixnul kto-to (°kto-nibud’)? Ili mne poslyšalos’?*
 sneeze.PST.M.SG who.NOM-INDF who.NOM-INDF or I.DAT hear.PST.N.SG
 ‘“Stop!” — the prince interrupted the minister and himself. “Did someone sneeze? Or did I hear it?”’ [RNC, 1988]

To summarize, the boundaries of UIs in present-day Russian correspond to the semantic map in Figure 4 rather than to the one in Figure 3.¹⁵

In the Russian language of the 18th–19th centuries, as follows from the data presented in Section 3, UIs could be used in all contexts in which they are used today but could also combine

¹⁵ According to Fig. 4, Russian UIs do not occupy a contiguous area on the semantic map, thus being problematic for one of the essential principles, namely the principle of contiguity, lying behind the idea of semantic maps [Haspelmath 2003: 217]. This does not mean, I suppose, that there is some problem with the semantic map of indefinite pronouns itself. Rather, there is something special with UIs that makes them differ from the expected pattern. My hypothesis is that it is their dependency on context, in the sense of what is proposed in Section 5.3, that makes UIs so special. I will briefly come back to this proposal in the Conclusion.

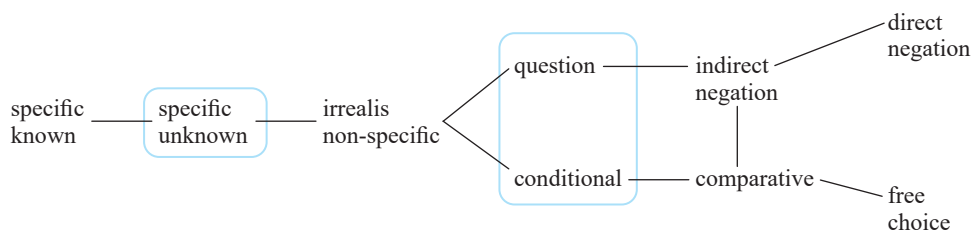

Figure 4. Boundaries of Russian UIs in present-day Russian according to the RNC data

with some ‘irrealis non-specific’ contexts. UIs thus occupied a contiguous area on the semantic map, as in Fig. 5, while the evolution of UIs since the 18th century can be described as a movement from the map in Fig. 5 to the map in Fig. 4.

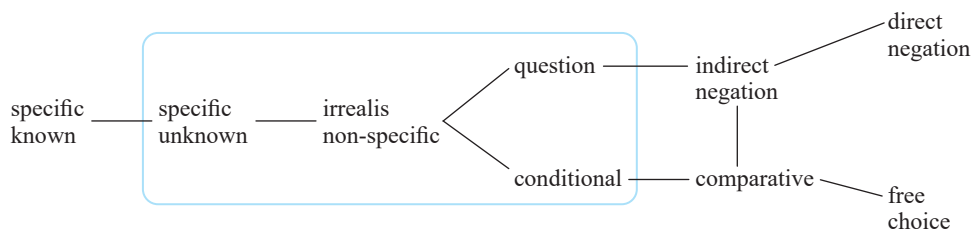

Figure 5. Boundaries of Russian UIs in the 18th–19th centuries according to the RNC data

5.2. Previous accounts

I am aware of two lines of reasoning that have been suggested to account for the distribution of Russian UIs across contexts. Both, however, leave unexplained several important facts.

One account goes back to Yanovich [2005] (see also [Belyaev, Haug 2020: 888]), who, following the analysis of Japanese bare indefinite roots by Kratzer and Shimoyama [2002], treats Russian UIs as Hamblin sets. The guiding idea is that UIs, exactly as interrogative pronouns, refer to a set of alternatives. To get an interpretation within a declarative sentence, a UI needs a **li-censer**, i.e., must be bound by a higher operator. This immediately explains why the sentence in (32), if taken on its own, can denote a question ‘who came?’ but not a statement ‘somebody came’. Indeed, questions are commonly assumed to yield non-singleton sets of propositions (cf. {*a* came, *b* came, *c* came ...} for (32)), while a declarative sentence would refer to a singleton proposition. In (33), on the contrary, there is a conditional operator that serves to yield a quantificational structure ‘for all *x*, if *x* comes, then call me’, compatible with the declarative clause type.

- (32) *Kto prišël?*
 who.NOM come.PST.M.SG
 ‘Who came?’

- (33) *Esli kto pridët, zovi menja.*
 if someone.NOM come.FUT.3SG call.IMV.2SG I.ACC
 ‘If anyone comes, call me.’

This approach sheds light on the cross-linguistic tendency, noted by Haspelmath [1997: 173], according to which UIs are “generally excluded from past or current present affirmative

declarative clauses, where indefinites must be specific”. However, at least the following two facts remain a mystery (for further critique, see [Tret’yakova 2009a: 58]):

— There are also languages in which UIs can be used in unembedded declarative sentences, as in the German example (34). How does the UI do without a licenser in this case?

- (34) *Gestern ist wer gekommen.*
 yesterday AUX someone come.PTCP

‘Someone arrived yesterday.’ [Tret’yakova 2009a: 133]

— As observed by Yanovich [2005] himself, there is cross-linguistic variation in the type of contexts compatible with UIs. Specifically, in some languages the list of such contexts may seem inconsistent. In Russian, e.g., UIs in optative and epistemic contexts are allowed with some operators and are banned with others (see Section 5.1).

Another line of reasoning was suggested by Tret’yakova [2004], who explains the distribution of Russian UIs across contexts by the following principle: UIs tend to be used in contexts that express indefiniteness on their own. These are, in her opinion, conditionals, questions and different types of ‘irrealis non-specific’ contexts, i.e. exactly those types of contexts that allow UIs according to her analysis.

The idea that due to the absence of a specific marker of indefiniteness, UIs highly rely on the context in their distribution and use, seems to me a very insightful and promising one. In fact, my own analysis, presented in Section 5.3, has been inspired by this idea. However, if put in this form, it does not seem to explain much. Why are some irrealis contexts (e.g., future contexts) incompatible with UIs in Russian? Why do some contexts combine with UIs more frequently than others (note especially imperatives and subjunctives, from which, according to the corpus data presented in Section 3, UIs are almost excluded in present-day Russian)? I try to offer answers to these questions in the following section.

5.3. Analysis

Based on the results of the corpus study presented in Sections 3 and 4, I assume that the distribution of UIs in Russian is determined by several factors, which include the type of the context, register (colloquial vs. formal), grammatical role of the pronoun (argument vs. adjunct), and emphasis on the pronoun. In what follows, I will propose several hypotheses as to how exactly these factors interact and what their origins are.

My guiding hypothesis is that the distribution of Russian UIs across contexts, both synchronically and diachronically, is determined by some sort of **economy principle**:

- (35) UIs tend to occur in contexts that are biased toward a certain interpretation of indefinite pronouns in terms of specificity (specific known vs. specific unknown vs. non-specific). While indefinite pronouns with a marker denote the type of specificity by means of the marker, UIs have no choice but to rely on the context.

This hypothesis offers an account for several facts observed hitherto.

First, it sheds light on the fact that both in modern Russian and the Russian language of the 18th–19th centuries, conditionals and questions are contexts in which UIs occur rather frequently (see Section 3). Indeed, conditionals and questions are strongly biased toward the non-specific interpretation of an indefinite. On the one hand, as mentioned in Section 5.1, the specific functions are associated with the commitment of the speaker to the existence of an individual or an item referred to by the pronoun [Haspelmath 1997: 38; Gärtner 2009: 7]. On the other hand, both in (real) conditionals and pragmatically neutral (i.e., non-biased and non-modalized) questions the speaker is unaware of the truth-value of the respective proposition (see,

e.g., [Liu et al. 2021: 1370–1371]). Consequently, he is most probably also unaware of whether what is denoted by an indefinite noun phrase within a conditional or a question exists. Neither in the conditional *I will be happy if you bring me a book*, nor in the question *Will you bring me a book?*, does the speaker assume anything as to whether a book that could be brought to him by the addressee exists.

Second, the principle in (35) provides an explanation for the fact that Russian UIs avoid the ‘irrealis non-specific’ function: they were rare in this function in the 18th–19th centuries and evolved toward the elimination of the ‘irrealis non-specific’ contexts from their usage in present-day Russian (see Section 3). Most contexts that span the ‘irrealis non-specific’ function are less clearly than conditionals or questions biased toward a certain interpretation of the indefinite in terms of specificity. The crucial difference between ‘irrealis non-specific’ contexts, on the one hand, and conditionals and questions, on the other, is that the former either imply the speaker’s assumption (albeit not the speaker’s commitment) that the participants of the situation in question **do exist** (which neither conditionals nor questions do), or they imply the speaker’s assumption that the participants of the respective situation **may exist**, doing so in a more explicit way than conditionals and questions. In both cases, ‘irrealis non-specific’ contexts turn out to represent a step toward the specific interpretation of an indefinite compared to conditionals and questions.

To illustrate this idea, let me consider different types of ‘irrealis non-specific’ contexts (future, imperative, subjunctive, disjunctive, optative and epistemic) one by one. If one makes a positive future statement *I will bring you a book*, or a positive imperative one *Bring me a book*, the speaker’s assumption that a book that could be brought exists is implied. This is also the case for positive purpose clauses, which are a subtype of subjunctive clauses in my terms. The statement *I went to a bookstore in order to bring you a book* implies that, according to the speaker’s assumption, there existed a book in the bookstore that could be brought to the addressee. This is in contrast both with the conditional *I will be happy if you bring me a book* and the question *Will you bring me a book?* In unmarked pragmatic conditions, as suggested above, neither of them implies the speaker’s assumption that a book that the addressee could bring them exists.

Both negative imperatives and negative purpose clauses are associated with a weaker implication: what they imply is not the speaker’s assumption that the object referred to by an indefinite noun phrase exists but rather that it may exist. Cf. the imperative *Don’t trip over something*, which implies that the speaker assumes there may be something to trip over. Similarly, the purpose statement *To prevent anyone from overhearing, the conversation took place in a separate room*, which contains an implicit negation due to the verb *prevent*, implies the speaker’s assumption that there could be someone who would overhear. This difference between positive and negative imperative and subjunctive contexts could be the reason for which in present-day Russian, UIs are more felicitous both in negative imperatives and negative subjunctive clauses. In my samples with UIs retrieved from the Newspaper corpus, no positive imperatives or subjunctive clauses have been attested.¹⁶

In the case of negative utterances, the difference between imperative and purpose clauses, on the one hand, and conditionals and questions, on the other, is less evident, since conditionals and questions also imply that the proposition within the scope of the conditional or the question operator may be true, hence, the participants of this proposition may exist. When asking *Will you bring me a book?*, the speaker indeed proceeds from the assumption that the proposition ‘you will bring me a book’ may *a priori* be true and a book that could be brought may *a priori* exist. Otherwise, i.e. in the case that the speaker firmly knows that this proposition is false, no questions

¹⁶ For imperatives, this difference between negative and positive clauses appears to have been absent in the language of the 18th–19th centuries. In my sample with the UI *kto* from the 1701–1900 corpus, there are 10 positive imperative examples and only three negative ones. For subjunctive clauses, however, the situation seems to have been similar to the present one: among 77 subjunctive examples with *kto*, only four contain neither explicit nor implicit negation.

are posed [Giannakidou, Mari 2019] or conditionals uttered. Still, what creates a difference between negative imperative and purpose clauses from conditionals and questions seems to be the **degree of explicitness** of the speaker's assumption that the participants of the proposition in question may exist. For conditionals and questions, this assumption is **presupposition-like**: it does not make sense to pose a question or utter a conditional if the respective assumption is false. For negative imperative and purpose clauses, the assumption is **assertion-like**: it is manifested by the speaker in that his utterance (or a situation described in it) is **motivated** by this assumption. Indeed, estimating the participants of the respective situation as probably existing is part of the motivation for an imperative utterance (e.g., assuming that there may be something to trip over motivates one to say *Don't trip over something*) or for having an intention expressed in the purpose clause (e.g., assuming that someone may overhear motivates one to set the goal 'to prevent anyone from overhearing'). For conditionals and questions, this is not the case. Both questions and conditionals are rendered meaningful by the assumption under discussion but cannot be said to be motivated by it. In this sense, conditionals and questions are a step further from the 'specific' zone than negative imperative and purpose clauses.

A similar reasoning is applicable to other 'irrealis non-specific' contexts. The disjunctive statement *They brought a book or something sweet as a gift* implies that the speaker assumes one of the disjunctive propositions (*he brought a book* or *he brought something sweet*) to hold. In other words, for each proposition, the speaker **asserts** the possibility that it may be true. Hence, he asserts the possibility that a book exists that was brought as a gift. The possible existence of a book is also directly asserted by the epistemic statement *Perhaps he brought a book*. In the optative statement *If only they would bring me a book!* the situation is slightly different in that logically speaking, a desire does not imply an assumption that the desired situation can become true. However, pragmatically speaking, if someone expresses their desire for something, they usually do not deem that thing as *a priori* unobtainable. In this case, what renders the respective assumption more explicit compared to conditionals and questions is that this assumption is at the same time the subject of the speaker's desires: the speaker puts this assumption into words by saying that this is what he wants (for the above example, the speaker wants the proposition 'they brought me a book' to be true).

As is clear from the above discussion, the interpretation of an indefinite pronoun in terms of specificity is determined by what the speaker may assume about the truth-value of the proposition that contains this pronoun. Thus, the idea expressed in (35) may also be posed in terms of the state of the speaker's knowledge: the acceptability of UIs in Russian seems to decline according to the hierarchy in (36).

- (36) The speaker is unaware of, and makes no assumptions about, the truth-value of the proposition containing the UI > the speaker knows or assumes the proposition containing the UI to be false or unfeasible > the speaker knows or assumes the proposition containing the UI to be true or feasible.

The link between (35) and (36) is as follows: if the speaker is unaware of the truth-value of the proposition containing the UI, he has no reason to assume that the item referred to by the pronoun exists, which is a strong bias toward the non-specific interpretation, hence, against the specific interpretation; if, on the contrary, the speaker has some information about the truth-value status, this gives him a reason to assume something on the existence of the item in question. Still, the assumption that the respective proposition is false is a more solid reason to assume the non-existence, hence, the non-specificity, than the assumption that the proposition is true. In the latter case, a strong bias toward specificity arises; however, in the absence of a special marker of indefiniteness, there is no way to distinguish 'specific known' and 'specific unknown' meanings, which, according to the principle in (35), is problematic for the use of UIs.

Conditionals and questions represent the upper point of the hierarchy (36), which accounts for the relative acceptability of UIs in these contexts across different time periods. Note that conditionals and questions could also be associated with the lower point of (36), since they

express the speaker's assumption that the proposition containing an UI is feasible, as discussed above. However, this is not what conditionals and questions convey in the first place, according to my above suggestions. Furthermore, simulative clauses are associated with the intermediate point of (36): they imply that the speaker assumes the respective proposition to be false (see the semantic analysis of simulative clauses in Section 5.1). This explains why simulative clauses, which are 'specific unknown' according to my assumptions, combine with UIs more frequently than most of the 'irrealis non-specific' contexts (imperatives, subjunctives, disjunctives, etc.) in all time periods, the latter being associated with the lower point of the hierarchy (36).

As mentioned in Section 3.1, the markers *kak*, *kak budto*, *slovno*, and *točno* most commonly introduce simulative clauses but may also introduce complement clauses, in which case they convey that the speaker or the subject of the main clause doubts what is being reported in the embedded clause. Cf. a simulative clause in (37) and a complement clause in (38).

- (37) *On — v dver', a ona ne poddaetsja,*
 he.NOM in door.ACC and she.NOM NEG give.in.PRS.3SG
budto kto eë podpër snaruži.
 as.if someone.NOM she.ACC prop.PST.M.SG outside
 'He [pushes] against the door, but it does not give in, as if someone propped it outside.'
 [RNC, 2000]
- (38) *Snačala žena uslyšala, kak budto kto butylku razbil,*
 at.first wife.NOM hear.PST.F.SG as.if someone.NOM bottle.ACC break.PST.M.SG
a potom polyxnulo.
 and then blaze.PST.N.SG
 'At first, the wife heard that someone seemed to have broken the bottle, and then it blazed.'
 [RNC, 2008]

Both in the Newspaper corpus and in the corpus of 18th–19th centuries, simulative clauses with the UI *kto* are more frequent than complement clauses (the ratio is 20:1 in the Newspaper corpus and 204:8 in the 1701–1900 corpus). This is generally in line with the hierarchy (36). Indeed, in simulative clauses, the speaker assumes that the proposition containing the UI is false, while in complement clauses the speaker only doubts it to be true. Although strictly speaking the hierarchy in (36) does not make a difference between these two options, the former option is somewhat stronger than the latter and could be associated with the better acceptability of UIs if (36) is on the right track. Note, however, that the subordinators *kak*, *kak budto*, *slovno*, and *točno* seem to be generally more frequent as markers of simulative clauses than as complementizers in complement clauses, which could also be the reason why they occur with UIs in simulative clauses more frequently. Still, the fact that the difference in frequency corresponds to what is predicted by (36) and that it holds for different time periods is noteworthy.

Not only *kak budto*- [*budto*- etc.] clauses but also subjunctive clauses, introduced by the subordinator *čtoby*, include different semantic-syntactic types. Besides purpose clauses, *čtoby* can also introduce complement clauses, which, in turn, may be of two types: purpose-like complement clauses, which are close to purpose clauses both semantically and syntactically; and the so-called epistemic complement clauses, which convey that the speaker considers the likelihood of the situation expressed in the embedded clause to be low [Dobrushina 2012]. Cf. a purpose clause in (39), a purpose-like complement clause in (40), and an epistemic complement clause in (41):

- (39) *K domu ego prigonjal,*
 to house.DAT he.ACC drive.PST.M.SG
čtoby kto kakuju zapčast' ne snjal.
 so.that someone.NOM some.ACC spare.part.ACC NEG remove.SBJV.M.SG
 'He drove it to the house so that someone would not remove some spare part.' [RNC, 2007]

- (40) *Vsjo vremja ona bojalas, čtoby kto ne nabrël*
all time she.NOM be.afraid.PST.F.SG COMP someone.NOM NEG come.across.PST.M.SG
na neë v kustarnike, ne uvidel.
on she.ACC in bush.LOC NEG see.SBJV.M.SG

‘All the time she was afraid that someone would come across her in the bushes, would see [her].’ [RNC, 1982]

- (41) *Navrjad li, čtoby kto poveril ...*
unlikely PTCL COMP someone.NOM believe.SBJV.M.SG

‘It is unlikely that anyone would believe [this].’ [RNC, 1966]

The hierarchy in (36) predicts UIs to be more frequent in epistemic clauses than in purpose or purpose-like clauses, as the former are associated with the intermediate point in (36), while the latter, according to the above assumptions, represent the lower point. Unfortunately, my sample of subjunctive clauses is too small to assess whether this prediction is borne out. But importantly, my data are not in contradiction to it. Among seven examples in the sample from the Newspaper corpus, three are epistemic, two are purpose and two more are purpose-like. Note also that generally, epistemic clauses are the rarest type of *čtoby*-clauses in modern Russian [Dobrushina 2012: 155].

There is, however, one more prediction suggested by (36) that can be verified. It follows from (36) that counterfactual conditionals should combine with UIs less frequently than real conditionals, since the former but not the latter imply that the proposition contained in the conditional clause is false. This prediction is borne out. The data in Table 12 show that in conditionals, the UI *kto* occurs with the subjunctive particle *by* (or its variant *b*), which marks counterfactual conditionals in Russian, less frequently than marked indefinite pronouns (the difference is statistically significant, χ^2 , $df = 1$, $p < 0.01$).

Table 12

Frequency of marked and unmarked indefinites with *kto*
in subjunctive and indicative conditional clauses
in the Newspaper corpus of the RNC¹⁷

	With <i>by/b</i>	Without <i>by/b</i>	Ratio of examples with <i>by/b</i>
<i>Kto</i> unmarked	27	994	0.03
<i>Kto</i> marked	262	3,470	0.07

So far, I discussed the facts that are in line with the predictions suggested by (35) and (36). However, there are also several facts that contradict (35) and (36). These are the data concerning the distribution of UIs in epistemic and optative contexts, and in the context of questions for which the speaker expects a positive answer (see Section 5.1). Indeed, according to the data of the Newspaper corpus (see Section 3), UIs combine rather frequently with the epistemic marker *možet* and the optative marker *xot’by*. Both are associated with the ‘irrealis non-specific’ function, and both, as I assumed earlier, correspond to the lower point of the hierarchy in (36) (*možet* probably more so than *xot’by*). Questions with the speaker’s positive expectations also fit the lower point of (36).

¹⁷ The particle *by/b* most typically follows the subordinator *esli* [Dobrushina 2009: 284–285]. Therefore, the data in the second column of Table 12 (examples without *by/b*) coincide with the data in Table 1, where the frequency of marked and unmarked indefinites was calculated for structures with *kto* immediately following *esli*. To retrieve the data in the first column of Table 14, the following queries were used: *если на расстоянии 1 от бы | б* -amark на расстоянии 1 от *кто-нибудь* -amark; *если на расстоянии 1 от бы | б* -amark на расстоянии 1 от *кто-то* -amark; *если на расстоянии 1 от бы | б* -amark на расстоянии 1 от *кто* -amark.

My hypothesis is that in all three cases, a factor different from the principle (35) comes into play. This factor is the **pronouncedly colloquial** character of all three constructions. Importantly, this idea allows one to explain the selectivity UIs demonstrate when combining with epistemic and optative markers. Recall that, as shown in Section 5.1, UIs can be used not with all epistemic and optative markers but just with some of them. In what follows, I will expand on my hypothesis separately for each of the three cases.

Epistemic markers *vrjad li* ‘hardly’, *možet / možet byt’ / byt’ možet* ‘perhaps’, *navernoe* ‘probably’, *navernjaka* ‘for sure’, and *dolžno byt’* ‘apparently’ behave differently with respect to combinability with UIs in present-day Russian. Only three markers can combine with UIs — *vrjad li* (42) (see also [Tret’yakova 2004]), *možet*, and *možet byt’*, with *možet* doing so more often than *možet byt’* (cf. the corpus data in Section 4.2).

- (42) *V ètoj oblasti vrjad li kto imeet vlijaniya*
 in this.LOC area.LOC hardly PTCL someone.NOM have.PRS.3SG influence.GEN
bol’she menja.
 more I.GEN

‘In this area, hardly anyone has more influence than me.’ [RNC, 2014]

Four other markers do not combine with UIs at all in modern Russian: no examples from either the 20th or 21st century have been attested in the Main corpus of the RNC.¹⁸ Crucially, the markers in question also differ in their epistemic status. *Vrjad li* implies that the speaker assumes the proposition with which it combines to be false. *Navernjaka* conveys an opposite implication, namely that the speaker is sure that the respective proposition is true. Another five markers also imply positive expectations of the speaker, albeit much weaker ones than *navernjaka*. Therefore, the hierarchy in (36) predicts *vrjad li* to be more felicitous with UIs than other markers, which is indeed borne out with the only exception being the marker *možet*. As shown in Section 4.2 based on the RNC data, *možet* also differs from *možet* or *byt’ možet* in that it tends to be used in informal texts, i.e. is more colloquial. In this respect, *navernoe*, *navernjaka* and *dolžno byt’* are more similar to *možet byt’* than to *možet* (I did not conduct a corpus study to verify this assumption, but based on my intuition as a native speaker, this seems to be undeniable). *Možet* can thus be assumed to violate the hierarchy in (36) because it is colloquial.

Like *možet*, the optative marker *xot’ by* also tends to be used in informal texts according to the data in Section 4.2, which could be the reason for the relatively high ratio of UIs in the context of *xot’ by*. Note, however, that to verify this assumption, other optative markers should be evaluated as to whether they are used in the colloquial language and whether and how often they combine with UIs. This is a separate big question, which I leave open for now.

Finally, questions with the positive speaker’s expectations, as in (43), are also colloquial. Indeed, they may only occur as direct questions, hence, in a dialog. Russian embedded questions necessarily contain the question particle *li* (with the only exception being alternative questions, see [Shvedova 1980: 480]), which is associated with epistemically neutral questions than do not convey the speaker’s positive or negative expectations [Kobozeva 2000: 304]. *Li* can also be used

¹⁸ One example with *navernoe* (i) was attested, in which a “multiple partitive construction” [Haspelmath 1997: 177] is used. The bare interrogative in this construction occurs together with one or more instances of the same interrogative pronoun in a parallel coordinate clause.

(i) *Mužčin sredi nix bylo malo vidno — navernoe, kogo*
 man.GEN.PL among they.GEN COP.PST few visible probably someone.ACC
soslali, a kto podalsja na novostrojki v goroda.
 exile.PST.PL and someone.NOM move.PST.M.SG to construction.site.ACC.PL in city.ACC.PL
 ‘There were few men among them — probably, someone was exiled, and someone moved to construction sites in the cities.’ [RNC, 1995]

This seems to be a construction on its own, not a UI in the strict sense, since it occurs in languages (e.g., in Italian or French) that otherwise do not use bare interrogatives as indefinites.

in direct questions, but even in this case the question is epistemically neutral. For this reason, *li* is infelicitous in (44), where the speaker's positive expectations are suggested by the context.

- (43) *Molites' za upokoj duši. — Umer kto? —*
 pray.IMV.2PL for rest.ACC soul.GEN die.PST.M.SG someone.NOM
sprosila niščenka, vzdrognuv.
 ask.PST.F.SG beggar.woman.NOM start.CNV

“Pray for the rest of the soul.” “Did someone die?” asked the beggar woman with a start.
 [RNC, 1997]

- (44) *Molites' za upokoj duši. — ??Umer li kto? —*
 pray.IMV.2PL for rest.ACC soul.GEN die.PST.M.SG Q someone.NOM
sprosila niščenka, vzdrognuv.
 ask.PST.F.SG beggar.woman.NOM start.CNV

Intended meaning: ‘Pray for the rest of the soul.’ “Did someone die?” asked the beggar woman with a start.’

To sum up, I argue that the epistemic *možet* and the optative *xot'by*, as well as questions with the speaker's positive expectations, although they are not expected to combine with UIs according to (35) and (36), do so because they are colloquial. The role of register for the use of UIs can thus be generalized as follows. Contrary to what is sometimes assumed (see Section 2), UIs are not strictly colloquial: they can be used, e.g., in newspaper texts. This is in line with the corpus data provided by Tret'yakova [2004] on the frequency of UIs in written and direct-speech contexts (see Section 2). For the contexts that are pronouncedly colloquial, however, the register factor may override other factors relevant to the use of Russian UIs, such as the principle (35) and the hierarchy (36).¹⁹

Two ingredients are still missing from my analysis of factors that determine the use of Russian UIs: emphasis and the grammatical status of the pronoun. In what follows, I discuss their role and the way they interact with the principle (35).

As shown in Section 4.3, emphasis by means of the particle *i* facilitates the use of UIs associated with the role of adjunct. The semantic contribution of *i* is similar to the concessive-conditional ‘even if’ meaning [Uryson 2011: 280], which is at the same time a contrastive meaning (on the affinity between ‘even’ and contrastiveness, see, e.g., [Yanko 2001: 56]). Contrastiveness generated by *i* can be of two types. In one type, illustrated by (45), contrastiveness arises in a cleft-like construction. In the second type, as in (46), there is contrastiveness but no cleft.

- (45) *Esli kogda i brala bol'ničnyj, to tol'ko iz-za detej.*
 if ever PTCL take.PST.F.SG sick.leave.ACC then only because.of child.GEN.PL
 ‘[Even] if she ever took sick leave, it was only because of the children.’ [RNC, 2010]

- (46) *Esli gde i obrzovalos' pjatno,*
 if somewhere PTCL form.PST.N.SG stain.NOM

¹⁹ An anonymous reviewer points out that UIs are felicitous in contexts introduced by the epistemic particle *vdrug*, as in (i). I suggest that this is also due to the colloquial nature of *vdrug*.

(i) *Sprosite tam, vdrug kto znaet.*
 ask.IMV.PL there PTCL someone.NOM know.PRS.3SG
 ‘Ask there, someone may know’. [RNC, 2015]

Another context mentioned by the reviewer as particularly felicitous with UIs is an interrogative context with the verb *byt'* ‘to be’, as in (ii). In this case, however, the interrogative pronoun is in fact not a UI but a relative pronoun that occurs in a free relative clause. Not surprisingly, it cannot be substituted with a *nibud'*-pronoun:

(ii) *U tebya est' kogo (*kogo-nibud') naznačit' direktorom?* [RNC, 1997]
 ‘Do you have someone to appoint as a director?’ (lit.: ‘Do you have whom to appoint as a director?’)

dostatočno poteret' ego obyčnym acetonom.
 enough rub.INF it.ACC ordinary.INS acetone.INS

'[Even] if a stain has formed somewhere, it is enough to rub it with ordinary acetone.'
 [RNC, 2004]

In both cases, the positive effect of *i* can be explained with reference to the principle (35). According to the common assumptions, contrastiveness makes the hearer generate a set of alternatives (cf., e.g., [Vallduví, Vilkuňa 1998; Yanko 2001: 47]). For the sentences both with and without cleft, contrastiveness associated with the concessive-conditional semantics evokes the speaker to compare the positive alternative P with the negative one, $\neg P$ ('a stain has formed somewhere' vs. 'a stain has not formed anywhere' for (46)), with the former being less probable than the latter. This, on the one hand, emphasizes that the speaker is unaware of the truth-value of the conditional proposition. On the other hand, the low probability of the positive alternative is highlighted. Both points serve to strengthen what makes any conditional suitable for the use of UIs according to the principle (35): a bias toward the non-specific interpretation of an indefinite contained in the conditional clause.

Cleft constructions create particularly favorable (in the sense of (35)) conditions for the use of UIs. The point is that indefinites in such constructions can only have the non-specific interpretation, i.e. the construction itself predetermines the non-specific function of the pronoun (it seems that the German so-called reduced conditionals investigated by Schwarz [1998] display similar properties, see also [Bhatt, Pancheva 2006: 676]). To demonstrate this, it makes sense to compare conditionals with cleft and standard conditionals without cleft. Although, as assumed above, the latter are biased toward the non-specific interpretation of an indefinite, they are not strictly limited to such interpretation. This is evidenced by the fact that Russian indefinites of the *koe*-series, which are used when the referent is specific and the speaker knows its identity [Paducheva 1985: 90; Haspelmath 1997: 275], are not banned from conditionals, cf. (47).²⁰ However, the *koe*-pronoun is ungrammatical in cleft conditionals with the particle *i*. No examples with *koe-kto* like (48) have been attested in the RNC.

- (47) *Esli koe-kto iz nižeperečislennyx person vystupit*
 if INDF-who.NOM from following.GEN.PL person.GEN.PL perform.FUT.3SG
s Mariej duëtom, eë akcii navernjaka pojduť v goru.
 with Marija.INS duet.INS her share.NOM.PL surely go.FUT.3PL in mountain.ACC
 'If some of the following persons perform a duet with Maria, her shares will surely go up.' [RNC, 2007]

- (48) *Esli kto-to (??koe-kto) i pridët k nam na pomošč',*
 if who.NOM-INDF INDF-who.NOM PTCL come.FUT.3SG to we.DAT to aid.ACC
to ne Mark.
 then NEG Mark.NOM
 'If anyone comes to our aid, it won't be Mark.'

Contrary to emphasis (or contrastiveness), the role that the grammatical status of the pronoun has for the use of UIs does not seem to be directly connected to the principle (35). This role may be not specific to bare interrogatives but be common to indefinite pronouns in general (which, in turn, could be related to the fact that arguments seem to be generally more frequent than adjuncts). Haspelmath [1997: 31] mentions English and German as lacking causal marked indefinites, cf. **somewhy* and **irgendwarum*. However, this type of explanation does not give the whole story, since the comparative frequency of Russian UIs associated with adjuncts differs from that of marked indefinites. As shown in Section 4.1, *gde* 'somewhere' is more

²⁰ Still, they are rare: seven examples with *esli koe-kto* have been attested in the Main corpus and three examples in the Newspaper corpus of the RNC.

frequent than *kogda* ‘ever, some day’ in all time periods, while for the *nibud’*- and *libo*-series the ratio is reversed (in the Newspaper corpus, the ratio of *gde* and *kogda* is 3,225 : 6,284 for *nibud’* and 364 : 3,089 for *libo*). For the *to*-series, *gde* is somewhat more frequent than *kogda* (20,562 : 16,950), but this is most probably due to the fact that *gde-to*, along with the indefinite meaning, has also lexicalized to mean ‘approximately’.

Thus, a factor specific to UIs must also be at play here. I suggest that it is the greater dependence of UIs on context compared to marked indefinite pronouns that hinders the former from being used as adjuncts. Hence, in a sense, the rarity of UIs as adjuncts can be related to the principle in (35).

Indeed, since arguments are more tightly integrated with their heads both semantically and syntactically than adjuncts, their interpretation relies more on the context (e.g., on the meaning of the verbal head) than that of adjuncts. Consider the dialogues in (49) and (50). In (49), the indefinite pronoun *čto-to* ‘something’ is the direct object of the verb *poterjat’* ‘lose’. Due to the selective features of the verb, we know, for instance, that it is most probably a physical object that got lost. In (50), we know little, if anything, on the meaning of the indefinite *začem-to* ‘for some / any reason’ that would be due to the external context and not to the meaning of the pronoun itself. Expectedly enough, the marked indefinite can be substituted by the respective UI in (49) but not in (50).

- (49) — *Poterjal čto-to (OK čto)?*
lose.PST.M.SG what.NOM-INDF something.ACC

— *Da, pasport.*
yes passport.ACC

‘— Have you lost something? — Yes, my passport.’

- (50) — *Ne mogu najti pasport.*
NEG can.PRS.1SG find.INF passport.ACC
— *Možet, ty ego sprjatal začem-to (*začem)*
maybe you.NOM it.ACC hide.PST.M.SG for.what.reason-INDF for.some.reason
i zabył?
and forget.PST.M.SG

‘— I can’t find my passport. — Maybe, you hid it for some reason and forgot about it?’

This line of reasoning is corroborated by the fact that adjuncts of place and time are more felicitous as UIs than adjuncts of reason and purpose (see the corpus data in Section 4.1). The former are sometimes considered to be intermediate between true arguments and true adjuncts: like arguments, they may be subcategorized by the verb, and like adjuncts, they are usually not restricted to a particular morphosyntactic form (cf. the term “adjects” (= adverbial arguments) introduced for such noun phrases by Feuillet [2006: 383], see also [Testelefs 2001: 189]). Thus, the more pronoun is an argument, the more felicitous it is as a UI, cf. (49) and (50) with (51)²¹.

- (51) — *Ne mogu najti pasport.*
NEG can.PRS.1SG find.INF passport.ACC
— *Možet, ty ego sprjatal gde-to (gde) i zabył?*
maybe you.NOM it.ACC hide.PST.M.SG where-INDF somewhere and forget.PST.M.SG

‘— I can’t find my passport. — Maybe you hid it somewhere and forgot about it?’

²¹ An anonymous reviewer suggests that the UIs’ being more frequent as arguments than as adjuncts could be due to the fact that arguments could prefer a less heavy marking of indefiniteness “simply because they are less autonomous”, cf. the tendency for object pronouns to be clitics. However, this sort of explanation does not seem to differ essentially from the one suggested above: being less autonomous is interrelated with being less predicted by the meaning of the verbal head. In a similar way, Haspelmath [2008] associates the length of a reflexive marker with the likelihood of an anaphoric pronoun being coreferential with the subject.

5.4. On the evolution of Russian UIs: preliminary conclusions

The analysis proposed in this section suggests that the evolution of Russian UIs can be generalized as follows. In the Russian language of the 18th–19th centuries as well as earlier (see [Krys'ko et al. 2020: 178] on the use of UIs in Old Russian), UIs were used more widely than in present-day Russian. As the marked indefinites of *nibud'*- and *to*-series were grammaticalized, the UIs were pushed to the periphery (cf. a similar view in [Malovitskii 1971: 69]). At least for *nibud'*, the process of grammaticalization presumably completed rather late—according to Pen'kova [2016: 281], not earlier than by the 18th century (for *to*-, the origin and the later development are unclear). What determined the choice of the contexts abandoned by UIs (imperatives, subjunctive clauses, etc.) and those in which they persisted (conditionals, questions, and simulative clauses first of all) were mainly the principle formulated in (35) and the register factor. The principle in (35) reflects the fact that the interpretation of a UI strongly relies on context due to the absence of a marker that would express the semantic type of indefiniteness. The role of register, i.e., the tendency to use UIs in the colloquial language, was convincingly interpreted by Malovitskii [1971: 66], who associates the fact that UIs are stylistically non-neutral with their peripheral status compared to *nibud'*- and *to*-pronouns.

6. Typology

The principle (35), which I suggested to be the leading factor in the evolution of Russian UIs in the previous section, allows us to make a few typological predictions.

First, if (35) really holds true, we can expect that conditionals and questions are the environments that consistently allow UIs in languages that make use of bare interrogatives as indefinites. This indeed seems to be the case (see [Haspelmath 1997: 172; Belyaev, Haug 2020: 888]).

Second, specific contexts, such as past or present declarative clauses, are predicted by (35) to be cross-linguistically problematic for UIs since they are not biased toward a certain interpretation of an indefinite pronoun, being equally compatible both with the 'specific known' and 'specific unknown' readings. This prediction is also borne out at least for western Indo-European [Haspelmath 1997: 173].

However, there are also languages that make extensive use of bare interrogatives as indefinites both in specific and non-specific contexts. These include, but are not limited to, languages (see the list thereof in [Tret'yakova 2009a: 88–90]) that have no series with a marker, with bare interrogatives being the only type of indefinite pronouns. To take such languages into account, a hypothesis more general than the principle (35) may be put forward:

- (52) The more series of indefinite pronouns with a marker, spanning the functions from 'specific-known' to 'conditional' on the semantic map of indefinite pronouns, there are in a language, the less likely the language is to use UIs in specific contexts. In other words, in a language that has two or more series with a marker that share the functions from 'specific-known' to 'conditional', bare interrogatives are not expected to be used as indefinites in specific functions. It may play a role, however, whether, in addition to series that share the specific and non-specific functions, there is also a series with a marker that can be used in both types of functions: this could facilitate the extensive use of UIs, see the discussion for German below.

The logic that lies behind the assumption in (52) is as follows. In case there are at least two different series with a marker that share specific and non-specific functions in a language, a semantic split within the zone of specificity turns out to be grammatically drawn, hence, salient for the speakers of this language (see, e.g., [Jakobson 1971: 481] on how grammars define as to what

“aspects of experience must be expressed”). Therefore, a need arises to differentiate between different types of specificity also in case a marker is absent. It is generally in this case that the principle (35) comes into force. While conditional or interrogative contexts can serve to indicate the non-specific interpretation of an indefinite, the contexts corresponding to the specific functions cannot help to distinguish between ‘specific known’ and ‘specific unknown’, hence, cannot individuate the function on their own.

To illustrate this idea, a small sample of eight languages (Classical Greek, Chinese, Korean, Serbian, Polish, Lithuanian, German, and Old Russian) is considered below. Three of them (Classical Greek, Chinese, and Korean) do use UIs in specific functions and have no or only one series with a marker for functions from ‘specific-known’ to ‘conditional’, which is in line with (52). The other five languages, on the contrary, do not allow UIs in specific functions (with German being an exception to be discussed below) and possess at least two series with a marker for the zone from ‘specific known’ to ‘conditional’. This is also in accordance with (52).

In Classical Greek, UIs (cf. the indefinite pronoun *τις* ‘someone/anyone’ and the corresponding interrogative pronoun *τις* ‘who’) can be used both in ‘specific known’, ‘specific unknown’, ‘irrealis non-specific’, ‘conditional’, and ‘question’ functions [Boas et al. 2019: 356]. Importantly, no series with a marker are allowed in these functions [Schwyzer, Debrunner 1950: 213].

Chinese, according to Haspelmath [1997: 307], restricts the use of bare interrogatives as indefinites to non-specific functions. However, Gärtner [2010: 13, fn. 21] notices that Haspelmath himself [1997: 171] gives an example that can be interpreted as a ‘specific unknown’ use of the bare interrogative *shenme* ‘what’. Furthermore, Tret’yakova [2009a: 112] reports that bare interrogatives can be used in Chinese in the ‘specific known’ function. Generic nouns can also be used in specific functions; there is, however, no series with a marker and, in general, no alternative to UIs for the ‘irrealis non-specific’, ‘conditional’, and ‘question’ functions [Haspelmath 1997: 307]. The resulting picture is thus in line with (52).

Korean makes extensive use of UIs, which are allowed both in specific and non-specific functions with the only exceptions being ‘comparative’, ‘direct negation’, and ‘free-choice’ (i.e., the functions on the right of the semantic map) according to Haspelmath [1997: 314] and ‘direct negation’ and ‘free-choice’ according to Tret’yakova [2009a: 148]. Crucially, Korean possesses only one series with a marker that spans all the functions from ‘specific known’ to ‘conditional’ [Haspelmath 1997: 314].

In Serbian, UIs are not allowed in specific functions [Tret’yakova 2009b: 145]. As for the series with markers, their functional distribution is interpreted differently by Haspelmath [1997: 270] and Tret’yakova [2009b: 146]. But according to both descriptions, Serbian has at least two series with a marker that share the zone from ‘specific known’ to ‘conditional’. This is again congruent with what is predicted by (52).

In Polish, the situation is very similar to that in Serbian. UIs are limited to non-specific contexts [Tret’yakova 2009b: 144], while the functions from ‘specific known’ to ‘conditional’ are shared by two series with a marker [Haspelmath 1997: 271; Tret’yakova 2009b: 144].

In Lithuanian, there are three series with a marker that can be used in the functions from ‘specific known’ to ‘conditional’ [Haspelmath 1997: 275; Kozhanov 2011: 104], while UIs are limited to non-specific functions [Kozhanov 2011: 90–91]. Interestingly, Kozhanov [2015: 469] reports that bare interrogatives may be used as indefinites with specific functions in dialects, but in this case they tend to replace the series with a marker used for ‘specific’ and ‘non-specific’ functions, i.e., the latter distinction is likely to disappear.

In German, there are several series with a marker that can be used in specific and non-specific functions [Haspelmath 1997: 244]. At the same time, German makes more extensive use of bare interrogatives than Russian — it allows bare interrogatives in affirmative declarative clauses in the ‘specific-unknown’ function [Tret’yakova 2009a: 132]. Cf. the contrast in (53).

(53) a. GERMAN: *Da kommt wer.*
 there come.PRS.3SG someone.NOM

b. RUSSIAN: **Idët kto.*
 come.PRS.3SG someone.NOM

Intended meaning: ‘Someone is coming.’

This seems to contradict the hypothesis in (52). However, the use of UIs may be facilitated by the fact that the pronoun *etwas* ‘something/anything’ can be used in both specific and non-specific functions including ‘specific known’ [Haspelmath 1997: 245], thus smoothing out the distinctions between different types of indefiniteness for native speakers of German.

Finally, in Old Russian (Indo-European, East Slavic), UIs were used much more extensively than in Modern Russian [Krys’ko et al. 2020: 178]. Still, they were limited to non-specific functions [Penkova, Rabus 2021: 245; Malovitskii 1971: 65]. At the same time, there were two major series with markers: one, with the marker *ne-*, had both specific and non-specific uses [Krys’ko et al. 2020: 178], while the other, with the marker *ljubo*, to which the modern *-libo* goes back, could only be used in non-specific functions [Penkova, Rabus 2021: 241, 245]. All in all, the situation in Old Russian fits the assumption in (52).

The eight languages considered above thus provide a piece of evidence for (52). Of course, much more typological work is needed to verify this hypothesis.

7. Conclusion

In this paper, I have shown that UIs have become less frequent in Russian compared to the 18th–19th centuries, while their present-day distribution differs from the one assumed in previous studies. Contrary to expectations, in modern Russian UIs are almost absent from ‘irrealis non-specific’ contexts such as imperatives or subjunctive clauses, in which they could be used as early as the 19th century, but are allowed in at least two ‘specific unknown’ contexts — simulative ‘as if’ clauses and questions associated with the speaker’s positive expectations. Although the latter contexts have been listed as compatible with UIs in earlier works, so far they have been treated as ‘irrealis non-specific’. I suggest, however, that both display important traits of the ‘specific unknown’ function. This is confirmed in particular by the fact that both in simulative clauses and questions associated with the speaker’s positive expectations, the indefinite *to*-series, which can be used in the ‘specific unknown’ function, is highly preferred over the *ni-bud*’-series, excluded from the ‘specific unknown’ function.

I argue that the distribution of Russian UIs, both synchronically and diachronically, can be accounted for by some sort of **economy principle**, according to which UIs tend to be used in contexts that are strongly biased toward a certain interpretation of an indefinite in terms of specificity (specific known vs. specific unknown vs. non-specific). This is in contrast with marked indefinites, which do not depend on the type of context in the same way since they convey the semantic type of indefiniteness by means of the marker. This principle, as I suggest, allows one to explain a few facts revealed by my corpus study, including the following:

- UIs are relatively frequent in conditionals, questions and simulative ‘as if’ clauses compared to other contexts both in modern Russian and the Russian language of the 18th–19th centuries.
- UIs were relatively rare in imperatives and subjunctive clauses in the 18th–19th centuries and are almost absent from them in present-day Russian.

The reasoning that underlies this analysis is that conditionals, questions or simulative clauses are more strongly biased toward a certain, namely non-specific, interpretation of an indefinite than imperatives and subjunctive clauses, as well as most of other ‘irrealis non-specific’ contexts.

This, in turn, is connected to the truth-value of the proposition in question and ultimately to what the speaker may or may not assume on the existence of the situation or item referred to by the indefinite pronoun, with existence being strongly associated with specific and non-existence with non-specific uses.

It is this kind of context dependency, I suppose, that underlies the fact that synchronically, Russian UIs do not occupy a contiguous area on the semantic map (see Fig. 4 in Section 5.1). As assumed by Haspelmath [1997: 119–120], the semantic map is arranged in such a way that all functions that share the same value of several relevant parameters, the specific vs. non-specific parameter being one of them, form a contiguous area on the map. While this provides a contiguous arrangement on the map for marked indefinites, for UIs a separate parameter, namely the extent to which a function **predicts** a certain type of specificity of the pronoun, appears to be the most crucial one. This parameter produces a different configuration of functions, resulting in a non-contiguous arrangement of UIs on the map. Simulative clauses are an instance of a context in which the latter parameter goes contrary to other parameters. On the one hand, simulative contexts are specific in that they are associated with the speaker's commitment to the existence of an individual or an item referred to by the pronoun in a possible world (see Section 5.1). Being specific, they are not adjacent to conditionals and questions, two functions in which UIs are frequent, on the map. On the other hand, simulative clauses are irrealis. As such, they strongly predict an indefinite within them to be non-specific, hence, are favorable contexts for UIs like conditionals and questions. Essentially the same point may also be stated from the diachronic point of view. In the 18th–19th centuries, Russian UIs occupied a contiguous area on the semantic map (see Fig. 5 in Section 5.1). As their use declined, what fell out first were 'irrealis non-specific' contexts, which are less clearly biased toward the non-specificity of an indefinite than conditionals, questions, and simulative clauses. This gave rise to a gap in the semantic map.

I argue, furthermore, that the suggested economy principle may be overridden by one more factor, namely register: optative constructions with *xot' by* and epistemic constructions with *možet*, which are 'irrealis non-specific' contexts and as such are predicted to be problematic for UIs by the above principle, combine with UIs rather frequently because they are colloquial. Importantly, this offers an account for the following fact characterized as mysterious in the previous literature: neither optative nor epistemic contexts are consistent in their combinability with UIs, i.e. while some epistemic and optative markers do combine with UIs (e.g., *xot' by* and *možet*), others do not.

Two typological tendencies are predicted to hold by my analysis. On the one hand, conditionals and questions are expected to allow UIs in languages that use bare interrogatives as indefinites. On the other hand, past or present declarative clauses, which are equally compatible with 'specific known' and 'specific unknown' readings of the indefinites, are expected to avoid UIs cross-linguistically. Both tendencies have indeed been reported in the literature.

However, there are also languages in which UIs may be used in all kinds of specific functions. I tentatively argue that in these languages, a more general principle comes into force: the more different markers of indefiniteness, spanning the functions from 'specific known' to 'conditional', there are in a language, the more salient the contrast is between different types of specificity for native speakers, and hence the stronger the dependency of UIs on context and the less likely their occurrence in specific contexts. This hypothesis has been preliminarily tested and confirmed based on the data of eight languages (Classical Greek, Chinese, Korean, Lithuanian, Serbian, Polish, German, and Old Russian).

My study also shows the benefits of micro-diachronic analysis in grammatical studies. In previous works on UIs such as [Tret'yakova 2009a] and [Zevakhina, Oskol'skaya 2013], data from the 19th and early 20th centuries were considered as indicative for present-day Russian. As a result, the shift that occurred in the use of UIs since the 19th century could not be registered, and the parallels with other processes in which UIs are cross-linguistically involved could not be analyzed.

ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person

ACC — accusative

AUX — auxiliary

COMP — complementizer

COP — copula

DAT — dative

F — feminine

FUT — future

GEN — genitive

IMV — imperative

INDF — indefinite

INF — infinitive

INS — instrumental

LOC — locative

M — masculine

N — neuter

NEG — negation

NOM — nominative

OPT — optative

PASS — passive

PL — plural

PRS — present

PST — past

PTCL — particle

PTCP — participle

SG — singular

SBJV — subjunctive

Q — question particle

REFERENCES

- Barkhudarov et al. 1978 — Barkhudarov S. G. et al. (eds.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. No. 5. Moscow: Nauka, 1978.
- Belyaev, Haug 2014 — Belyaev O., Haug D. The genesis of *wh*-based correlatives: From indefiniteness to relativization. Handout presented at the conf. Sinn und Bedeutung 19 (Formal Theories of Meaning Change). Göttingen, 15–17 September 2014.
- Belyaev, Haug 2020 — Belyaev O., Haug D. The genesis and typology of correlatives. *Language*, 2020, 96(4): 874–907.
- Bhatt, Pancheva 2006 — Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 1. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Oxford: Blackwell, 2006, 638–687.
- Boas et al. 2019 — van Emde Boas E., de Bakker M., Rijksbaron A., Huitink L. *Cambridge grammar of Classical Greek*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Dobrushina 2009 — Dobrushina N. R. Semantika chastits *by i b* [Semantics of the particles *by* and *b*]. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike* [Corpus studies in Russian grammar]. Kiseleva Ks. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Probel-2000, 2009, 281–313.
- Dobrushina 2012 — Dobrushina N. R. Subjunctive complement clauses in Russian. *Russian Linguistics*, 2012, 36(2): 121–156.
- Feuillet 2006 — Feuillet J. *Introduction à la typologie linguistique*. Paris: Honoré Champion, 2006.
- Gärtner 2009 — Gärtner H. More on the indefinite-interrogative affinity: The view from embedded non-finite interrogatives. *Linguistic Typology*, 2009, 13: 1–37.
- Giannakidou, Mari 2019 — Giannakidou A., Mari A. *Modalization and bias in questions*. Ms., 2019. <http://home.uchicago.edu/~giannaki/pubs/modalquestions.pdf>.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Haspelmath 2003 — Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. *The new psychology of language*. Vol. 2. Tomasello M. (ed.). New York: Erlbaum, 2003, 211–243.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. A frequentist explanation of some universals of reflexive marking. *Linguistic Discovery*, 2008, 6(1): 40–63.
- Jakobson 1971 — Jakobson R. *Selected writings*. Vol. II: *Word and language*. The Hague: Mouton, 1971.
- Kobozeva 1981 — Kobozeva I. M. Opyt pragmaticheskogo analiza *to-* i *nibud'*-mestoimenii. [Towards a pragmatic analysis of the *to-* and *nibud'*-pronouns]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1981, 40(2): 165–172.
- Kobozeva 2000 — Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Librokom, 2000.
- Kozhanov 2011 — Kozhanov K. A. Notes on the use of Lithuanian indefinite pronouns. *Baltic Linguistics*, 2011, 2: 79–110.

- Kozhanov 2015 — Kozhanov K. A. Lithuanian indefinite pronouns in contact. *Contemporary approach to Baltic linguistics*. Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2015, 465–490.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — Kratzer A., Shimoyama J. Indeterminate pronouns: The view from Japanese. *The Proc. of the 3rd Tokyo Conf. on Psycholinguistics*. Otsu Y. (ed.). Tokyo: Hituzi Syobo, 2002, 1–25.
- Krys'ko et al. 2020 — Krys'ko V. B., Kuznetsov A. M., Pen'kova Y. A. Mestoimeniya [Pronouns]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Entsiklopedicheskii slovar'* [Historical grammar of Russian: Encyclopaedic dictionary]. Krys'ko V. B. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2020, 172–189.
- Kuz'mina 1989 — Kuz'mina S. M. Semantika i stilistika neopredelennykh mestoimenii [Semantics and stylistics of indefinite pronouns]. *Grammaticheskie issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskii aspekt. Supersegmentnaya fonetika. Morfologicheskaya semantika* [Grammatical studies. Functional-stylistic aspect. Suprasegmental phonetics. Morphological semantics]. Shmelev D. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1989, 178–231.
- Letuchiy 2017 — Letuchiy A. B. Sravnitel'nye konstruksii [Comparative constructions]. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka* [Materials for a corpus-based grammar of Russian]. No. 2: *Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii* [Syntactic constructions and grammatical categories]. Plungian V. A., Stoinova N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, 132–204.
- Liu et al. 2021 — Liu M., Rotter S., Giannakidou A. Bias and modality in conditionals: Experimental evidence and theoretical implications. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2021, 50: 1369–1399. <https://doi.org/10.1007/s10936-021-09813-z>.
- Malovitskii 1971 — Malovitskii L. J. Voprosy istorii predmetno-lichnykh mestoimenii (*kto*, *čto*) [Issues of history of substantival pronouns (*kto*, *čto*)]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena*, 1971, 517: 3–130.
- Oskol'skaya, Zevakhina 2013 — Oskol'skaya S. A., Zevakhina N. A. Neopredelennye mestoimeniya bez markera neopredelennosti v russkom yazyke [Indefinite pronouns without a marker of indefiniteness in Russian]. Handout presented at the international conf. “Constructional and Lexical Semantic Approaches to Russian” (St. Petersburg, 2013).
- Paducheva 1985 — Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relationship to reality]. Moscow: Nauka, 1985.
- Pen'kova 2016 — Pen'kova Ya. A. Neopredelennye mestoimeniya s formantami *nibud'* i *libo/lyubo* v istorii russkogo yazyka XV–XVII vekov: Korpusnoe issledovanie [Indefinite pronouns of the *nibud'*- and *libo/lyubo*-series in the history of Russian of the 15th–17th centuries: A corpus study]. *El'Manuscript–2016. Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos. VI tarptautinė mokslinė konferencija Pranešimai ir tezės* (Vilnius, 2016). Baranov V. A., Timchenko T. A. (eds.). Vilnius: Iževskas: Loreta Uzdraite, 2016, 280–284.
- Penkova, Rabus 2021 — Penkova Y., Rabus A. East Slavic indefinite pronouns: A corpus-based approach. *Russian Linguistics*, 2021, 45: 227–252. <https://doi.org/10.1007/s11185-021-09247-0>.
- Rakhilina et al. 2016 — Rakhilina E. V., Borodina M. A., Reznikova T. I. “Taman' segodnya”: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX veka [“Taman today”: A corpus study of 19th-century Russian]. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2016, 10: 242–255.
- RNC — *Russian National Corpus*. <https://ruscorpora.ru>.
- Shmelev 2002 — Shmelev A. D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.
- Schwarz 1998 — Schwarz B. Reduced conditionals in German: Event quantification and definiteness. *Natural Language Semantics*, 1998(6): 271–301.
- Schwyzler, Debrunner 1950 — Schwyzler E., Debrunner A. *Griechische Grammatik: auf der Grundlage von Karl Brugmanns griechischer Grammatik*. 2. Bd.: *Syntax und syntaktische Stilistik*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1950.
- Shvedova 1980 — Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2: *Sintaksis* [Syntax]. Moscow: Nauka, 1980.
- Tatevosov 2002 — Tatevosov S. G. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [The semantics of constituents of a noun phrase: Quantifier words]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2002.
- Testeleits 2001 — Testeleits Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.
- Tret'yakova 2004 — Tret'yakova O. D. Seriya neopredelennykh mestoimenii s nulevym markerom neopredelennosti v russkom yazyke [A series of indefinite pronouns with a zero marker of indefiniteness

- in Russian]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Proc. of the international conf. "Dialog-2004"*. Kobozeva I. M., Narin'yan A. S., Selegei V. P. (eds.). Moscow, 2004, 602–607.
- Tret'yakova 2009a — Tret'yakova O. D. *Neopredelennye mestoimeniya, lishennye markera neopredelennosti, v tipologicheskoi perspektive* [Indefinite pronouns lacking overt markers of indefiniteness in a typological perspective]. Candidate diss., Lomonosov Moscow State Univ., 2009.
- Tret'yakova 2009b — Tret'yakova O. D. Funktsii neopredelennykh mestoimenii bez pokazatelya neopredelennosti (na materiale slavyanskikh yazykov) [Functions of indefinite pronouns lacking overt markers of indefiniteness in Slavic]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 9: Filologiya*, 2009, 1: 134–147.
- Uryson 2011 — Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt of description of conjunctions semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.
- Vallduví, Vilksuna 1998 — Vallduví E., Vilksuna M. On rheme and kontrast. *Syntax and Semantics*, 1998, 29 (*Syntax at the limits*. Culicover P., McNally L. (eds.)): 79–108.
- Yanko 2001 — Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.
- Yanko-Trinitskaya 1977 — Yanko-Trinitskaya N. A. Mestoimennyye slova so znacheniem neopredelennosti [Pronominal words with the meaning of uncertainty]. *Russkii yazyk v shkole*, 1977, 1: 71–73.
- Yanovich 2005 — Yanovich I. Choice-functional series of indefinites and Hamblin semantics. *Proc. of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 15*. Georgala E., Howell J. (eds.). Ithaca (NY): Cornell Linguistics Publications, 2005, 309–326.

Получено / received 14.09.2022

Принято / accepted 27.09.2022

Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог *по*)

© 2023

Екатерина Николаевна Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
ekaterinavin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию русских конструкций, включающих предлог *по*, в свете процессов грамматикализации, лексикализации и прагматикализации, которые в настоящее время по-разному, зачастую противоречиво трактуются в работах лингвистов. На материале анализа специализированных словарей был выделен корпус конструкций с *по*; затем соответствующие словарные статьи были критически проанализированы с целью определения всех функций, которые способна выполнять та или иная единица. Для целого ряда полученных конструкций, включающих предлог *по*, были уточнены функции, реализуемые ими в языке и речи. В результате этой работы было выявлено, что составленную на базе словарных помет типологию рассматриваемых конструкций (предлоги, союзы, наречия, предикативы, частицы, вводные слова) целесообразно дополнить дискурсивными формулами. Вводные слова, включающие *по*, оказались достаточно гетерогенными, поэтому была проведена их категоризация: вводные слова, не допускающие распространителей, vs. вводные слова с (факультативными / обязательными) распространителями. В то же время были проанализированы работы по грамматикализации, лексикализации, прагматикализации и другим «-изациям»; выбран непротиворечивый подход к этим понятиям, позволивший соотнести полученные типы конструкций с указанными языковыми процессами. На ряде примеров показано, что образование наречий и предикативов коррелирует с критериями лексикализации; охарактеризовано соотношение понятия лексикализации с понятиями фразеологизации и идиоматизации. На материале конкретных единиц продемонстрировано, что предлоги и союзы отвечают ряду параметров грамматикализации при ее широком понимании. Прагматикализация, понимаемая как подкласс грамматикализации или отдельный класс (при узком понимании последней), проявляется в эволюции частиц и дискурсивных формул; вводные слова, включающие *по*, находятся на пересечении полей прагматикализации и лексикализации. В заключении характеризуется конструкционализация как родовой процесс по отношению к рассмотренным «-изациям», а также приводятся случаи полифункциональности изучаемых единиц; показано, что полифункциональность является их типичной характеристикой.

Ключевые слова: грамматикализация, дискурсивные маркеры, конструкции, лексикализация, прагматикализация, предлоги, русский язык

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам и редакции «Вопросов языкознания» за полезные советы, конструктивные замечания и ценные комментарии, а также аспирантке филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Чэнь Сюэцин, в ходе совместной работы с которой родилась идея настоящей статьи и был собран материал.

Для цитирования: Виноградова Е. Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог *по*). *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 54–87.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.54-87

Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition *PO*

Ekaterina N. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ekaterinavin@mail.ru

Abstract: The article describes Russian constructions including the preposition *po* with respect to grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization as processes often conflicting in linguistic studies. A corpus of constructions with *po* was created based on specialized dictionaries; dictionary entries in question were critically checked in order to identify all the functions of a particular construction. Some of these constructions required more precise definition of their functions in language and speech. As a result, a typology of constructions including *po* based on dictionary labels (prepositions, conjunctions, adverbs, predicatives, particles, parenthetical words) had to be expanded by adding the class of discourse formulae. The parenthetical constructions including *po* turned out to be very heterogeneous, so they were categorized as follows: parenthetical constructions without any possible argument vs. parenthetical constructions with obligatory or optional argument. Besides that, literature on grammaticalization, lexicalization, pragmaticalization, and some other “-izations” was scrutinized; a consistent approach to them was selected and thus the collected constructions were correlated with the abovementioned linguistic processes. Analysis of the study corpus shows that formation of adverbs and predicatives corresponds to lexicalization; a relationship between notions of lexicalization, phraseologization, and idiomatization is illuminated. We demonstrate on the examples of specific linguistic units that prepositions and conjunctions follow some parameters of grammaticalization, taken broadly (E. Traugott et al.). Pragmaticalization, viewed as a subclass of grammaticalization or as a separate process, can be revealed in evolution of particles and discourse formulae; parenthetical constructions are shown to be at the intersection of lexicalization and pragmaticalization. In conclusion, notions of constructionalization and multi-functionality are characterized; multi-functionality is stated to be a typical feature of the constructions analyzed.

Keywords: constructions, discourse markers, grammaticalization, lexicalization, pragmaticalization, prepositions, Russian

Acknowledgements: The author is indebted to anonymous reviewers and the editors of *Voprosy Jazykoznanija* for insightful comments and valuable remarks, as well as to postgraduate student in Lomonosov Moscow State University (Faculty of Philology) Xueqing Chen for productive collaboration.

For citation: Vinogradova E. N. Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition *PO*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 54–87.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.54-87

Введение. Типология конструкций с *по*

В последние десятилетия внимание лингвистов обращено к грамматике конструкций (Construction Grammar), особый интерес вызывают единицы, находящиеся между грамматикой и лексикой, зачастую не попадающие ни в словари, ни в грамматики, в связи с чем актуальным стало создание конструктиконов для разных языков [Janda et al. 2018]. В то же время все острее встает проблема описания неизменяемых (особенно служебных) единиц языка, которые трудно категоризовать в терминах частей речи, прежде всего потому, что у них отсутствуют словоизменятельные категории, кроме того, они могут выполнять различные синтаксические функции, иными словами, они полифункциональны. Это заставляет ученых использовать внечастеречные группировки подобных единиц, например, коннекторы, см. ([Degand, Henk Pander 2003; Grieve 2016; Кобозева 2017; Зализняк Анна 2017; Инькова 2018] и др.), дискурсивные слова в самом широком понимании, см. ([Fraser 1999; Schiffrin 2001; Traugott 2007; Пекелис 2021; Heine et al. 2021] и др.),

скрепы, см. ([Черемисина, Колосова 1987; Прияткина 2002; Тюрин 2016; Шмелева 2018; Шереметьева, Пилюгина 2019] и др.). Наконец, исследователей все больше привлекают различные процессы, происходящие в языке, в частности, грамматикализация, прагматикализация, лексикализация. Настоящая работа выполнена на стыке этих лингвистических направлений и посвящена описанию конструкций, включающих предлог *по*. Цель работы — анализ указанных конструкций, определение их статуса, выявление полифункциональных единиц и определение процессов, обеспечивающих формирование конструкций с предлогом *по*. Для выполнения поставленных целей было необходимо решить следующие задачи: собрать корпус конструкций, включающих предлог *по*, выявить типологию подобных конструкций, уточнить статус некоторых из единиц, выделить полифункциональные единицы, проанализировать научные исследования по процессам грамматикализации, лексикализации и прагматикализации и выбрать непротиворечивое представление о них, соотнести полученные конструкции с процессами грамматикализации, лексикализации и прагматикализации.

Материалом для исследования послужила сплошная выборка конструкций, включающих *по*, из словарей [Богданов, Рыжова 1997; Морковкин 1997; Ожегов, Шведова 1999; Ефремова 2001; Рогожникова 2003; Шиганова 2003; Лепнев 2010; Бурцева 2010]¹, при этом рассматривались только единицы с раздельным написанием *по* (слитное и дефисное написание учитывались только в качестве примеров). Работа построена таким образом, что по мере описания различных выделенных групп конструкций в ней постепенно называется весь собранный языковой материал.

Анализ словарей показал, что среди конструкций, включающих предлог *по*, выделяются следующие типы:

- (1) наречия (*по заказу, по душам, по наитию*),
- (2) предикативы (*по зубам, по карману, по плечу*),
- (3) предлоги (*по направлению к, по причине, судя по*),
- (4) союзы (*по мере того как, по поводу того что*),
- (5) частицы (*по ходу, по типу*),
- (6) вводные слова (*по всей вероятности, по меньшей мере, по правде говоря*).

Для некоторых конструкций в словарях выделяются не все функции, зачастую функции смешиваются, так, например, в [Бурцева 2010] *по идее* характеризуется только как наречие с примерами: *Проект был сделан по идее нашего руководителя* — налицо «ненаречное» употребление с актантом; *По идее он уже должен прийти*. Думается, что *по идее* также употребляется в функции вводного слова: *По идее, частные компании должны пройти строгий отбор* [НКРЯ. «Аргументы и факты». 2003]. Кроме того, здесь возможно употребление с распространителем (актантом — источником информации): *Именно тогда асимметрия Вселенной — по идее Сахарова — складывалась в процессах, бурлящих в каждой микроточке космического пространства* [НКРЯ. Г. Горелик. 2004]. Представляется, что подобные вводные употребления с валентностью на источник информации необходимо отмечать отдельно, особенно в активных словарях: целесообразно различать собственно вводные слова (*по крайней мере, по видимости*) и вводные слова с распространителями (*по данным, по определению*), при этом важно, что валентность на источник информации может быть синтаксически обязательной (*по данным чего?, по свидетельству кого?*) и синтаксически факультативной (*по определению, по идее*). Подчеркнем, что мы намеренно отказываемся здесь от удобного и распространенного термина «дискурсивы», или

¹ Безусловно, это не все конструкции, включающие *по*. Материал исследования мог бы быть значительно пополнен из [Корпусный словарь], однако в нем, как известно, не различаются наречия и предикативы, что не соответствовало задачам работы. Анализ показал значительные расхождения в нашем материале и в [Корпусный словарь], думается, что в дальнейшем они могли бы дополнить друг друга.

«дискурсивные маркеры», так как он называет более широкий класс единиц, включающий, например, частицы, что вызывает противоречивость системы. Однако, возможно, частицы и вводные слова могли бы быть объединены в один класс дискурсивных маркеров и для лексикографических целей.

Материал показал необходимость выделения еще одной функции рассматриваемых конструкций — функции дискурсивных формул, которые понимаются как «законченные неоднословные реплики в диалоге в ответ на вербальный стимул собеседника, не обусловленный частной социально значимой ситуацией, ср. *Не тут-то было! Как же это? Вон оно как!* и под.» [Жукова и др. 2019: 144], например: — *Как это?! — не понял я. — Есть базар новый, а есть старый. — А я еще раз говорю — **по барабану**... Лишь бы базар! Я показал, как проехать на старый, — он был ближе* [НКРЯ. В. Слипечук. 2001].

Таким образом, в работе выделяется еще один тип конструкций с *по*:

(7) дискурсивные формулы (*по барабану, по фигу*).

Отметим, что в зоне изучаемых конструкций частотна полифункциональность — случаи, когда единица может выступать в двух и более функциях, например, предлога и наречия, вводного слова и наречия и т. д.

Появление выделенных типов конструкций связано с различными языковыми процессами: грамматикализациями, лексикализацией и прагматикализацией. Представим конструкции с *по* в соотношении с процессами, формирующими их.

1. Лексикализация

1.1. Лексикализация vs. деграмматикализация

Лексикализация является, пожалуй, самым противоречивым понятием из рассматриваемых процессов, представления лингвистов о ней значительно расходятся: существует по крайней мере две почти противоположных точки зрения на лексикализацию. С одной стороны, некоторые ученые видят в лексикализации лишь процесс, зеркально противоположный грамматикализации, полагая, что «обратный грамматикализации процесс лексикализации приводит к образованию окаменелых грамматических форм, употребляющихся в качестве лексических уточнителей» [Иванов 2004: 75], см. также [Новоспасская, Авагян 2021]. Лексикализация при подобном подходе является частью деграмматикализации, ср.: «lexicalization is thus an aspect of degrammaticalization» [Ramat 1992: 550], зачастую оба процесса практически отождествляются, как в работе [van der Auwera 2002]. Однако, как убедительно показал К. Леман, обратным грамматикализации процессом корректнее считать деграмматикализацию: «...the inversion of grammaticalization is not lexicalization. Giving autonomy to a hitherto dependent expression is not an automatic ingredient of language activity, but demands an enhanced measure of creativity. The operation is called degrammaticalization (cf. [Ramat 1992]) and is by magnitudes rarer than grammaticalization» [Lehmann 2002: 17], см. также три типа деграмматикализации (degrammation, deinflexionalization, debonding²), выделяемые в [Norde 2009].

² «Degrammation is a composite change whereby a function word in a specific context is reanalysed as a member of a major word class, acquiring the morphosyntactic properties which are typical of that word class, and gaining in semantic substance» [Norde 2009: 135]. «Deinflexionalization is a composite change whereby an inflectional affix in a specific linguistic context gains a new function, while shifting to a less bound morpheme type» [Ibid.: 152]. «Debonding is a composite change whereby a bound morpheme in a specific linguistic context becomes a free morpheme» [Ibid.: 186].

Лексикализация представляет собой гораздо более частотный процесс, который мы вслед за Э. Траугот, Л. Бринтон и многими другими понимаем как «the change where by in certain linguistic context speakers use a syntactic construction or word formation as a new contentful form with formal and semantic properties that are not completely derivable or predicable from the constituents of the construction or the word formation pattern. Over time there may be further loss of internal constituency and the item may become more lexical» [Brinton, Traugott 2005: 96], ср. также определение лексикализации, данное В. В. Лопатиным: «...превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм — *sic!*)» [Лопатин 1990: 258].

1.2. Лексикализованные единицы

К лексикализованным единицам в нашем материале можно отнести наречия и предикативы.

1.2.1. Наречия. Конструкции с предлогом *по* активно лексикализируются: очевидно, что в нашем корпусе представлен далеко не закрытый список. С учетом синкретичности значения многих единиц можно условно разделить наречия с *по* на следующие семантические группы, выражающие:

- причинные отношения: *по должности, по жребию, по заказу, по запарке, по заслугам, по крайности, по молодости, по наитию (свыше), по нужде, по небрежности, по неведению, по невежеству, по недогляду, по недомыслию, по недоразумению, по недосмотру, по незнанию, по неопытности, по неосторожности, по непривычке, по нечаянности, по ошибке, по подсказке, по правилам, по привычке, по принадлежности, по простоте (душевной), по пьяни, по пьянке, по пьяной лавочке, по пьяному делу, по случайности, по суду, по справедливости, по чести, по чину;*
- локативные отношения: *по верху, по сторонам, по ту сторону, по углам;*
- временные отношения: *по весне, по вечерам, по возвращении, по временам, по зиме, по ночам, по осени, по переменкам, по приезде, по сей день, по сие время, по сию/сю пору, по утрам, по утрянке, по утряночке;*
- квалификативные отношения: *не по адресу, не по дням, а по часам, по алфавиту, по ассоциации, по балде, по бездорожью, по благу, по большой нужде, по большому, по будильнику, по верхам, по ветру, по виду, по возможности, по выбору, по выработке, по горло, по гроб жизни, по делам, по делу, по дешевке, по душам, по жизни, по (самую) завязку, по кайфу, по корешам, по кругу, по малой нужде, по маленькому, по матушке, по мелочам, по мелочи, по моде, по назначению, по наследству, по нахалке, по новой, по образу и подобию, по (своему) обыкновению, по отдельности, по очереди, по памяти, по первое число, по писанному, по полной обойме, по полной программе, по понятиям, по порядку, по почте, по пояс, по преимуществу, по приколу, по природе, по прямой, по пунктам, по ранжиру, по себе, по секрету, по силе возможности, по складам, по слогам, по слуху, по совести, по солнцу, по средствам, по старинке, по старой памяти, по сусалам, по уставному, по уши, по форме, по цвету, по цепи, по цепочке, по часам, по шейку, по щучьему велению, по этапу, по эфигу, по шеям;*
- квантитативные отношения: *по два, по две, по двое, по девятеро, по девять, по десятеро, по десять, по маленькой, по махонькой, по одному, по пятеро, по пять, по семеро, по семь, по три, по трое, по четверо, по четыре, по шестеро, по шесть, по шею.*

Судя по всему, к наречным следует отнести также конструкции *по шее* и *по шапке*, трактуемые как междометия в [Бурцева 2010].

1.2.2. Предикативы³. К монофункциональным предикативам относятся: *не по вкусу, не по дороге, не по носу, не по душе, не по нраву, не по нутру, не по пути, не по росту, не по себе, не по сердцу, (не) по зубам, (не) по карману, по петухам, (не) по плечу, (не) по силам, (не) по средствам*.

Многие предикативы полифункциональны: поле предикативов пересекается с полями (а) наречий и (б) дискурсивных формул.

(а) Системно выполняют функции наречий следующие единицы: *по вкусу, (не) по возрасту, (не) по годам, по дороге, по душе, (не) по летам, по нраву, по нутру, по росту, по рукам, по сердцу; (не) по мне* (примеры 1–2).

- (1) — *Всегда надо по сердцу поступать* — как чувствуешь, иначе толку в твоих делах не будет никакого [НКРЯ. «Русский репортер». 2013] — наречие;
- (2) *Ему больше по сердцу мягкий серебристый Манэ, но он не служит и ему литургии* [НКРЯ. А. Аверченко. 1910–1911] — предикатив.

Как показывает материал, в отличие от наречий предикативы чаще образуют отрицательные модификации, ср. *по дороге и не по дороге, по нраву и не по нраву, по вкусу и не по вкусу* и т. п. (3–5):

- (3) *Плоские кусочки продукта обложить мелко нарезанными овощами, луком, посолить по вкусу, добавить немного масла, зелени, специй* [НКРЯ. «Сочи». 2002] — наречие;
- (4) *Некоторые зрители разевали рты и прикрывали уши ладонями, но большинству этот грохот был по вкусу* [НКРЯ. «Ковчег». 2015] — предикатив;
- (5) *Это смесь интеллигентщины и «сермяжного начала» мне чего-то не по вкусу* [НКРЯ. А. Сарибан. 1963] — предикатив.

Анализ данных НКРЯ позволил выявить, что из 397 примеров употребления конструкции *не по вкусу*, 382 — предикативы, представленные двумя вариантами: предикативы с (нулевой) связкой *быть* и предикативы с полусвязочными глаголами *приходиться/прийтись, оказываться/оказаться, бывать* (6–7); кроме того, обнаружены два вхождения при союзном образовании *не (по вкусу), а...*, 13 непредикативных вхождений *не по вкусу* относятся к периоду 1808–1948 гг., что, возможно, демонстрирует, как проходил процесс лексикализации (8–9).

- (6) *Могли изгнать любого учителя, если он ученикам приходился не по вкусу* [НКРЯ. В. Розов. 1960–2000];
- (7) *Я тут варила борщи, он тоже оказался не по вкусу и за едой Ким долго втолковывал, почему он не удался* [НКРЯ. Ю. Кривулина (Хордикийнен). 1960];
- (8) *Лемешев действительно жил на даче, но не по вкусу: ему воспрещен был за ябедничество въезд в столицу, и он основал свой разбойничий вертеп в семи верстах от Петербурга* [НКРЯ. Н. Греч. 1834];
- (9) *Ротмистру фон Брадке поднесли бифштекс, поджаренный не по вкусу* [НКРЯ. А. Куприн. 1903].

Таким образом, современных непредикативных употреблений конструкции *не по вкусу* в НКРЯ не обнаружено. Конструкция *по вкусу* более частотна (1878 вхождений) и употребляется в качестве как предикатива, так и наречия (3–4).

³ В работах В. В. Шигурова рассматриваются более конкретные процессы перехода: предикативация, интеръективация (в междометия), конъюнкционализация (в союзы), партикуляция (в частицы), модалация (во вводные слова), см., например, [Шигуров 2016], ср. также [Богданова-Бегларян 2021].

(6) Кроме того, ряд предикативов может выступать в составе дискурсивных формул: *по фигу (пофигу)*, *по фиг (пофиг)*, *по боку (побоку)*, *по барабану*, *поф* и их менее цензурных эквивалентов⁴ (10–11):

(10) *Да и прятался за такой неприступный вид, мол я крутой, и мне все пофиг* [НКРЯ. «Пятое измерение». 2003] — предикатив;

(11) *А еще знаю, что когда мы этой смеси с поганками привезем, наконец, тонн двести, она полгода будет на складе место занимать, сразу станет никому не нужна. — Да и пофиг. Лишь бы отстали* [НКРЯ. Г. Садулаев. 2008] — дискурсивная формула.

1.3. Параметры лексикализации

Одним из основных параметров лексикализации является градуальность (gradualness), понимаемая как «the fact that most changes occur in very small structural steps, typically with innovative uses coexisting alongside older ones $A > A \sim B > (B)$ » [Brinton, Traugott 2005: 26], ср. со шкалой переходности, предложенной в [Бабайцева 2000: 132–144]. Это объясняет различные стадии лексикализации рассматриваемых единиц: некоторые из них очень близки к наречиям, другие лишь начинают свое «превращение», ср., например:

начальная стадия лексикализации

по делу

по неосторожности

по порядку

завершающая стадия лексикализации

поделом

поневоле

подобру-поздорову

Отметим, что в русском языке существует множество пишущихся слитно «чистых» наречий, лексикализованных из конструкций с *по*: *поблизости*, *побоку*, *поделом*, *подолгу*, *позавчера*, *поистине*, *понарошку*, *поначалу*, *поневоле*, *поныне*, *поодиночке*, *пополам*, *попусту*, *поровну*, *порознь* и мн. др. Сравнительно-уподобительные наречия типа *по-волчьи*, *по-царски*, *по-болгарски*, *по-старому*, *по-домашнему* и отадъективные наречия типа *по-батареино*, *по-батарейно*, *повседневно*, *повсеместно*, *погектарно*, *по-дённо*, *по-детально*, *подивизионно*, *подробно*, *пожизненно* подверглись словообразовательным процессам, которые чаще не приравниваются к лексикализации, ср. «word formation and lexicalization should be treated as separate phenomena» [Brinton, Traugott 2005: 34].

Наряду с градуальностью лексикализацию, как показано в [Ibid.: 105–109], характеризуют следующие параметры⁵:

- однонаправленность (unidirectionality), обусловленная, прежде всего, слиянием и сращением;
- слияние (fusion) — «замораживание» и фиксация коллокатов;
- сращение (coalescence) — фонетическая редукция;
- демотивация (demotivation) — потеря композициональности;
- метафоризация и метонимизация (metaphorization and metonymization).

⁴ Ср. названия песен: Моргенштерн feat Клава Кока «*Мне пах*»; Моргенштерн feat Стрепто Кока «*Мне поф*» (интернет).

⁵ Все параметры лексикализации в указанной работе являются общими для грамматикализации и лексикализации, однако для грамматикализации выделяется также набор специфических параметров.

Эти параметры по-разному проявляются / не проявляются в конкретных единицах, подвергающихся лексикализации, и на различных стадиях этого процесса.

Слияние отражается в изменениях синтаксических особенностей единиц. В качестве примера можно продемонстрировать действие одного из факторов синтаксического «замораживания» — непроницаемости, которая характерна для многих единиц и заключается в невозможности вставки внутрь конструкции конкретизатора-прилагательного. Безусловно, определение степени лексикализации необходимо проводить для каждой единицы индивидуально, так как все подобные изменения происходят по-своему, ср., например, количество проницаемых и непроницаемых употреблений наречия *по душам* (рис. 1).

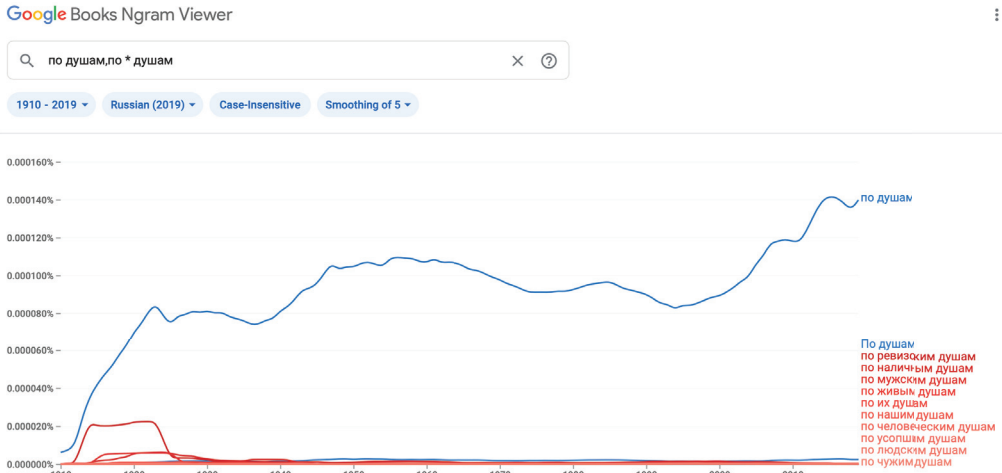

Рис. 1. Проницаемые и непроницаемые употребления наречия *по душам*

На рис. 1 видно, что существительное *душа* в конструкции *по душам* перестало присоединять согласованное определение, даже количество омонимичных конструкций, «впускающих» прилагательные, относительно невелико. Редкие примеры проницаемых употреблений для наречий и предикативов сводятся к случаям, когда прилагательными, притяжательными и указательными местоимениями выражены актанты: *Не по моему нутру водить шашни с реально очерченным тамбовским волком, еще чего не хватало!* [НКРЯ. «Волга». 2011].

Еще одним синтаксическим изменением можно считать тяготение многих предикативных конструкций, включающих *по*, к отрицательным модификациям (за исключением прост. *по петухам* и *по рукам*): *не по пути, не по сердцу, не по силам* и т. д. Кроме того, существительные в формах единственного и множественного числа «застывают» в конструкциях с различным значением, ср.: *по делам* — *по делу, по слухам* — *по слуху, по верхам* — *по верху, по бокам* — *побоку, по утрам* — *поутру, по вечерам* — *повечеру, по рукам* — *по руке, по душам* — *по душе*.

Для целого ряда рассматриваемых единиц наблюдаются **сращения** — фонетические изменения (редко наблюдаемые при грамматикализации конструкций с *по*), в частности, перенос ударения на предлог: *по́ сердцу, по́ уши, по́ ветру, по́ двое* и т. п., перенос ударения: *по́ душам*, ср. также лексикализовавшиеся *по́верху, по́низу, по́просту, по́пусту, по́ровну, по́рознь, по́суху, по́темну; по́фиг, по́фигу, по́боку*, а также *по́давню, по́добру-по́здорову́*. Распределение по годам раздельных и слитных написаний наглядно представляет процессы лексикализации, ср. написания *по фиг* и *пофиг* (см. рис. 2).

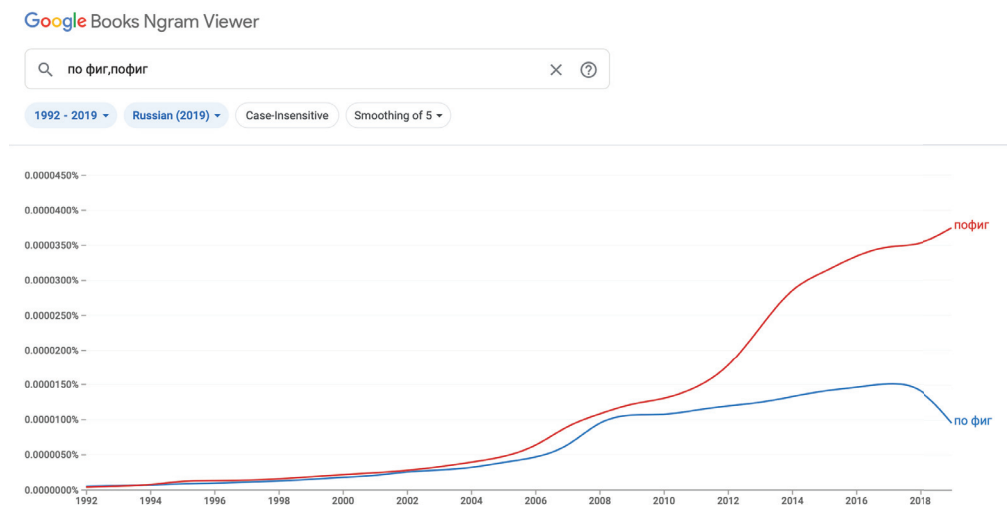

Рис. 2. Распределение по годам орфографических вариантов *по фиг* и *пофиг*

На рис. 2 видно, что при появлении данной единицы фиксируется приблизительно одинаковое число слитных и раздельных написаний, в настоящий же момент значительно превалирует слитное написание, т. е. компоненты конструкции «срослись».

Очевидно, что некоторые единицы потеряли композициональность (**демотивация**): *по завязку, по гроб (жизни), по душам, по матушке, по первое число, по писанному, по полной обойме, по себе, по уши; не по носу, (не) по зубам, (не) по плечу* и др. Семантические изменения рассматриваемых единиц по отношению к производящим словам обычно представляют собой **метафоризацию** или **метонимизацию**, ср.: *по карману, по горло, по душам, по полной программе, по преимуществу, (не) по зубам* и др.

При этом лексикализованные единицы не демонстрируют особенностей, характерных только для грамматикализации [Brinton, Traugott 2005]: декатегоризации (decategorialization), семантического выцветания (bleaching), субъективизации (subjectification), продуктивности (productivity), частотности (frequency), типологической общности (typological generality), см. п. 2.4. Повторим, что полная оценка степени лексикализации должна проводиться отдельно для каждой конкретной единицы, однако это не входит в задачи данного исследования.

1.4. Полифункциональность

Как показано в [Ramat, Ricca 1994], наречия составляют множество, которое имеет пересечения как с большими классами (major class) (существительными, глаголами, прилагательными), так и с меньшими классами (minor class), особенно предлогами и союзами. Действительно, **наречия** в русском языке системно пересекаются с **предлогами** [Панков 2009; Урысон 2017; Панков, Патаракина 2020; Виноградова 2021]: в одних контекстах единица выполняет функцию наречия, а в других — предлога. В нашем корпусе обнаружены следующие полифункциональные наречия-предлоги: *по диагонали, по итогам, по образцу, по всем правилам, по праву, по пятам, по случаю, по соседству, по уполномочию*. Для подобных единиц характерно сильное расхождение в значении (ср. примеры 12–15), что дает основания полагать, что мы имеем дело не с разными стадиями одного процесса,

а с разными процессами: лексикализацией в случае онаречивания и грамматикализацией в случае опредложивания конструкции.

- (12) *Такое праздничное представление они устроили для жителей Вены **по случаю** своей победы* [НКРЯ. А. Рыбаков. 1975–1977];
- (13) ***По случаю** купил полмешка и день за днем — яблоко по яблоку — выбирал свои полмешка* [НКРЯ. Ю. Коваль. 1980–1993] = ‘случайно’;
- (14) *Родиться князем не мудрено, и можно **по праву** породы называться сиятельством, не сияя почтенными качествами, как-то: ревностно быть полезным отечеству* [НКРЯ. Д. Фонвизин. 1790–1792];
- (15) *В этот день Ахуан-Скап мог **по праву** гордиться тем, что на него обращены глаза всего мира* [НКРЯ. А. Грин. 1923]. = ‘обоснованно’.

Подобную тенденцию к расхождению в значении демонстрируют и соотносительные единицы (составной предлог отличается от наречия наличием первообразного предлога в постпозиции), ср., соответственно, предлоги и наречия: *по бокам от — по бокам; по соседству с — по соседству; по пути (в/к/на/от) — по пути*.

Кроме того, отметим, что функционально-грамматическое поле **наречий** также системно пересекается с полем **вводных слов** (*по большей части, по большому счету, по словице, по правде, по слухам, по сути, по сути дела*), ср. примеры 16–17.

- (16) *Пораженческая **по сути** дела теория Троцкого о Клемансо, поддержанная всей оппозицией, достаточно ярко говорит нам об этом* [НКРЯ. И. Сталин. 1927];
- (17) *Понять ее можно — ведь я была, **по сути** дела, ее первой ученицей, которая вышла на сцену крупных театров* [НКРЯ. И. Архипова. 1996].

Наконец, достаточно значительной является зона пересечения **наречий** и **предикативов**, см. подробнее п. 1.2.2.

Предикативы также могут выступать в качестве **дискурсивных формул**: *по фигу (по-фигу), по фиг (пофиг), поф, по боку, по барабану* и т. п. (18–19).

- (18) *Надька делает вид, что ей всё **пофиг**, но чувствую — обижается* [НКРЯ. «Ковчег», 2013];
- (19) *— Вон же сзади мешок для мусора стоит, — укорил Валерий. — Да **пофиг**. — Здесь заповедник* [НКРЯ. А. Иванов. 2011].

Единицы, реализующие более двух функций, например, *по существу, по силе, по мне*, отдельно рассматриваются в разделе 5.

1.5. Лексикализация vs. фразеологизация (граница между лексиконом и фразеологией)

Анализ материала фразеологических словарей ставит вопрос о проведении границы между лексикой и фразеологией и, соответственно, о соотношении понятий лексикализации и фразеологизации. Фразеологизация (выделение которой более характерно для российской лингвистической традиции) понимается как «процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (т. е. таких, которые каждый раз не создаются заново, лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих) относительно устойчивых языковых комплексов» [Ройзензон 1961: 114] (цит.

по [Куклина 2006: 32–33]). Фразеологизация системно трактуется как культурно детерминированный процесс, см. [Ковалева 2004; Зыкова 2015] и др. В англо-американской традиции чаще пишут об идиоматизации (*idiomaticization*)⁶.

Во фразеологических словарях представлен материал, который в значительной степени пересекается с анализируемым. Так, в [Академический словарь 2014] и [Тезаурус русских идиом] отмечены единицы, которые маркированы в наших источниках как предикативы (*не по дороге, не по пути, не по годам, не по нутру, по фигу, (не) по сердцу*); наречия (*по горло, по гроб (жизни), по жизни, по образу и подобию, не по дням, а по часам, по запарке, по новой, по часам, по утрянке/утряночке, по случаю, по рукам, по матушке, по простоте душевной, по верхам, (не) по адресу, по ранжиру, по понятиям, (не) по чину, по уши*); вводные слова (*по крайней мере, по меньшей мере, по идее, по большому счету*); предлоги (*по стопам, по пятам, по линии, по милости*); частицы (*по ходу, по боку*). При этом целый ряд единиц из [Академический словарь 2014] и [Тезаурус русских идиом] не упоминается в изучаемых словарях и мог бы, как кажется, их значительно дополнить, ср.: *по нулям, по полной, по последнему слову (техники, науки, моды...), по старой памяти, по мановению руки / волшебной палочки, по капле, по первому разу, по (всему) белому свету, по нарастающей, по ту сторону добра и зла, по уму, не по делу, по серьёзке, по чес(т)ноку, по закону гор, по наущению, по злобе, по приборам, по наклонной плоскости, по указке* и др. Во фразеологическом словаре [Федоров] из 140 фразеологических единиц, включающих *по*⁷, 80 (57 %) отмечены в изученных нами словарях наречий и служебных слов, ср. некоторые единицы из зоны пересечения: *по адресу, по воле, по всей видимости, по долгу, по дороге, по душам, по жребью, по заслугам, по крайности, по кругу, по мелочи, по меньшей мере, по наитию, по обыкновению, по плечу, по чести, по шапке*; ср. также подобные единицы из [Жуков, Жукова 2016]: *по барабану, по горячим следам, по душе, по карману, по коням, по меньшей мере, по определению, по (полной) программе, по пьяной лавочке, по умолчанию*⁸.

Думается, подобное глубокое пересечение можно объяснить тем, что фразеологизация связана с процессом абстрагирования конструкций, в то же время это градуальный процесс, поэтому многие единицы находятся на его переходных стадиях, то есть характеризуются неполной фразеологизацией, ср. «*idiomaticity must be recognized as a graded concept, with combinations ranging from more to less idiomatic in nature*» [Brinton, Traugott 2005: 55].

Инвентаризация фразеологических конструкций, включающих *по*, не входила в задачи работы, однако, думается, что фразеологические словари и труды по фразеологии дадут интересный языковой материал, который мог бы расширить собранный корпус. На наш взгляд, в настоящий момент назрела необходимость в детальном сопоставлении результатов, полученных в работах по лексикографии и фразеологии.

По отношению к анализируемому материалу актуальным может быть рассмотрение фразеологизации как финальной стадии лексикализации или признание фразеологизации продолжением процесса лексикализации, ср.:

⁶ В ряде работ российских ученых фразеологизация также отождествляется с идиоматизацией, ср. [Смирницкий 1956; Ларин 1977].

⁷ Отметим, что мы включаем в рассмотрение только бессюзные непропозитивные предложно-падежные сочетания, т. е. в поле нашего внимания не попадают единицы типа: *всем сестрам по серьгам, гладить по головке, море по колено, по губам (усам) текло, да в рот не попало, по маслу идет (как блин по маслу), по матери и дочка пошла, по мне хоть трава не расти, по молебну и плата, по деньгам и молебен, по морю аки посуху, по платью встречают, а по уму провожают, по рылу знать, что не простых свиней, по струнке ходить, по хозяину и собаке честь* и т. д. (примеры из словаря [Михельсон]).

⁸ Отметим значительное качественное несовпадение выделяемых единиц в различных фразеологических словарях, отражающее субъективные представления их авторов о границах фразеологии.

лексикализация	→	фразеологизация
<i>по пояс</i>	→	<i>по горло</i>
<i>по цепи</i>	→	<i>по барабану</i>

Впрочем, возможно и отождествление идиоматизации с лексикализацией. Так, многие зарубежные ученые не видят смысла в выделении отдельного процесса идиоматизации, ср., например: «Lexicalization often involves semantic and pragmatic idiomatization, i.e., the semantic components lose their compositionality ⟨...⟩ The new meanings are often highly idiosyncratic, sometimes more abstract, ⟨...⟩ sometimes more specific» [Brinton, Traugott 2005: 97]. К. Леман пишет о том, что идиоматизация — это лексикализация, так как речь идет о попадании в лексикон в широком смысле [Lehmann 2002: 14], а Морено Кабреро отмечает, что идиомы — это самый яркий пример лексикализации [Moreno Cabrero 1998: 214].

2. Грамматикализация

2.1. Широкое vs. узкое понимание грамматикализации

В настоящее время существует, как известно, множество определений грамматикализации, которые значительно отличаются друг от друга, ср., например, грамматикализация как «the change whereby lexical terms and constructions come in certain linguistic contexts to serve grammatical functions, and, once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions» [Hopper, Traugott 2003: 1]. Взгляды ученых на природу грамматикализации также различны, можно выделить «узкое» и «широкое» понимания грамматикализации.

Идеологом **узкого понимания грамматикализации** является К. Леман, который выделяет три основных аспекта измерения автономности знака — вес (weight), связность (cohesion), вариабельность (variability), и, соотнося их с двумя осями — парадигматической и синтагматической, получает параметры грамматикализации. На парадигматической оси это, соответственно, размер знака в фонетическом и семантическом аспекте (integrity), степень вхождения в парадигму и зависимости от нее (paradigmaticity), возможность использования вместо знака другого или возможность его опущения (paradigmatic variability); на синтагматической — размер (extent) конструкции, в которую входит знак или которую формирует знак (structural scope), степень, в которой знак зависит от других знаков (bondedness), возможность «передвижения» внутри конструкции (syntagmatic variability) [Lehmann 2015: 131]. При таком понимании процессы грамматикализации покрывают лишь собственно грамматические категории — время, актуальность, число, определенность / неопределенность (эволюцию артиклей) и т. д.

В то же время Э. Траугот как сторонник более **широкого понимания грамматикализации** возражает К. Леману, указывая, что его критерии чересчур ограничивают единицы, попадающие в сферу действия грамматикализации, и пишет: «They should not be used as gatekeepers to exclude from grammaticalization morphosyntactic developments that are similar in other respects to case and temporal markers» [Traugott 2003a: 630]. При подобном взгляде грамматикализация видится как более широкий процесс, включающий и более ранние стадии языковых изменений. Кроме того, в этот процесс входит и движение к субъективным смыслам: «...a gradient phenomenon, whereby forms and constructions that at first express primarily concrete, lexical, and objective meanings come through repeated use in local syntactic contexts to serve increasingly abstract, pragmatic, interpersonal and speaker-based functions» [Traugott 1995: 32].

Различие между этими пониманиями грамматикализации отражает различный взгляд на грамматику. В концепции Э. Траугот в последнюю включается и грамматика дискурса. Таким образом, обе модели рассматривают появление у некоей конструкции новой функции, обе модели постулируют однонаправленность изменений, однако финальная точка грамматикализации в представлении К. Лемана не может лежать в области лексикона, дискурса и прагматики.

2.2. Грамматикализация vs. лексикализация (граница между лексиконом и грамматикой)

Предлоги и союзы являются (наряду с фразовыми глаголами и дискурсивными маркерами) едва ли не основным камнем преткновения для ученых, изучающих процессы грамматикализации и лексикализации: «...since they result in frozen, if complex forms, they would seem to constitute prima facie examples of lexicalization. However, since they also involve items that are “grammatical” (closed class, functional), they may at the same time seem to be examples of grammaticalization» [Brinton, Traugott 2005: 64]. В данных случаях ярко проявляется различие между узким и широким пониманием грамматикализации. К. Леман относит появление составных предлогов⁹ к лексикализации, а затем — в редких случаях — они могут подвергнуться дальнейшей грамматикализации, «the appurtenance of any linguistic unit to a word class — preposition in the case at hand — implies first and foremost its appurtenance to the inventory, i.e. to the lexicon... Once such new lexical items have been created, they can undergo grammaticalization» [Lehmann 2002: 9]. Как лексикализованные единицы составные предлоги рассматриваются также в [Huddleston 1988], ср. подобный подход Г. А. Золотовой [2022]; в [Huddleston, Pullum 2002] это идиомы с разной степенью окаменения (fossilization); наиболее жесткая критика отнесения составных предлогов к грамматике представлена в [Seppänen et al. 1994].

Наоборот, Э. Траугот считает составные предлоги совершенно бесспорным примером грамматикализации [Traugott 2003a: 636]. С. Хофман также приводит убедительные, основанные на анализе корпусных данных доказательства в пользу грамматического статуса составных предлогов и грамматикализации как процесса их эволюции (наряду со случаями аналогии) [Hoffmann 2007]. Некоторые ученые уходят от однозначного ответа на вопрос, какой из процессов имеет место, см. [Ramat 1992; Quirk et al. 1985].

2.3. Грамматикализованные единицы

При широком подходе к грамматикализации в ее рамках можно рассматривать появление предлогов и союзов, при этом особенно важно учитывать градуальность как одну из основных характеристик грамматикализации.

2.3.1. Предлоги и их эквиваленты. Предложные единицы, включающие *по*, условно (ввиду полисемии многих из них) можно разделить на семантические группы, выражающие:

- локативные отношения: *вверх по*, *вдоль по*, *вниз по*, *по бокам (от)*, *по направлению (к/от)*, *по пути (в/к/на)*, *по соседству с*;

⁹ Отметим, что в упоминаемых зарубежных работах речь идет о complex prepositions, которые в русистике могут быть представлены как составными предлогами с одним первообразным, иногда называемыми сложными (*в отношении*), так и составными предлогами с двумя первообразными (*по отношению к*).

- временные отношения: *по истечении, по миновании, по окончании, по прошествии, начиная с ... по;*
- причинные отношения: *глядя по, по вине, по воле, по долгу, по милости, по неимению, по основанию, по поводу, по причине, по согласованию, по соображениям, судя по;*
- квалификативные отношения: *по аналогии (с), по канве, по линии, по мере, по образу, по образцу, по примеру, по принципу, по следам, по стопам;*
- реляционные отношения: *по адресу, по отношению к, по сравнению с(о), по условиям, по части, смотря по;*
- делиберативные отношения: *по вопросам (о), по вопросу (о).*

Отметим, что некоторые конструкции, включающие компонент *по*, уже прошли процесс грамматикализации и превратились в служебные слова, ср. предлоги: *поблизости от, поверх, подле, позади, помимо, поперек, посередине, после, посредством*. В то же время можно выделить целый ряд единиц, которые лишь начинают процесс грамматикализации (материал из [Всеволодова и др. 2013; 2018; Виноградова, Клобукова 2022]): *по ассоциации с, по дороге в/на/к, по имени, по кличке, по контрасту, по левую/правую руку/сторону (от), по месту, по методу, по названию, по обе стороны (от), по обеим сторонам (от), по опыту, по оси, по подобию, по почину, по приказу, по причинам, по проблеме, по проблемам, по программе, по прозвищу, по совокупности, по стезе, по территории, по другую/ту/эту сторону (от), по фамилии* и некоторые другие. Для определения степени грамматикализации предложных единиц выявлен целый ряд тестов, см. [Quirk et al. 1985: 671–672; Еськова 1996; Yadroff, Franks 2001; Всеволодова 2011; Виноградова 2016], однако даже их совокупность не дает (и не может дать) однозначного ответа о степени определенности множества конкретных единиц, которые находятся на переходных стадиях процесса грамматикализации, представляющего собой «эволюционный континуум» [Плунгян 2011: 61], ср. также понятие *gradualness*.

Продemonстрируем применение некоторых тестов для «кандидатов в предлоги» на примере индикаторов синтаксической связанности /свободы составных предложных единиц, изложенных в [Quirk et al. 1985: 671–672]:

- невозможность изменить предлог в постпозиции: *по отношению к*, но не **по отношению с;*
- невозможность изменить предлог в препозиции: *по линии* — **на линии, по поводу* — **на поводе;*
- невозможность изменить форму числа предлогообразующего существительного: *по мере* — **по мерам, по отношению к* — **по отношениям к;*
- невозможность выражения актанта притяжательным местоимением: *по мере развития* — **по его мере, по части женского пола* — **по его части;*
- невозможность выражения актанта указательным местоимением: *по сравнению с* — **по этому сравнению, по вине* — **по этой вине;*
- невозможность опущения актанта: *по вине, по причине, по стопам;*
- невозможность замены существительного близким по значению: *по сравнению с* — **по сопоставлению с, по линии* — **по черте;*
- невозможность вставки прилагательного-модификатора: *по отношению к* — **по доброму отношению к, по сравнению с* — **по странному сравнению с;*
- наличие однословного предлога-синонима: *после* для *по истечении, по миновании, по окончании, по прошествии*.

Отметим, что конкретных предложных единиц, которые соответствуют всем указанным индикаторам, практически не встречается. Это обусловлено самим развитием языка, постепенной эволюцией каждой конструкции и отражает невозможность проведения четкой границы между предлогами и не-предлогами.

Кроме того, как показано в разделе 1.4, целый ряд предлогов системно выполняет функции наречий. Полифункциональность может также проявляться в наличии функций предлога и частицы (*по типу*, см. раздел 3.3.1).

2.3.2. Союзы и их эквиваленты. Практически любой предлог потенциально способен стать союзом, например, *по мере — по мере того как, судя по — судя по тому что*, см. [Конюшкевич 2013; Всеволодова и др. 2013], однако в реальном употреблении многие указанные выше предложные средства не отличаются частотностью, что не позволяет им (пока?) развиваться по шкале грамматикализации «пропозициональное — текстовое — субъективное» [Traugott 1990: 499–501] (цит. по [Майсак 2005]). В нашем корпусе представлено 11 союзных средств: *по случаю того что, по той причине что, по той простой причине что, по тому поводу что, по тому случаю что, по мере того как, по мере того что, по поводу того что, по причине того что, судя по тому что, судя по тому как*. Целый ряд союзных средств уже прошел грамматикализацию, подобные сочетания с *по* пишутся слитно, что отражает их целостность в языковом сознании носителей русского языка: *поелику, покамест (не), пока (не), поколе, помимо того что, понеже, поскольку..., постольку, поскольку (...то / так), потому и, потому как, почему и, потому что, (и) поэтому, (и) потому* и т. п.

2.4. Параметры грамматикализации

Очевидно, что предлоги и союзы не удовлетворяют большинству критериев грамматикализации К. Лемана и потому в большинстве своем не относятся к грамматикализации в ее узком понимании. Поэтому для нас релевантнее критерии, предлагаемые сторонниками широкого взгляда на этот процесс. Отметим, что в лингвистической литературе сформулировано несколько наборов параметров, характерных для грамматикализации, чаще всего они пересекаются. При этом для конкретных единиц крайне редко в полной мере реализуются все критерии.

Как показано в работе [Brinton, Traugott 2005: 105–109], целый ряд параметров свойствен как лексикализации, так и грамматикализации (см. раздел 1.3.): градуальность (gradualness), односторонненность (unidirectionality), слияние (fusion); сращение (coalescence); демотивация (demotivation); метафоризация и метонимизация (metaphorization and metonymization). Однако выявлены и параметры, присущие исключительно грамматикализации:

- декатегоризация (decategorialization) — потеря или нейтрализация морфологических характеристик единицы;
- выцветание значения (bleaching) — в противоположность появлению более конкретного значения при лексикализации;
- субъектификация (subjectification) — появление значений, отражающих позицию говорящего;
- продуктивность (productivity) — рост числа употреблений конструкции (type frequency);
- частотность (frequency) — большая частотность конструкции, чем ее «источника» (token frequency);
- типологические обобщения (typological generality) — повторяемость в разных языках.

Безусловно, применение данных параметров и «тестирование» предлогов и союзов на степень грамматикализации должно производиться индивидуально по отношению к каждой конкретной единице. Мы продемонстрируем лишь некоторые примеры такого анализа.

Сравнение частоты употреблений (ipm) биграммы *по прошествии* (5,01 ipm) с частотой употреблений форм других падежей существительного — *прошествием* 0,04 ipm, *прошества* 0,02 ipm, *прошествию* 0,02 ipm, *прошествие* 0,01 ipm — может быть свидетельством **декатегоризации**, фактически данная лексема теряет остальные морфологические формы (об актуальных тестах на связанность коллокатов см. [Копотев, Стеклова 2017]).

Значительное **выцветание** значения характерно для целого ряда единиц: *вдоль по*, *по поводу*, *по канве*, *по мере*, *по адресу*, *по части*, *по вопросу / по вопросам*; *по тому по поводу что*, *по мере того как*, *по мере того что*, *по поводу того что* и т. п. Отметим, что при лексикализации значение не выцветает, а становится более конкретным, ср.: *Похоже, спутников для него подобрали по случаю, без должной подготовки к опасному заданию* [НКРЯ. В. Быков. 2001].

Что касается **субъективизации**, наш материал в области предлогов и союзов не дает ярких примеров, этот критерий, как кажется, лучше работает в области прагматизированных единиц.

Изучение статистических данных показывает, что среди двухсловных сочетаний (биграмм) с предлогом *по* крайне **продуктивными** являются производные предлоги, ср. табл. 1 и рис. 3.

Таблица 1

Топ-10 биграмм с предлогом *по* (по данным НКРЯ)

№	Документы	Вхождения	ipm	Фрагмент
1	9130	32 121	85,67	<i>по крайней</i>
2	8511	27 845	74,26	<i>по поводу</i>
3	5476	17 827	47,55	<i>по дороге</i>
4	5887	16 736	44,64	<i>по отношению</i>
5	6919	15 622	41,66	<i>по словам</i>
6	5175	14 122	37,66	<i>по телефону</i>
7	6405	13 748	36,67	<i>по мнению</i>
8	5756	12 337	32,91	<i>по сравнению</i>
9	4978	12 085	32,23	<i>по мере</i>
10	3830	10 980	29,29	<i>по существу</i>

Как видно из табл. 1, среди наиболее часто встречающихся конструкций с *по* несколько предлогов: *по поводу*, *по отношению (к)*, *по сравнению (с)*, *по мере*. Относительно конструкций *по крайней мере*, *по словам*, *по мнению*, *по существу* см. раздел 3. Несколько другие данные (в т. ч. из-за выбора временного отрезка) продемонстрированы на рис. 3.

Как видно из рис. 3, очень употребительными в период 1950–2019 гг. были предлоги *по отношению (к)*, *по поводу*, *по сравнению (с)*, *по мере*, *по вопросам*. Отметим, что данные НКРЯ и Google Books Ngram Viewer совпадают только относительно «лидера» *по крайней (мере)* и четырех предлогов *по поводу*, *по отношению (к)*, *по сравнению (с)*, *по мере*.

Примером **частотности** конструкции может служить функционирование предлога *по поводу* и его союзного эквивалента. Прежде всего, количество употреблений существительного *повод* в форме д. п. ед. ч. по данным НКРЯ значительно превосходит остальные формы (*поводу* — 107,71 ipm, *повод* — 19,43 ipm, *поводам* — 7,61 ipm, *повода* — 7,50 ipm, *поводов* — 3,13 ipm, *поводы* — 1,77 ipm, *поводам* — 1,40 ipm). Данные Google Books Ngram

Viewer показывают преобладающее употребление формы д. п. ед. ч. существительного *повод* по сравнению с другими формами, рис. 4.

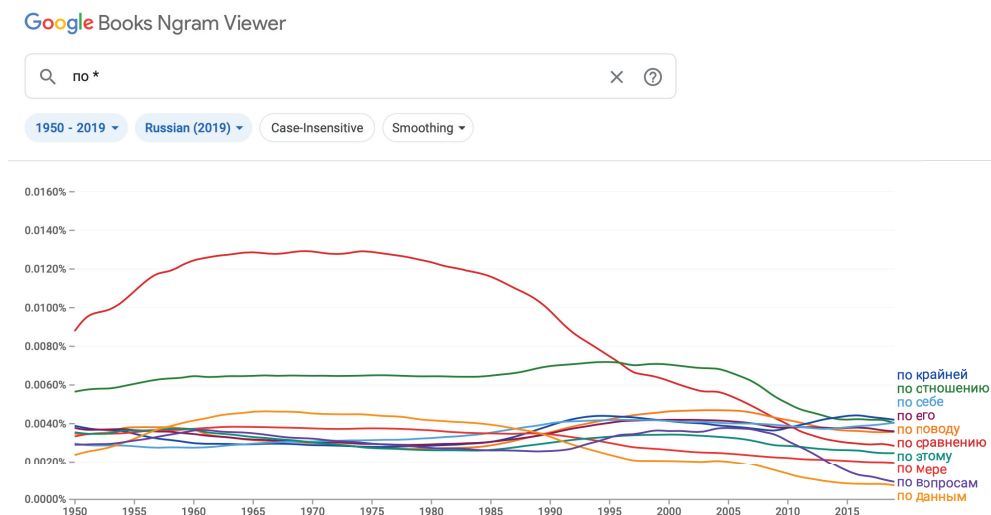

Рис. 3. Топ-10 биграмм с предлогом *по* (по данным Google Books Ngram Viewer)

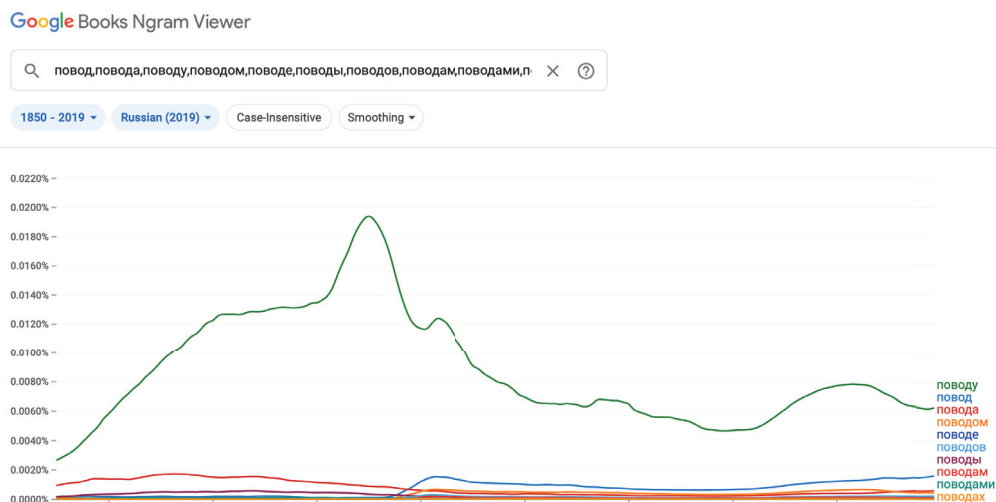

Рис. 4. Употребление форм существительного *повод*

Как видно из рис. 4, форма д. п. ед. ч. (*поводу*) значительно превосходит другие употребления, при этом интересно проверить, в какие конструкции входит эта форма (рис. 5).

Google Books Ngram Viewer

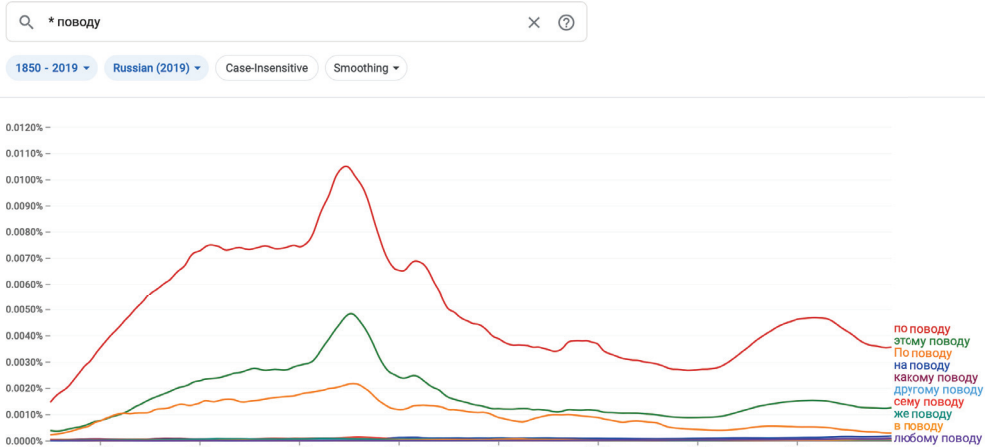

Рис. 5. Топ-10 биграмм с формой д. п. ед. ч. существительного *повод* в постпозиции

Как видно из рис. 5, употребление предлога *по поводу* (и его союзного эквивалента) превосходит «ближайшего конкурента» — конструкцию *по этому поводу*, которая является одним из вариантов той же исходной конструкции; на третьем месте по частотности — предлог *по поводу* в начале предложения, остальные употребления значительно менее частотны.

Несколько затруднительным представляется делать выводы относительно **типологической** распространенности изучаемых конструкций (в т. ч. и ввиду «обесцвеченности» значения предлога *по*), однако можно отметить, что цепочки грамматикализации типа *бок* > *по бокам*, *середина* > *посередине*, *зад* > *позади*, *след* > *по следам* отмечаются среди типичных путей грамматикализации во Всемирном лексиконе грамматикализации [Heine, Kuteva 2002].

3. Прагматикализация

3.1. Прагматикализация vs. грамматикализация (граница между прагматикой и грамматикой)

Прагматикализация является сравнительно молодым термином в лингвистических исследованиях, однако и ему не удалось избежать разночтений, характерных для остальных «-изаций».

Судя по всему, понятие прагматикализации впервые появилось в работе [Erman, Kotsinas 1993: 79] при обсуждении двух путей изменения лексических единиц в служебные слова: «...one of them resulting in the creation of grammatical markers, functioning mainly sentence internally, the other resulting in discourse markers mainly serving as text structuring devices at different levels of discourse. We reserve the term *grammaticalization* for the first of these two paths, while we propose the term *pragmaticalization* for the second one».

Самое общее представление о прагматикализации отражено в определении Б. Франк-Джоб: «...the process by which a syntagma or word form, in a given context, changes its propositional meaning in favor of an essentially metacommunicative, discourse interactional meaning» [Frank-Job 2006: 361], ср. также модификацию этого определения в [Claridge, Arnovick

2010: 187]: «Pragmaticalisation is the process by which a lexico-grammatical sequence or word form, in a given context, loses its propositional meaning in favour of an essentially metacommunicative, discourse interactional meaning and/or (an already pragmatic element) continues to develop further pragmatic functions or forms». Прагматикализация как отдельный процесс выделяется и в [Aijmer 1997: 2], где предлагается провести четкую линию между грамматикализацией и прагматикализацией, так как прагматикализованные единицы включают «speaker's attitude to the hearer». Действительно, дискурсивные и прагматические маркеры не демонстрируют необходимых «классических» параметров грамматикализации К. Лемана, ср.: «This type of change which leads to discourse and pragmatic markers, to elements which organize, structure, and contextualize discourse with respect to discourse-pragmatic concerns and not with respect to sentence-grammatical concerns (e.g. congruence, binding), contradicts classical grammaticalization (Lehmann 1982/1995, 1991)» [Günthner, Mutz 2004: 99], а также: «If, with Lehmann (1985, 1995 [1982]), we interpret grammaticalization as a process of loss of autonomy, especially the reduction in form, scope, etc. identified with the development of morphology, then the emergence of discourse markers necessarily cannot be an instance of grammaticalization» [Traugott 2007: 152].

Таким образом, при узком понимании грамматикализации (и грамматики) появление дискурсивных и прагматических единиц релевантно рассматривать в рамках отдельного процесса прагматикализации.

Однако при более общем подходе к грамматике, включающем в последнюю грамматику дискурса и речи и связанном с широким пониманием грамматикализации, выделение прагматикализации как отдельного процесса более проблематично. В этой лингвистической парадигме некоторые ученые считают прагматикализацию подтипом грамматикализации, ср. два подтипа грамматикализации в [Wischer 2000: 355]: 1) «grammaticalization on the propositional level» и 2) «grammaticalization on the text or discourse level»; или в [Brinton 2010: 64]: «Pragmaticalization, it seems to me, is just a subspecies of grammaticalization, not a distinct process»; а также [Barth, Couper-Kuhlen 2002; Diewald 2011: 365]. При более же радикальном взгляде приверженцев широкого понимания грамматикализации понятие прагматикализации оказывается несущественным, ср. описания развития дискурсивных маркеров различного типа в рамках процесса грамматикализации ([Traugott 1995; Onodera 1995; Brinton 1996] и мн. др.).

Итак, выделение прагматикализации как отдельного процесса характерно для узкого понимания грамматикализации, при этом могут возникать сложности в проведении четкой границы между грамматикой и прагматикой; широкий же взгляд на грамматику позволяет считать прагматикализацию разновидностью грамматикализации (подробнее о разных подходах к соотношению данных понятий см. [Degand, Evers-Vermeul 2015]; о кластерном подходе к «-изациям» (-izations), классифицирующем процессы языковых изменений на основе различных комбинаций основных механизмов (main mechanisms), простых изменений (primitive changes) и побочных эффектов (side effects), см. [Norde, Beijering 2014]).

3.2. Субъектификация

Важнейшим процессом, сопровождающим развитие дискурсивных маркеров, является **субъектификация (subjectification)**: «Subjectification in grammaticalization is the development of a grammatically identifiable expression of speaker belief or speaker attitude to what is said» [Traugott 2003a: 633–634], при этом субъектификация понимается как отдельный процесс, в котором у лексем развиваются значения «that encode or externalize their [speakers'/writers'] perspectives and attitudes as constrained by the communicative world of the speech event, rather than by the so called “real world” characteristics of the event or situation referred» [Traugott, Dasher 2002: 30]. Э. Траугот пишет: «If the meaning of a lexical item or construction

is grounded in the sociophysical world of reference, it is likely that over time speakers will develop polysemies that are grounded in the speaker's world of reference, whether reasoning, belief, or metatextual attitude to the discourse» [Traugott 1997: 2]. Впрочем, субъектификация не ограничивается грамматикализацией, она может проследиваться и в других языковых процессах.

К. Кларидж и Л. Арновик, выступая за разделение грамматикализации и прагматикализации и придерживаясь традиционного «узкого» понимания грамматики, также пишут об особой важности субъектификации при появлении единиц с прагматическими функциями: «Subjectification as well as pragmatic strengthening may be seen as stages within grammaticalisation, but as major and lasting points in pragmaticalisation» [Claridge, Arnovick 2010: 186].

3.3. Прагматикализованные конструкции

Не претендуя на решение вопроса о том, каково соотношение понятий грамматикализации и прагматикализации, представим выделенные в нашем материале единицы, которые демонстрируют метатекстовые и прагматические функции. На основе анализа языкового материала были выделены три типа конструкций: (1) частицы, (2) дискурсивные формулы, (3) вводные слова. Мы располагаем их описанием от наиболее прагматикализованных единиц к менее прагматикализованным, ср. шкалу грамматикализации данного типа, предложенную Э. Траугот: Clause-internal Adverbial > Sentence Adverbial > Discourse Particle [Traugott 1995].

3.3.1. Частицы. Конструкции *по ходу* и *по туну*¹⁰, употребляющиеся в качестве частиц (20–21), могут быть охарактеризованы как прагматемы [Богданова-Бегларян 2014]. Очевидно, что источником прагматикализации данных единиц являются соответствующие предлоги, предварительно прошедшие процесс грамматикализации.

- (20) [№ 2, жен, преподаватель] *Ты в пятницу во сколько уезжаешь? А то бабушка все спрашивала/ во сколько ты уезжаешь... Утром? Вечером?* [№ 1, жен, студент] *ХЗ... по ходу... подожди в четыре с чем-то... меня/ как раз Оля проводит и дурацкий поезд... он с Витебского уезжает/ а не с Московского...* [Из коллекции НКРЯ. 2006];
- (21) [Рита, жен, 20, студент] *Он сегодня тоже звонил/ я ему ответила как бы... Тоже сегодня такой... А у меня уже мысли всякие/ мало ли что/ по туну/ случилось!* [Из коллекции НКРЯ. 2006].

В [Kolyaseva, Davidse 2018] показано, что *по туну* в качестве частицы может употребляться в качестве маркера хеджирования (hedge marker), маркера чужой речи (quotative marker), авторы видят в эволюции данной единицы процесс грамматикализации; в более поздней работе [Kolyaseva 2022] для подобных употреблений используется термин «прагматикализация». Отметим, что, хотя в словарях данные единицы трактуются как частицы, можно также считать, что они входят и в надчастеречную группировку дискурсивных маркеров, ср. также употребляющийся по отношению к сходным единицам термин «модальные частицы» (modal particles) [Traugott 2007].

3.3.2. Дискурсивные формулы. Вслед за [Рахилина и др. 2021] мы относим к прагматикализованным единицам дискурсивные формулы, выражающие безразличие: *по барабану*, *по фиг*, *по фигу*, *по боку* и т. п.; а также пишущиеся слитно *побоку*, *пох*, *поф* и т. п. (22–27). Подчеркнем, что данные единицы имеют некоторые отличия от «канонических» дискурсивных формул [Бычкова и др. 2019: 258]: это не обязательно реплики-реакции, кроме того, в них может быть переменная часть, они могут быть однословными (*поф*).

¹⁰ О переходном статусе конструкции *по факту* см. ниже.

Эти конструкции также системно выполняют функции предикативов, однако полифункциональность является характерной чертой рассматриваемых единиц. Факты самостоятельного, изолированного употребления подобных конструкций позволяют выделить у них отдельную функцию — дискурсивных формул. В данном случае можно говорить о пересечении полей предикативов и дискурсивных формул и/или о прагматикализации предикатива, т. е. о развитии прагматического значения у предикатива (и, следовательно, прагматикализация может быть продолжением как грамматикализации, так и лексикализации).

- (22) [№ 0] *А у вас какой канал предпочтительней?*
[№ 4, муж, 39, инженер] *Да/ по-моему/ они одинаковые/ по барабану* [НКРЯ. Фонд «Общественное мнение». 2004];
- (23) [Пассажир 2, муж, 65, пенсионер] *Молодой человек/ вас весь автобус слышит!*
[Пассажир 1, муж, 21] *А по фигу! Да это я не тебе. Ты чем щас занимаешься?*
[Из коллекции НКРЯ. 2006];
- (24) — *Слушай, давай провокацию учиним. Гранату бросим, например.*
— *Далеко.*
— *А по фиг. Лишь бы рвануло* [НКРЯ. О. Дивов. 1998];
- (25) [Феликс (А. Ширвиндт), муж, 34, 1934] *Берется он за одну работу? Она у него не выходит. Он за вторую/ по боку. Третья/ туда же* [НКРЯ. Еще раз про любовь, к/ф. 1968];
- (26) [Даша, жен, 26, врач] *Короче в первый же вечер ты моя. И все. Всех нах и побоку*
[Из коллекции НКРЯ. 2006];
- (27) *да поф... всё всё равно пойдут попробовать))) а там есть что посмотреть))* (интернет).

3.3.3. Вводные слова. Вводные слова составляют большую часть дискурсивных маркеров, которые являются одной из наиболее обсуждаемых тем зарубежной лингвистики. Некоторые авторы склонны видеть в их образовании процесс грамматикализации [Günthner, Mutz 2004; Van Bogaert 2011; Diewald 2011], другие — прагматикализации [Aijmer 1997; Frank-Job 2006; Norde 2009: 21–23]. Б. Хайне и его коллеги в целом сомневаются в релевантности понятий «грамматикализация» и «прагматикализация» для объяснения процесса появления дискурсивных маркеров [Heine 2013; Heine et al. 2021], используя по отношению к их эволюции термин «кооптация» (cooptation) и отмечая в качестве его отличия от грамматикализации спонтанность возникновения дискурсивных единиц: «Grammaticalization is a gradual process that may take centuries to be accomplished. Cooptation, by contrast, is spontaneous rather than gradual, it can take place any time and in any situation» [Heine 2013: 1222].

Мы отнесли вводные слова к прагматическим единицам ввиду того, что они не только обеспечивают связность текста, но и «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он их оценивает с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. п.» [Баранов и др. 1993: 7], ср. также: «The main function of DMs (discourse markers. — E. B.) is to relate an utterance to the situation of discourse, more specifically to speaker–hearer interaction, speaker attitudes, and/or the organization of texts» [Heine 2013: 1211].

Вводные слова демонстрируют значительную гетерогенность, поэтому представляется целесообразным разделить их на группы. Собранный материал позволяет дифференцировать вводные слова по признаку наличия / отсутствия распространителей, которые могут быть (1) факультативными и (2) обязательными, см. схему. Вводные слова, не имеющие валентностей на распространитель, могут быть противопоставлены на основании выражаемых ими значений и прагматических функций.

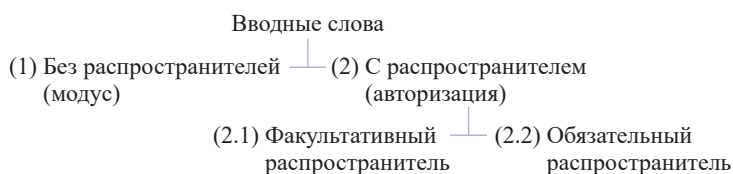

Схема. Категоризация вводных слов на материале конструкций с *по*

1. Среди вводных слов, не имеющих валентности на распространитель, с семантической точки зрения по [РГ 1980, II: 230] выделяются (а) слова и сочетания, которые служат для «оценки сообщаемого с точки зрения достоверности» (эпистемическая модальность); (б) слова и словосочетания, характеризующие сообщаемое «со стороны меры, степени или ограниченности»; (в) слова и сочетания, в которых «общее эмоциональное отношение к сообщаемому выступает как недифференцированное, неопределенное».

(а) В нашем материале обнаружены следующие вводные слова, выражающие эпистемическую модальность: *по (всей) видимости*, *по всей вероятности*, *по всем приметам*, *по всему видно*, *судя по всему*. В данном классе более прагматизированной единицей является *по-видимому*, так как она значительно частотнее остальных единиц (см. табл. 2).

Таблица 2

Частотность вводных слов, выражающих эпистемическую модальность

Вводное слово	<i>по-видимому</i>	<i>судя по всему</i>	<i>по всей вероятности</i>	<i>по (всей) видимости</i>	<i>по всем приметам</i>
Число вхождений в НКРЯ	25 403	3612	3029	1867 ¹¹	92

Кроме того, конструкция *по-видимому* претерпела изменения во времени в плане орфографии, демонстрируя тенденцию к изменению раздельного написания на дефисное, которую можно считать признаком фонетических изменений (сращения), см. рис. 6.

(б) К вводным сочетаниям, характеризующим сообщение со стороны меры, степени и ограниченности, относятся *по большей части*, *по крайней мере*, *по меньшей мере*.

(в) Целый ряд вводных слов выражает различные типы отношения говорящего к высказыванию, отношений между говорящим и слушающим и отношений внутри дискурса: *по большому счету*, *по правде (говоря / сказать)*, *по совести говоря*, *по сути (дела)*, *по существу (говоря)*, *по чести сказать*.

Представляется, что в настоящее время в данной функции активно начинает употребляться конструкция *по факту*, которая все чаще относится ко всему предложению в целом (28–29), ср. также «взрывной» рост изолированного употребления конструкции *по факту* в последние десятилетия (рис. 7). Возможно, что *по факту* продолжает прагматизацию и переходит из вводных слов в частицы (30–32).

(28) *По факту* я не делаю ничего противозаконного — пришел, повесил картинку на афишный стенд, ушел [НКРЯ. Афиша Daily. 2018] = ‘по сути, на самом деле’;

(29) *По факту* России предлагалось отказаться от высококачественного немецкого импорта, а также покинуть главный рынок сбыта нашей сельхозпродукции [НКРЯ. «Огонек». 2016] = ‘по сути, на самом деле’;

¹¹ В табл. 2 представлена сумма вхождений конструкций *по всей видимости* — 1571 пример и *по видимости* — 296 примеров.

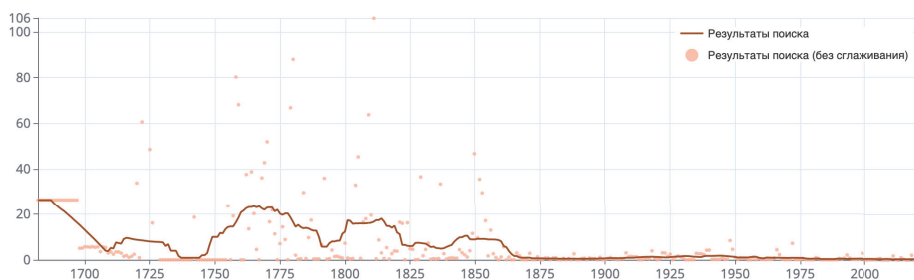
Запрос [Вернуться к поиску](#) • 302 документа • 639 примеров по
 видимый, dat & (m | n), на расстоянии от 1 д...

Конкорданс KWIC [График по годам](#) Статистика 2-граммы 3-граммы 4-граммы 5-граммы

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1682 по 2021 ?

Годы с по со сглаживанием [Построить](#)

Запрос [Вернуться к поиску](#) • 8 423 документа • 28 932 примера по-видимому

Конкорданс KWIC [График по годам](#) Статистика 1-граммы 2-граммы 3-граммы 4-граммы 5-граммы

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1698 по 2021 ?

Годы с по со сглаживанием [Построить](#)

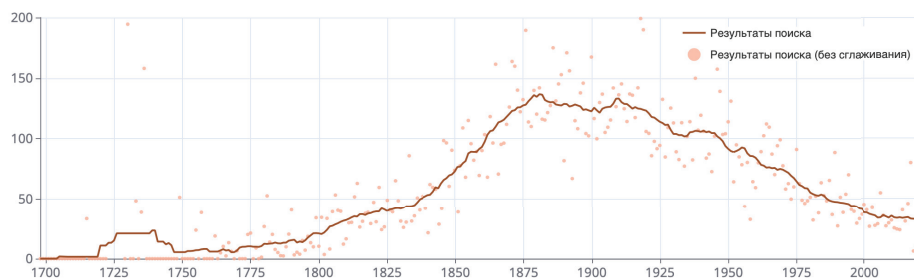

Рис. 6. Распределение раздельного (вверху) и дефисного (внизу) вариантов *по-видимому*

- (30) [Б. Долгин, муж, 39, 1971, культуролог] *Нет-нет/ я не об истоках/ я о том/ что по факту* — это очень серьезное предприятие;
 [А. Зализняк, муж, 75, 1935, лингвист] *По факту да. По факту/ безусловно/ да. В телевидении он производил впечатление человека/ одержимого своей идеей на сто процентов* [НКРЯ. А. Зализняк. Лекции Полит.ру. 2010];
- (31) [А. Чулок, муж, кандидат экономических наук] *И действительно/ если мы проанализируем отчеты многих консалтинговых компаний/ то/ о чем говорят ведущие ученые/ по факту/ это об одном и том же/ это чипы/ это нанотехнологии/ это индустрия Четыре-ноль/ эти слова постоянно/ постоянно повторяются/ и далее/ далее/ далее* [НКРЯ. А. Чулок. Базовые предпосылки экономики будущего. 2017];

- (32) [Татьяна Николаевна, жен, преподаватель] *Что вы хотите в этой газете?*
[Сергей Владимирович, муж, психолог] *Смотрите/ Любовь Анатольевна/ смотрите/ вот действительно/ может рухнуть/ ээ здесь вот эта вот газета может рухнуть/ потому что если они/ им нравится делать газету/ вот **по факту**/ да? то то/ то они должны/ вот тогда вот/ учителя/ должны отходить* [НКРЯ. Дискуссия по педагогике. 2007].

Google Books Ngram Viewer

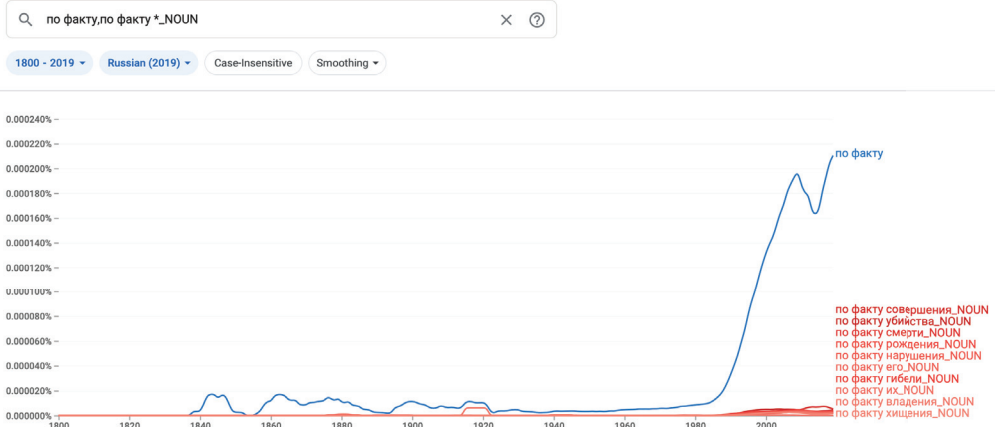

Рис. 7. Распределение актантных и изолированного употреблений конструкции *по факту*¹²

Отметим, что сходное развитие наблюдается у конструкции *по идее*: анализ материалов устной речи, проведенный в работах [Капустина 2019; Богданова-Бегларян 2021], показал, что «форма *по идее*, стоящая в постпозиции к какому-то утверждению, выступает в роли прагматического маркера из класса рефлексивов, которые выражают реакцию говорящего на собственное речевое поведение», ср.: (Татьяна, жен, 18) *А еще / в понедельник курсовую сдаем / по идее* [Богданова-Бегларян 2022: 180].

Бесспорно, категоризация вводных слов без распространителей очень условна: необходимо более детальное изучение функционирования конкретных единиц, а также поиск их интегральных и дифференциальных признаков. Тем не менее думается, что данные единицы являются гораздо более прагматизированными, чем следующий класс вводных слов, имеющих семантическую валентность на источник информации.

2. Вводные слова и сочетания могут иметь валентность на распространитель — источник сведений и выражать тем самым авторизацию. При этом для некоторых единиц распространитель факультативен, для других обязателен.

2.1. Вводные слова с факультативными распространителями (*по обычаю, по пословице, по преданию, по преданиям, по рассказам, по слухам*) имеют валентность на источник информации (33–34), которая необязательно находит выражение на синтаксическом уровне, ср. с представлением о словах-гибридах в Дальневосточной синтаксической школе [Словарь служебных слов 2001; Служебные слова 2017; Сергеева 2022].

- (33) *По преданию старых мореплавателей, это заколдованное место* [НКРЯ. В. Постников. 1997];
- (34) *По преданию, в эту ночь расцветает огненно-красный цветок папоротника — Перунов цвет* [НКРЯ. «Народное творчество». 2004].

¹² На рис. 7 в «изолированные» употребления *по факту*, безусловно, попадают и употребления с актантами, однако количественные характеристики топ-10 актантных употреблений *по факту* несопоставимо низки по сравнению с общим числом вхождений данной конструкции.

Возможно, вводное слово с распространителем представляет собой более раннюю стадию развития вводных слов: с потерей управления единица становится более прагматизированной, отрываясь от своих синтаксических связей. Это подтверждается меньшей частотностью вводных слов с распространителем по сравнению с их аналогами без зависимых слов, ср. рис. 8.

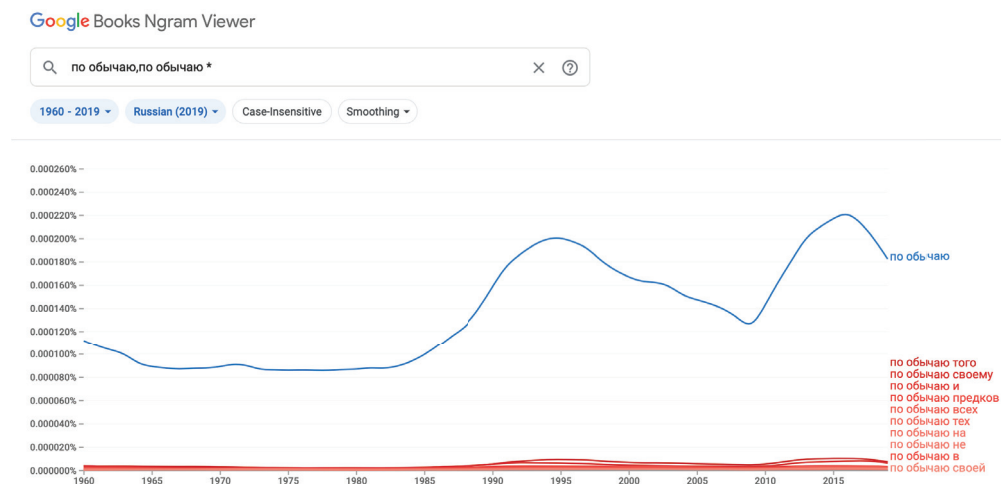

Рис. 8. Распределение употреблений вводного сочетания *по обычаю* с распространителями и без них¹³

Вероятно, более позднюю степень прагматизации демонстрируют пишущиеся через дефис *по-вашему*, *по-его*, *по-ее*, *по-их*, *по-моему*, *по-нашему*, *по-твоему*.

2.2. Вводные слова с обязательным распространителем представляют собой периферию прагматизированных конструкций и могут рассматриваться также как лексикализованные единицы, ср.: *по выражению*, *по данным*, *по заключению*, *по мнению*, *по предположениям*, *по предположению*, *по (чьим-н) расчетам*, *по сведениям*, *по свидетельству*, *по словам*, *по сообщению*.

Особенно важным разделением вводных слов с обязательными и факультативными распространителями кажется в прикладных целях, например, для практики преподавания русского языка как иностранного.

Для вводных слов частотны пересечения с полем наречий: *по большей части*, *по большому счету*, *по пословице*, *по правде*, *по слухам*, *по сути*, *по сути дела* (см. раздел 1.4.).

3.4. Параметры прагматизации

Если считать прагматизацию подтипом или частью грамматизации, то ей присущи указанные выше параметры грамматизации. Когда прагматизация выделяется в отдельный процесс, то ученые приписывают ей разные наборы параметров, которые,

¹³ На рис. 8 в употребления биграммы *по обычаю* заведомо попадают и все употребления с актантами (триграммы «по обычаю *»), однако количественные характеристики самых частотных актантных употреблений *по обычаю* ничтожно низки по сравнению с общим числом вхождений данной конструкции.

что неудивительно, часто повторяют критерии, выделяемые при широком понимании грамматикализации. Так, в работе [Claridge, Arnovick 2010] указываются:

- эволюция от референциального к дискурсивному значению (the evolution from referential to discourse-orientated and/or interpersonal meaning including semantic bleaching through pragmatic strengthening),
- устойчивость исходного лексико-грамматического значения (persistence of the original lexico-grammatical meaning),
- субъектификация (subjectification),
- интерсубъектификация (intersubjectification¹⁴).

С синтаксической точки зрения могут присутствовать:

- расширение сферы (scope extension),
- декатегоризация (decategorialization),
- синтаксическая факультативность (syntactic optionality).

Б. Франк-Джоб [Frank-Job 2006] пишет о таких наиболее общих параметрах, как:

- высокая частотность (high frequency),
- фонетическая редукция (phonetic reduction),
- синтаксическая изоляция (syntactic isolation),
- встречаемость в смежных явлениях (co-occurrence in contiguity),
- пропозициональная / синтаксическая факультативность (propositional / syntactic optionality).

Кажется довольно очевидным, что частицы и дискурсивные формулы удовлетворяют практически всем критериям Б. Франк-Джоб (хотя достаточно сложно оценить их частотность в связи с отсутствием значительных размеченных корпусов устной речи и присущей данным единицам полифункциональности; а также степень фонетической редукции для частиц), в то время как вводные слова с распространителями с трудом «подходят» под эти параметры: сложно говорить об их фонетической редукции, синтаксической изоляции; их частотность также сложно выявить из-за их полифункциональности. Вводные слова без распространителей занимают промежуточное положение.

Однако в соответствии с параметрами [Claridge, Arnovick 2010] вводные слова проявляют больше признаков прагматикализованных единиц: они характеризуются эволюцией к дискурсивному значению, устойчивостью лексико-грамматического значения, субъектификацией, расширением сферы действия, синтаксической факультативностью. Таким образом, в настоящий момент ввиду отсутствия общепринятого набора параметров прагматикализации сложно судить о процессе развития вводных слов с распространителями: принадлежат ли они к прагматикализации или лексикализации. Кроме того, подобный анализ должен проводиться по отношению к каждой конкретной единице.

4. Конструкционализация

Внимание к различным «-изациям» (-izations) в последние три десятилетия было столь пристальным, споры относительно их границ столь ожесточенными, что на фоне активного развития Грамматики конструкций появилось альтернативное, крайне широкое понятие конструкционализации (constructionalization).

¹⁴ «Intersubjectification is the semasiological process whereby meanings come over time to encode or externalize implicatures regarding SP/W's attention to the "self" of AD/R in both an epistemic and a social sense» [Traugott 2003b: 126].

Конструкционализация понимается так: «Constructionalization is the development of form_{new}-meaning_{new} pairs, i.e. constructions» [Traugott 2014: 5], ср. также: «...‘constructionalization’: a process that leads to (1) the emergence of a new grammatical pattern (construction) out of previously independent material or (2) a reorganization of an existing construction, leading to an increasingly more opaque meaning of the pattern» [Oxford Handbook 2013: 424]. Отметим, что представители Грамматики конструкций очень широко смотрят на конструкционализацию, предлагая использовать термины «grammatical» или «procedural constructionalization» для грамматических изменений, включая грамматикализацию, и «lexical» или «contentful constructionalization» для лексических изменений, включая лексикализацию [Traugott 2014]. Таким образом, термин «конструкционализация» в каком-то смысле является обобщающим и «поглощающим» по отношению ко всем описанным выше процессам, по крайней мере для изучаемого языкового материала. Поэтому для нас в данный момент его использование не представляется релевантным.

5. Полифункциональность

Важнейшей характеристикой рассматриваемых единиц является их системная полифункциональность, отмечаемая для разных классов в ([Hansen 1998; Schiffrin 2001; Панков 2009; Аггюо 2011; Богданова-Бегларян 2014; Викторова 2014; Гуревич, Жолудева 2015; Виноградова 2021] и др.). Полифункциональность обуславливает сложности как при категоризации единицы, так и при корректном представлении всех ее функций в словаре. Так, оказалось, что целый ряд конструкций, включающих *по*, способен выполнять более двух функций: *по мне; по идее, по описанию, по несчастью, по счастью, по определению; по пути, по силе; по существу*.

Случаи полифункциональности конструкций, включающих *по*:

по пути, по силе

- предлог: *Искушение пойти по пути сусанинской иронии было велико и для меня* [НКРЯ].
- наречие: — *Садись, довезу по пути до какого-нибудь магазина...* [НКРЯ].
- предикатив: *Всегда месяца два мы гастролируем в этих местах. Нам, кажется, по пути? Пойдемте* [НКРЯ].

по существу

- предлог: — *Конкретнее! — требую я. — По существу рассматриваемого эпизода!* [НКРЯ].
- наречие: *⟨...⟩ судья вряд ли бы проронила ответную слезу и стала вникать в доводы пристрастного свидетеля, а строго оборвала, потребовала говорить по существу и не разводить демагогию, ⟨...⟩* [НКРЯ].
- вводное слово с распространителем: *Раман и Кришнан, основываясь, по существу дела, на аналогии с эффектом Комптона, предположили, что при рассеянии света будет возникать также какая-то составляющая с более низкой частотой* [НКРЯ].
- вводное слово: *Дед Мороз, по существу, и становится предком-дарителем* [НКРЯ].

по идее, по описанию, по несчастью, по счастью, по определению

- наречие: *Любопытно: когда мы говорим «королевская семья», нам кажется, что это люди по определению очень богатые, как в Великобритании, например* [НКРЯ].
- вводное слово с распространителем: *По определению лингвистов, такие диалоги называются диалогами с незакрепленными репликами* [НКРЯ].

— вводное слово: *Все эти, **по определению**, «адские уголки» выглядят подводными оазисами* [НКРЯ].

по мне

— наречие: *В общем, всё это меня мало касалось, я крутил баранку в пыли и грохоте, в черепашьем движении Рязанского шоссе, унижался перед «гаишниками» (...) — это была жизнь **по мне*** [НКРЯ].

— предикатив: *Он предупредил, что это очень трудно — ломать такие стены, но я сказал: — Ничего, это **по мне**. Дитина, видимо, очень доволен* [НКРЯ].

— вводное слово: *Не знаю, **по мне**, так ее голос идеально подходит для колыбельной!* [НКРЯ].

Из приведенных примеров видно, что предлоги могут коррелировать с наречиями и предикативами, а наречия коррелируют с вводными словами.

Выводы

Предлог *по* активно участвует в формировании разнообразных конструкций, при этом ведущим фактором при определении типа конструкции становится ее синтаксическая функция. Выделение всех типов языковых функций для каждой конкретной единицы представляется важной задачей лексикографии (или, в случае попадания таких единиц в конструктикон, — Грамматики конструкций), при этом релевантно указывать (помимо существующих словарных помет) отдельно дискурсивные формулы и облигаторность / факультативность распространителей вводных слов. Яркой чертой изучаемых конструкций является их полифункциональность.

Процессы языковой эволюции понимаются учеными по-разному. При широком понимании грамматикализации в ее русле может рассматриваться появление предлогов, союзов, частиц, дискурсивных формул и вводных слов, в то же время развитие единиц последних трех классов нередко связывается с отдельной разновидностью грамматикализации — прагматикализацией. При узком понимании грамматикализации большинство предлогов и союзов представляют собой лексикализованные единицы, а частицы, дискурсивные формулы и (частично) вводные слова подвергаются прагматикализации. Наречия и предикативы относятся к продуктам лексикализации.

Термин «конструкционализация» является обобщающим к грамматикализации, лексикализации и прагматикализации в отношении рассматриваемых нами языковых единиц. При соотнесении конструкций и процессов языковых изменений возникает по крайней мере две трудности: с одной стороны, ввиду того что конструкции находятся в развитии и в один период времени выполняют несколько функций, зачастую сложно проводить границы между указанными классами слов, а с другой стороны, различия в понимании терминов «грамматикализация» и «прагматикализация» не позволяют совершенно однозначно разграничить указанные процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Академический словарь 2014 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). *Академический словарь русской фразеологии*. М.: Лексрус, 2014.
- Богданов, Рыжова 1997 — Богданов С. И., Рыжова Ю. В. *Русская служебная лексика. Сводные таблицы*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997.
- Бурцева 2010 — Бурцева В. В. *Словарь наречий и служебных слов русского языка*. М.: Дрофа, 2010.

- Всеволодова и др. 2018 — Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. *Русские предложения и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Книга 2: А — В (объективная грамматика)*. М.: УРСС, 2018.
- Ефремова 2001 — Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М.: Русский язык, 2001.
- Жуков, Жукова 2016 — Жуков А. В., Жукова М. Е. *Словарь современной русской фразеологии*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.
- Корпусный словарь — Корпусный словарь неословных лексических единиц (оборотов) Национального корпуса русского языка. <https://ruscorpora.ru/page/obgrams/>
- Лепнев 2010 — Лепнев М. Г. *Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы*. СПб.: ИП «Ефименко Д. Л.», 2010.
- Михельсон — *Фразеологический словарь М. И. Михельсона*. <https://gufo.me/dict/mikhelson>.
- Морковкин 1997 — *Словарь структурных слов русского языка*. Морковкин В. В. (ред.). М.: Лазурь, 1997.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ожегов, Шведова 1999 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.
- Рогожникова 2003 — Рогожникова Р. П. *Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову*. М.: АСТ; Астрель, 2003.
- Словарь служебных слов 2001 — *Словарь служебных слов русского языка*. Стародумова Е. А. (отв. ред.). Владивосток: Примполиграфкомбинат, 2001.
- Служебные слова 2017 — *Служебные слова в лексикографическом аспекте*. Шереметьева Е. С., Стародумова Е. А., Тюрин П. М. (отв. ред.). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. CD-ROM.
- Тезаурус русских идиом — *Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты*. Информационно-поисковая система. <https://lexrus.ru/default.aspx?p=3254>.
- Федоров — *Фразеологический словарь А. И. Федорова* (около 13 000 фразеологических единиц). <https://gufo.me/dict/fedorov>.
- Шиганова 2003 — Шиганова Г. А. *Релятивные фразеологизмы русского языка*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабайцева 2000 — Бабайцева В. В. *Явления переходности в грамматике русского языка*. М.: Дрофа, 2000. [Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transposition phenomena in Russian grammar]. Moscow: Drofa, 2000].
- Баранов и др. 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры, 1993. [Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to Russian discourse markers]. Moscow: Pomovskii i Partnery, 1993.]
- Богданова-Бегларян 2014 — Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология. *Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология*, 2014, 3(27): 7–20. [Bogdanova-Beglaryan N. V. Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2014, 3(27): 7–20.]
- Богданова-Бегларян 2021 — Богданова-Бегларян Н. В. Конъюнкционализация как активный процесс русской устной речи. *Русская грамматика: Система — узус — языковое варьирование*. Вардиц В. (ред.). Berlin: Peter Lang, 2021, 19–32. [Bogdanova-Beglarian N. V. Conjunctionalization as an active process in spoken Russian. *Russian grammar: System — language usage — language variation*. Warditz V. (ed.). Berlin: Peter Lang, 2021, 19–32.]
- Богданова-Бегларян 2022 — Богданова-Бегларян Н. В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи. *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов*. Шереметьева Е. С. и др. (ред.). Владивосток: ДВФУ, 2022, 178–186. [Bogdanova-Beglaryan N. V. Scaling technique as a tool for describing the grammar of modern Russian speech. *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravlenii, metodov*. Sheremet'eva E. S. et al. (eds.). Vladivostok: Far East Federal Univ., 2022, 178–186.]

- Бычкова и др. 2019 — Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовой маркирование. *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова*, 2019, 3(21): 256–283. [Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. Discourse formulae, polysemy and gesture marking. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, 3(21): 256–283.]
- Викторова 2014 — Викторова Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов. *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2014, 2: 18–22. [Viktorova E. Yu. Pragmatic polyfunctionality of discourse words. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2014, 2: 18–22.]
- Виноградова 2016 — Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов). *Вопросы языкознания*, 2016, 1: 25–50. [Vinogradova E. N. Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names). *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 1: 25–50.]
- Виноградова 2021 — Виноградова Е. Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах). *Русский язык за рубежом*, 2021, 1: 37–45. [Vinogradova E. N. Right up to adverbial prepositions (towards polyfunctional units). *Russkii yazyk za rubezhom*, 2021, 1: 37–45.]
- Виноградова, Клобукова 2022 — Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты. *Русистика*, 2022, 20(1): 84–100. [Vinogradova E. N., Klobukova L. P. The grammar of Russian prepositions: Theoretical aspects. *Rusistika*, 2022, 20(1): 84–100.]
- Всеволодова 2011 — Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*, 2011, 3: 103–135. [Vsevolodova M. V. Revisiting operational methods of prepositional units categorization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2011, 3: 103–135.]
- Всеволодова и др. 2013 — Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц*. Книга 1. М.: УРСС, 2013. [Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits* [Russian prepositions and preposition-like units. Materials for a functional-grammatic description of real usage: Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units]. Book 1. Moscow: URSS, 2013.]
- Гуревич, Жолудева 2015 — Гуревич Д. Л., Жолудева Л. И. Полифункциональность союза *que / che* в португальском и итальянском языках. *Древняя и Новая Романья*, 2015, 15(1): 625–634. [Gurevich D. L., Zholudeva L. I. The polyfunctional nature of *que / che* in Portuguese and Italian. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2015, 15(1): 625–634.]
- Еськова 1996 — Еськова Н. А. Первообразные и непервообразные предлоги: Формальный аспект. *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*. Николаева Т. М. (ред.). М.: Индрик, 1996, 458–464. [Es'kova N. A. Non-derivative and derivative prepositions: Formal aspect. *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Indrik, 1996, 458–464.]
- Жукова и др. 2019 — Жукова С. Ю., Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход. *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова*, 2019, 3(21): 142–164. [Zhukova S. Yu., Orekhov B. V., Rakhilina E. V. Discourse formulae in Russian: Diachronic approach. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, 3(21): 142–164.]
- Зализняк Анна 2017 — Зализняк Анна А. О месте категории «присоединение» в описании коннекторов русского языка. *Сопоставительно языкознание*, 2017, 4: 21–34. [Zaliznyak Anna A. On the position of the category of attachment in Russian connectives description. *Sopostavitelno ezikoznanie*, 2017, 4: 21–34.]
- Золотова 2022 — Золотова Г. А. К проблемам изучения предлогов. *Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература*, 2022, 2: 18–23. [Zolotova G. A. On the problems in the study of prepositions. *Professorskii zhurnal. Seriya: russkii yazyk i literatura*, 2022, 2: 18–23.]
- Зыкова 2015 — Зыкова И. В. Разновидности процесса фразеологизации с позиций лингвокультурологического подхода. *Вестник МГЛУ*, 2015, 22(733): 71–91. [Zykova I. V. Types of the process of phraseologization in a linguocultural perspective. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2015, 22(733): 71–91.]
- Иванов 2004 — Иванов Вяч. Вс. *Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Ivanov Vyacheslav V. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya*:

- Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millennium. Questions to the future]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Инькова 2018 — Инькова О. Ю. (ред.). *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. [In'kova O. Yu. (ed.). *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectives: A contrastive study]. Moscow: TORUS PRESS, 2018.]
- Капустина 2019 — Капустина Т. Д. К вопросу о конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы *по идее*). *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи*. Степанов В. Н., Ухова Л. В. (ред.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019, 138–147. [Kapustina T. D. On conjunctionalization in modern Russian: The case of the wordform *po idee*. *Russkaya grammatika: Aktivnye protsessy v yazyke i rechi*. Stepanov V. N., Ukhova L. V. (eds.). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Univ. Press, 2019, 138–147.]
- Кобозева 2017 — Кобозева И. М. Коннекторы контактного предшествования в русском и французском языках в зеркале надкорпусной базы данных. *Съпоставительно языкознание*, 2017, 4: 48–62. [Kobozeva I. M. Connectives of contact preceding in Russian and French in the mirror of an inter-corporal database. *Sâpostavitelno ezikoznanie*, 2017, 4: 48–62.]
- Ковалева 2004 — Ковалева Л. В. *Фразеологизация как когнитивный процесс*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. [Kovaleva L. V. *Frazeologizatsiya kak kognitivnyi protsess* [Phraseologization as a cognitive process]. Voronezh: Voronezh Univ. Press, 2004.]
- Конюшкевич 2013 — Конюшкевич М. И. Корреляция предложной и союзной единиц в выражении полипропозитивной семантической структуры. *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 47: *Сб. научных статей, посвященный юбилею заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой*. Ремнева М. Л., Бархударова Е. Л., Изотов А. И., Красных В. В., Панков Ф. И. (ред.). М.: МАКС Пресс, 2013, 285–300. [Konyushkevich M. I. Correlation between prepositional and conjunctive units in expressing a polypropositive semantic structure. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. No. 47. Remneva M. L., Barkhudarova E. L., Izotov A. I., Krasnykh V. V., Pankov F. I. (eds.). Moscow: MAKS Press, 2013, 285–300.]
- Копотев, Стексова 2017 — Копотев М. В., Стексова Т. И. *Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре*. М.: Языки славянских культур, 2017. [Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: Intermediate entities in grammar and dictionary]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2017.]
- Куклина 2006 — Куклина И. Н. *Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2006. [Kuklina I. N. *Yavleniya frazeologizatsii i defrazeologizatsii v yazyke sovremennoi pressy* [Phenomena of phraseologization and dephraseologization in modern media language]. Candidate diss. Moscow: Moscow Region State Univ., 2006.]
- Ларин 1977 — Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов). *История русского языка и общее языкознание*. Ларин Б. А. М.: Просвещение, 1977, 125–149. [Larin B. A. Essays on phraseology (on systematization of phraseological material and methods of researching them). *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie*. Larin B. A. Moscow: Prosveshchenie, 1977, 125–149.]
- Лопатин 1990 — Лопатин В. В. Лексикализация. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1990. [Lopatin V. V. Lexicalization. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of constructions with movement and position verbs]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Новоспасская, Авагян 2021 — Новоспасская Н. В., Авагян А. А. Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2021, 12(1): 89–104. [Novospasskaya N. V., Avagyan A. A. The unidirectionality of grammaticalization in modern linguistics. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, 12(1): 89–104.]
- Панков 2009 — Панков Ф. И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами. *Мир русского слова*, 2009, 1: 12–19. [Pankov F. I. Russian adverbs in their correlation with Russian prepositions. *Mir russkogo slova*, 2009, 1: 12–19.]
- Панков, Патаракина 2020 — Панков Ф. И., Патаракина Е. О. Русская наречно-предложная бифункциональность в «зеркале» словацкого языка (фрагмент лингводидактической модели грамматики). *Мир русского слова*, 2020, 1: 26–30. [Pankov F. I., Patarakina E. O. Russian adverbial-prepositional

- bifunctionality through the mirror of Slovak (a fragment of a linguodidactical model of grammar). *Mir russkogo slova*, 2020, 1: 26–30.]
- Пекелис 2021 — Пекелис О. Е. *Дискурсивные слова в русском синтаксисе (местоимения, частицы, союзы): синхрония и диахрония*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2021. [Pekelis O. E. *Diskursivnye slova v russkom sintaksise (mestoimeniya, chastitsy, soyuzy): sinkhroniya i diakhroniya* [Discourse markers in Russian syntax (pronouns, particles, conjunctions): Synchrony and diachrony]. Doctoral diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2021.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Прияткина 2002 — Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка). *Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц*. Фигуровская Г. Д. (отв. ред.). Елец: ЕГУ, 2002, 90–100. [Priyatkina A. F. Text bonds and bond-phrases (on extension of functional words category in Russian). *Predlozhenie. Tekst. Rechevoe funktsionirovanie yazykovykh edinit*. Figurovskaya G. D. (ed.). Yelets: Yelets State Univ., 2002, 90–100.]
- Рахилина и др. 2021 — Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 7–27. [Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 7–27.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*: В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Ройзензон 1961 — Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление. *Труды СамГУ имени А. Навои. Кафедра иностранных языков*. Вып. 119. Самарканд, 1961, 101–119. [Roizenzon L. I. Phraseologization as a linguistic phenomenon. *Trudy SamGU imeni A. Navoi. Kafedra inostrannykh yazykov*. No. 119. Samarkand, 1961, 101–119.]
- Сергеева 2022 — Сергеева Г. Н. Образования предложного типа и слова-гибриды. *Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература*, 2022, 3: 11–15. [Sergeeva G. N. Formations of prepositional type and blendwords. *Professorskii zhurnal. Seriya: russkii yazyk i literatura*, 2022, 3: 11–15.]
- Смирницкий 1956 — Смирницкий А. И. *Лексикология английского языка*. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. [Smirnitskii A. I. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [English lexicology]. Moscow: Izdatel'stvo Literatury na Inostrannykh Yazykakh, 1956.]
- Тюрин 2016 — Тюрин П. М. Текстовые скрепы «таким образом» и «итак» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики. Владивосток: ДВФУ, 2016. [Tyurin P. M. *Tekstovye skrepy 'takim obrazom' i 'itak' v sovremennom russkom yazyke: osobennosti funktsionirovaniya i semantiki* [Text bonds *takim obrazom* and *itak* in modern Russian: Peculiarities of functioning and semantics]. Vladivostok: Far East Federal Univ., 2016.]
- Урысон 2017 — Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов. *Вопросы языкознания*, 2017, 5: 36–55. [Uryson E. V. Adverbial prepositions as a subclass of adverbs. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 36–55.]
- Черемисина, Колосова 1987 — Черемисина М. И., Колосова Т. А. *Очерки по теории сложного предложения*. Новосибирск: Наука, 1987. [Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on complex sentence theory]. Novosibirsk: Nauka, 1987.]
- Шереметьева, Пилюгина 2019 — Шереметьева Е. С., Пилюгина Н. Ю. Текстовая скрепа «так или иначе»: типы конструкций и функционально-семантический потенциал. *Научный диалог*, 2019, 5: 123–138. [Sheremet'eva E. S., Pilyugina N. Yu. Text bond *tak ili inache*: Types of constructions and functional-semantic potential. *Nauchnyi dialog*, 2019, 5: 123–138.]
- Шигуров 2016 — Шигуров В. В. *Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка*. М.: Наука, 2016. [Shigurov V. V. *Predikativatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastei rechi: Teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka* [Predicativization as a type of graded transposition of linguistic units in the system of parts of speech: A theory of Russian transpositional grammar]. Moscow: Nauka, 2016.]
- Шмелева 2018 — Шмелева Т. В. Скрепы с конструктивной основой «если не». *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2018, 51: 69–83. [Shmeleva T. V. Linking words with the structural basis *esli ne*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, 51: 69–83.]

- Aijmer 1997 — Aijmer K. *I think* — an English modal particle. *Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives*. Swan T., Jansen-Westvik O. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1997, 1–47.
- Arroyo 2011 — Arroyo J. L. B. From politeness to discourse marking: The process of pragmaticalization of *muy bien* in vernacular Spanish. *Journal of Pragmatics*, 2011, 43: 855–874.
- van der Auwera 2002 — van der Auwera J. More thoughts on degrammaticalization. *New reflections on grammaticalization*. Wischer I., Diewald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002, 19–29.
- Barth, Couper-Kuhlen 2002 — Barth D., Couper-Kuhlen E. On the development of final *though*: A case of grammaticalization? *New reflections on grammaticalization*. Wischer I., Diewald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002, 345–361.
- Brinton 1996 — Brinton L. *Pragmatic markers in English*. Berlin: De Gruyter, 1996.
- Brinton 2010 — Brinton L. The development of *I mean*: Implications for the study of historical pragmatics. *Methods in historical pragmatics*. Fitzmaurice S. M., Taavitsainen I. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 37–80.
- Brinton, Traugott 2005 — Brinton L., Traugott E. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Claridge, Arnovick 2010 — Claridge C., Arnovick L. Pragmaticalisation and discoursisation. *Handbook of pragmatics: Historical pragmatics*. Jucker A., Taavitsainen I. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 165–192.
- Degand, Evers-Vermeul 2015 — Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers? More than a terminological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 2015, 16(1): 59–85.
- Degand, Henk Pander 2003 — Degand L., Henk Pander M. A contrastive study of Dutch and French causal connectives on the speaker involvement scale. *LOT Occasional Series*, 2003, 1: 175–199.
- Diewald 2011 — Diewald G. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*, 2011, 49(2): 365–390.
- Erman, Kotsinas 1993 — Erman B., Kotsinas U.-B. Pragmaticalization: The case of *ba'* and *you know*. *Studier i modern språkvetenskap*, 1993, 10: 76–93.
- Frank-Job 2006 — Frank-Job B. A dynamic-interactional approach to discourse markers. *Approaches to discourse particles*. Fischer K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006, 359–374.
- Fraser 1999 — Fraser B. What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 1999, 31(7): 931–952.
- Grieve 2016 — Grieve J. *A dictionary of French connectors*. New York: Routledge, 2016.
- Günthner, Mutz 2004 — Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs. pragmaticalization? The development of pragmatic markers in German and Italian. *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Bisang W., Himmelmann N., Wiemer B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004, 77–107.
- Hansen 1998 — Hansen M.-B. M. The semantic status of discourse markers. *Lingua*, 1998, 104(3/4): 235–260.
- Heine 2013 — Heine B. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else. *Linguistics*, 2013, 51(6): 1205–1247.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002 (Kindle edition).
- Heine et al. 2021 — Heine B., Kaltenböck G., Kuteva T., Long H. *The rise of discourse markers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021.
- Hoffmann 2007 — Hoffmann S. *Grammaticalization and English complex prepositions*. London: Taylor & Francis, 2007.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Huddleston 1988 — Huddleston R. *English grammar: An outline*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Huddleston, Pullum 2002 — Huddleston R., Pullum G. *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Janda et al. 2018 — Janda L., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. A constructicon for Russian: Filling in the gaps. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–182.
- Kolyaseva 2022 — Kolyaseva A. The divergent paths of pragmaticalization: The case of the Russian particles *tipa* and *vrode*. *Journal of Pragmatics*, 2022, 201: 181–196. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.08.003>.

- Kolyaseva, Davidse 2018 — Kolyaseva A., Davidse K. A typology of lexical and grammaticalized uses of Russian *tip*, *tipa*, *po tipu*. *Russian Linguistics*, 2018, 42: 191–220.
- Lehmann 2002 — Lehmann Ch. New reflections on grammaticalization and lexicalization. *New reflections on grammaticalization*. Wischer I., Diwald G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002, 1–18.
- Lehmann 2015 — Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. 3rd edn. Berlin: Language Science Press, 2015.
- Moreno Cabrera 1998 — Moreno Cabrera J. On relationship between grammaticalization and lexicalization. *The limits of grammaticalization*. Giacalone Ramat A., Hopper P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1998, 211–227.
- Norde 2009 — Norde M. *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Norde, Beijering 2014 — Norde M., Beijering K. Facing interfaces. A clustering approach to grammaticalization and related changes. *Folia Linguistica*, 2014, 48(2): 385–424.
- Onodera 1995 — Onodera N. Diachronic analysis of Japanese discourse markers. *Historical pragmatics. Pragmatic developments in the history of English*. Jucker A. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1995, 393–437.
- Oxford Handbook 2013 — Hoffman Th., Trousdale Gr. (eds.). *The Oxford handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Quirk et al. 1985 — Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartnik J. *A comprehensive grammar of the English language*. London: Longman, 1985.
- Ramat 1992 — Ramat P. Thoughts on degrammaticalization. *Linguistics*, 1992, 30: 549–560.
- Ramat, Ricca 1994 — Ramat P., Ricca D. Prototypical adverbs: On scalarity / radiality of the notion of AD-VERB. *Rivista di Linguistica*, 1994, 6: 289–326.
- Seppänen et al. 1994 — Seppänen A., Bowen R., Trotta J. On the so-called complex prepositions. *Studia Anglica Posnaniensia*, 1994, 29: 3–29.
- Schiffrin 2001 — Schiffrin D. Discourse markers, meaning, and context. *The handbook of discourse analysis*. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds.). Oxford: Blackwell, 2001, 54–75.
- Traugott 1990 — Traugott E. From less to more situated in language: The unidirectionality of semantic change. *Papers from the 5th International Conf. on English Historical Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1990, 497–519.
- Traugott 1995 — Traugott E. Subjectification in grammaticalization. *Language, subjectivity and subjectivisation*. Stein D., Wright S. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995, 31–55.
- Traugott 1997 — Traugott E. The rhetoric of counter-expectation in semantic change: A study in subjectification. *Historical Semantics and Cognition*, 1997, 12: 1–12.
- Traugott 2003a — Traugott E. Constructions in grammaticalization. *The handbook of historical linguistics*. Joseph B., Janda R. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003, 624–647.
- Traugott 2003b — Traugott E. From subjectification to intersubjectification. *Motives for language change*. Hickey R. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003, 124–139.
- Traugott 2007 — Traugott E. Discussion article: Discourse markers, modal particles, and contrastive analysis, synchronic and diachronic. *Catalan Journal of Linguistics*, 2007, 6: 139–157.
- Traugott 2014 — Traugott E. Toward a constructional framework for research on language change. *Cognitive Linguistic Studies*, 2014, 1(1): 3–21.
- Traugott, Dasher 2002 — Traugott E., Dasher R. *Regularity in semantic change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Van Bogaert 2011 — Van Bogaert J. *I think* and other complement-taking mental predicates: A case of and for constructional grammaticalization. *Linguistics*, 2011, 49(2): 295–332.
- Wischer 2000 — Wischer I. Grammaticalization vs. lexicalization: ‘Methinks’ there is some confusion. *Pathways of change: Grammaticalization in English*. Fischer O., Rosenbach A., Stein D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000, 355–370.
- Yadoff, Franks 2001 — Yadoff M., Franks S. The origins of prepositions. *Formal Slavic linguistics*. Zybatow G., Junghanns U., Mehlhorn G., Szucsich L. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001, 69–79.

Приставка З-: между фонетикой и морфемикой

© 2023

Елена Алексеевна Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

canefedova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена вопросу о статусе форманта з-, представленного в лексике архангельских говоров. Преимущественно рассматриваются глаголы, слов других частей речи меньше. Рассмотрение его статуса затрагивает несколько аспектов, таких как фонетическая позиция, семантика, соотносительность с синонимичными приставками, территория распространения. Формант з- в архангельских говорах употребляется как перед шумными, так и перед сонорными согласными и /в-в'/. В процессе функционирования он проходит путь от фонетики к морфемике, расширяя состав значений и приобретая в результате возможность употребления параллельно с приставками *вз-*, *за-*, *из-*, *с-*. Соотносительность семантики з- и *вз-* объясняется фонетическим упрощением [вз] перед следующим согласным, при этом з- наследует все значения *вз-*. В свою очередь, приставки *вз-*, *из-*, *за-*, *с-* проявляют общность своих значений, и это объясняет возможность образований с формантом з-, синонимичных не только образованиям с *вз-*, но и с *из-*, *за-*, *с-* в следующих значениях: 'совершение действия, доведение действия до нужного предела, результата' — значение, общее с приставками *вз-*, *из-*, *за-*, *с-*; 'направленность действия или движения вверх' — значение, общее с приставкой *вз-*, 'начало действия' — значение, общее с приставкой *за-*, 'совершение однократного действия' — значение, общее с приставкой *вз-*. Таким образом, формант з- получает статус приставки, синонимичной во всех значениях приставке *вз-*, а также приставкам *из-*, *за-*, *с-* при неполном совпадении значений. Выводы о формировании приставки з-, сделанные на основе анализа материала архангельских говоров, подтверждаются данными словарей других русских говоров, в том числе и не находящихся в непосредственном контакте с белорусским и украинским языками. Результаты проведенного исследования соотносятся с проблемой общей ареалогии славянских диалектов, ориентируемой на познание отношений между различными языками, репрезентирующих их сопоставимость.

Ключевые слова: диалектология, префиксы, русский язык, севернорусские диалекты, словообразование

Для цитирования: Нефедова Е. А. Приставка З-: между фонетикой и морфемикой. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 88–102.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.88-102

North Russian prefix Z-: Between phonetics and morphemics

Elena A. Nefedova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; canefedova@gmail.com

Abstract: The paper discusses the status of the formant z-, represented in the vocabulary of Arkhangelsk dialects of Russian. It mostly occurs on verbs, less often on words of other parts of speech. Consideration of its status concerns several aspects, such as phonetic position, semantics, correlation with synonymous prefixes, and area of usage. The formant z- in Arkhangelsk dialects is used both before obstruents and sonorants and /v-v'/. In the process of functioning, it moves from phonetics to morphemics, expanding the range of its meanings and, as a result, acquiring the capability to be used analogically to the prefixes *vz-*, *za-*, *iz-*, *s-*. The correlation between the semantics of z- and *vz-* is explained by the

phonetic simplification of [vz] before a consonant, whereby the resulting *z-* inherits all the meanings of *vz-*. In turn, the prefixes *vz-*, *iz-*, *za-*, *s-* show semantic commonalities, and this explains the possibility of formations with *z-* synonymous not only to formations with *vz-*, but also with *iz-*, *za-*, *s-* in the following meanings: 'committing an action, bringing an action to the desired limit, result' — a meaning common with the prefixes *vz-*, *iz-*, *za-*, *s-*; 'upward direction of an action or movement' — a meaning common with the prefixes *vz-*, *za-*; 'starting an action' — a meaning common with the prefixes *vz-*, *za-*; 'performing a single action' — a meaning common with the prefix *vz-*. Thus, the formant *z-* receives the status of a prefix, synonymous in all meanings to the prefix *vz-* and partly synonymous to the prefixes *iz-*, *za-*, *s-*. The conclusions about the genesis of the prefix *z-*, based on the analysis of the material of the Arkhangelsk dialects, are confirmed by the data of dictionaries of other Russian dialects, including those that are not in direct contact with the Belarusian and Ukrainian languages. The results of the study correlate with the problem of the general arealogy of Slavic dialects, aimed at revealing the relations between different languages, which represent their comparability.

Keywords: derivation, dialectology, North Russian, prefixes, Russian

For citation: Nefedova E. A. North Russian prefix *Z-*: Between phonetics and morphemics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 88–102.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.88-102

Введение

Статья посвящена вопросу о статусе форманта *з-*, представленного в лексике архангельских говоров. В материалах «Архангельского областного словаря» [АОС, 21, 22] содержится 225 слов с формантом *з-*, употребление большинства из них подтверждено значительным количеством примеров. Преимущественно это глаголы, слов других частей речи меньше.

Данные этимологии свидетельствуют о том, что формант *з-* восходит к праславянским **jъz* и **sъ*. Приставка *z(ze)* из праславянского **jъz*, соответствующая русской *из-*, входит в состав служебных слов и морфем украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого и нижнелужицкого языков [Фасмер, II: 119–120; ЭССЯ, 9: 6]. В составе морфем украинского и белорусского языков имеется приставка *з-*, в составе морфем польского языка — *z, ze*, верхнелужицкого и нижнелужицкого языков — *z, ze, zo*, восходящие к праславянскому **sъ* и соответствующие русской *с(со)* [Фасмер, III: 539].

Архангельские говоры, материал которых рассматривается в статье, относятся к северному наречию¹ русского языка. Их территория не имеет общих границ ни с западославянскими, ни с белорусским и украинским языками. Факты сближений отдаленных диалектных зон, таких как украинские и севернорусские, были уже рассмотрены в работах П. Е. Гриценко на лексико-семантическом материале. Они подтверждаются и свидетельствами общности материальной и духовной культуры, обрядовых традиций, фольклора. Основная масса изолекс, объединяющая украинские говоры и зоны распространения русских былин, относится к древнерусскому периоду [Гриценко 1987]. Известно также, что говоры этих территорий обнаруживают и другие общие черты, например, оканье, гласный [и] на месте старого «ять». Гриценко указывает на важность изучения географически отдаленных зон бытования общих явлений, отмечая сложность истории развития таких единиц. «Поэтому систематизация параллелей, особенно **дистантных** (выделено нами. — Е. Н.), составление списков явлений с возможно более точными ареальными характеристиками, с учетом структурных и семантических особенностей лексем, является основой комплексного исследования межзональных связей в Славии» [Гриценко 1989: 177].

Известно, что морфемная организация слов, функционирующих в говорах, изучена недостаточно. Это объясняется тем, что «до недавнего времени морфемный анализ слова

¹ О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка см. [Нефедова 2016]

в русских народных говорах осуществлялся опосредованно при изучении явлений лексики, словообразования, морфологии русских говоров и других отраслей диалектологии» [Шаброва 2008: 221]. Показательно, что на картах шестого тома «Общеславянского лингвистического атласа», относящегося к лексико-словообразовательной серии, представлены слова, имеющие суффиксальные различия при тождестве корневой морфемы, и нет карт, посвященных префиксальным различиям (см. об этом в [Вендина 2009]). Очевидно, их отсутствие объясняется тем, что состав префиксальных морфем славянских языков обладает значительным единством. Это подтверждает и представленное в [Гецова 2004: 98–99] описание префиксального способа образования на материале русских говоров. Оно показало, что различия говоров русского языка касаются прежде всего семантики приставок и особенностей их употребления со словами разных частей речи.

Обзор работ, посвященных проблемам словообразования славянских языков, также свидетельствует о том, что словообразовательные различия, характеризующие пространство Славии, исследовались преимущественно на материале суффиксальных образований [Вендина 1990: 3–24].

Полного описания состава приставок и их значений на русском диалектном материале еще не проводилось. Диалектные словари, как правило, не ставят перед собой подобной задачи. Исключением является «Архангельский областной словарь», в выпусках которого [АОС, 6: 92–95; 11: 17–173; 15: 19–25; 23: рукопись] подробно, с значительным количеством примеров их соединения с разными частями речи, описана семантика приставок *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*², а также их бипрефиксальных и полипрефиксальных образований. Особенности глагольной префиксации также рассматриваются в статьях [Нефедова 2017; 2021].

Впервые вопрос о приставке *з-* на русском диалектном материале был поставлен С. М. Глускиной [1969] в статье «О приставке *с-/з-* в современных псковских говорах». Ситуация с приставкой *с-/з-* в этих говорах представлена следующим образом: приставки *вз-*, *из-* (*jbz-*), утратив начальный звук, изменились в *з-* и совпали с *с-* в слабой позиции; *с-* и *з-* в общем для них значении ‘совершение действия, доведение его до нужного предела, результата’ превратились в грамматический формант совершенного вида. В части псковских говоров распределение *с-/з-* зависит от глухости-звонкости последующего согласного, что дает основания для представления их как одной морфемы. Это первый тип отношений, отмеченный в псковских говорах. Второй тип отношений характеризует говоры, в которых *з-* выступает перед сонорными согласными и [в-в’]. Чаще это *з-* из *вз-*, поэтому *с-* и *з-* рассматриваются как две приставочные морфемы. И третий тип отношений, характеризующий псковские говоры, — приставка *з-* заменяет в сильной позиции *вз-*, *из-*, *с-*. Наличие в псковских говорах синонимичных с *з-* приставок *вз-*, *из-*, *с-* объясняется влиянием литературного языка и соседних говоров. Фактов замены *за-* на *з-* в псковских говорах не отмечено.

Выводы, касающиеся приставки *з-*, были сделаны на материале среднерусских говоров, входящих, согласно диалектному членению, представленному в [Захарова, Орлова 2004: 149], в западную диалектную зону. Для западной диалектной зоны характерно также наличие предлогов «*с* или *з* в случаях типа *приехал з города, вылез с ямы* в соответствии конструкции с предлогом *из*» [Там же: 85]. «Конструкции с предлогом *з* (*выйти з леса, сплести з верёвок, уйти з утра, мешать з яйцом, бочка з водой*) распространены в говорах Смоленской и Брянской областей на небольшой территории, прилегающей к Белоруссии и Украине (предлог *з* является общенародным как для белорусского, так и для украинского языка)» [Русская диалектология 2005: 181–182].

Обратимся к материалу севернорусских говоров, не имеющих общих границ как с западнославянскими, белорусским и украинским языками, так и с западной диалектной

² Описание значений приставок *вза-*, *за-*, *из-*, представленное в [АОС, 4, 15, 22], основано на словарной традиции [ОШ; МАС], канонизированной Академической грамматикой [РГ 1980: 172–451].

зоной русского языка. Рассмотрение вопроса о статусе форманта *з-* предполагает несколько аспектов, таких как фонетическая позиция, семантика, соотносённость с синонимичными приставками, территория распространения. Остановимся на их анализе³.

1. Фонетическая позиция форманта *з-*

Формант *з-* в архангельских говорах представлен:

- перед сонорными согласными и /в-в’/: [*зв’*]еселить, [*зл’*]ететь, [*зл*]осеть, [*зл’*]ягивать, [*зм*]атерить, [*зм*]ужать, [*зн’*]икнуть, [*зр’*]ёзать, [*зр*]угать, [*зје*]сть, [*зје*]хать, [*зју*]ндывать;
- пред гласным: [*з’и*]вкать, [*з’и*]мать, [*з’о*]йкать, [*з’у*]хать⁴;
- перед звонкими шумными согласными: [*зз*]ляд, [*зз*]óрок, [*зд*]ыбить, [*зд*]рогнуть, [*зд*]уть, [*зд*]ремнётся, [*зд*]умать.

В этих позициях формант *з-* может быть представлен в соответствии с *вз-*, *за-*, *из-*, *с-*⁵, выступая как синонимичный им в ряде значений, характерных для этих приставок в архангельских говорах. Соотносённость *з-* с этими приставками может быть установлена на основе сопоставления примеров употребления с *з-* и *вз-*, *из-*, *за-*, *с-*, зафиксированных в вып. 1–22 «Архангельского областного словаря» [АОС] и его бумажной и электронной карточках. Рассмотрим семантику форманта *з-* для каждого случая его соответствия названным приставкам.

2. Семантика форманта *з-*

з- в соответствии с *вз-* (*воз-*)

Приставка *вз-* имеет в архангельских говорах несколько значений, все они наследуются формантом *з-*:

- а) ‘направленность действия или движения вверх’:

Здануть ‘поднять, приподнять’ — *Здану́ла мешо́к, меня́ по спи́ны и о́рэзало*⁶ (начались схватки). ПЛЕС. Кнз. *Пересéлась, она́ как здану́ла*. КАРГ. Нкл. (ср. **вздануть**¹: *Я фчерá вéчером самовáр фскипяти́ла, вздану́ли на сто́л — загорéлся свет* [АОС, 4: 63]). **Здёрнуть** ‘поднять, вздёрнуть’ — *Плéчки здёрнула она́: не пойду́ за медвё́дя*. ОНЕЖ. Хчл. *Кабы́ть, кто обéиш нбги здёрнул*. ВИН. Брк. (ср. **вздёрнуть**²: *Пла́стины тёса вздёрне*. ПИН. Ёр. [АОС, 4: 64]). **Зднётся** ‘подняться’ — *Как у неё ру́ки здну́лись*. КАРГ. Ош. (ср. **вздаться**:

³ Материал для анализа извлечен из вып. 1–22 «Архангельского областного словаря», его бумажной и электронной картотеки. Использованы также личные записи автора, сделанные в диалектологических экспедициях 1970–2005 гг.

⁴ Гортанная смычка, имеющая место при произношении слов типа *зымать*, *збойкать*, *зухать*, в транскрипции, принятой в АОС, обозначается с помощью апострофа: *з’ымáл*, *з’ойкала*, *з’ухал* [АОС, 21: 4].

⁵ Разграничение предлогов *з* и *с* «возможно только при определенных фонетических условиях: в положении перед сонорными, в, ј и гласными» [Русская диалектология 2005: 181].

⁶ Иллюстративный материал подается в упрощенной транскрипции, принятой для «Архангельского областного словаря» [АОС, 1: 50–52; 17: 5–6]. Список сокращений названий районов и населенных пунктов Архангельской области представлен на заднем форзаце 22-го выпуска [АОС, 22].

Вздыметца да окурнетца. ОНЕЖ. Тмц. [АОС, 4: 64]). **Зды́бить** ‘поднять вверх, задрать’ — *Пошто́ их та́к зды́бiло?* КОН. Твр. (ср. **взды́бать**: *А ф субо́ту взды́бал фсю па́шню.* ВИН. Зст. [АОС, 4: 67]). **Злетéть** ‘подняться вверх, взлететь’ — *Сук свалі́ўса — ду́маю, ё́то за́йец, а то́ тетэ́ря злетéла.* КОН. Влц. (ср. **взлетáть**: *Взлетéла, попрoвéдала, как он.* ПРИМ. ЛЗ. [АОС, 4: 71])⁷. **Зьéхать** ‘взобратся’ — *Да на йéтот не зйéдеш.* ВЕЛЬ. Пкш. *Зьйéхал (волк), почепáл, вьхвaтил на спíне лепáк (у коровы).* ШЕНК. ВП. (ср. **взьéхать**: *К йему то́лько на спíну взьйéхал.* ВЕЛЬ. Лхд. [АОС, 4: 76]).

б) ‘совершение действия внезапно, резко, напряженно’:

Згорячíться ‘разволноваться, рассердиться’ — *И онá штобы на мя́я згорячíлася — нéт!* ВЕЛЬ. Сдр. *Вот ту́т из-за дэфки-то онá згорячíлася.* МЕЗ. Бкв. (ср. **взгорячíться**: *Тогдá у мя́я мушi взгорячíлiся и напiсáл ф софхóс.* ВИН. Слц. [АОС, 4: 63]). **Зре́вeть** ‘издать крик, вскрикнуть, закричать’ — *Я и зрeвeть-то не могу́.* ПИН. Ср. *Я и умёрлá, не зво́нiть, не зрeвeть.* ВЕЛЬ. Лхд. *Онá зрeвeла, испугáлась.* ВЕЛЬ. Пжм. (ср. **взрeвeть**: *Увíдела медвéдя, взрeвeла.* ВИЛ. Слн. [АОС, 4: 74]).

в) ‘совершение однократного действия’:

Значение однократности, мгновенности действия, несвойственное приставке *вз-* в литературном языке⁸, в [АОС, 4: 60–63] представлено небольшим количеством образований: *взверeцáть, взвíзгать, взглызну́ть, взда́нуть*. Семантически оно связано с ее значением ‘совершение действия внезапно, резко’.

Формант *з-* со значением однократности представлен в говорах преимущественно у глаголов с семантикой звучания: **Згáвкать** ‘издать лай, тьякнуть’ — *Собáка не згáвкaйт, а ктó полéзет, дак укúсит срáзу. Óсподи, э́ко чюдó-то oткúда, — то́лько у мя́я и вьрвaлось, а онá не згáвкала.* ВИЛ. Трп. **Злáять** ‘издать лай, тьякнуть’ — *Трí рáз злáяла собáчка.* ШЕНК. Трн. (ср. **взлáять**: *Они не взлáют.* ПИН. Влт. [АОС, 4: 71]). **Злéчкать** ‘произвести резкий звук’ — *Злéчкaло, кaг далá по щекé — то́лько злéчкaло: звук та́кой по тéлу.* УСТЬ. Снк. **Знíвгать** ‘мяукнуть’ — *Сáшка говорíл, да кóшка знíвгaла, фсé услышaлось.* КОН. Клм. **Зрéхать** ‘хрюкнуть’ — *Зрéхал йéк двa рáс.* В-Т. Врш. *Как зрéхат, мы фсé зарíфкали.* КОТЛ. Збл. *Поросéнок прибeжáл, ткнул йейó сóнную да зрéхал.* ВЕЛЬ. Сдр. **Зрíвкать** ‘крикнуть’ — *Я на йé зрíфкал.* УСТЬ. Снк. (ср. **взрíвкать** в [АОС, 4: 75]). **Зьóйкать** ‘вскрикнуть, охнуть’ — *Как вьсáдил ё́тот зуб — не з’óйкала, не óхнула дáжэ.* В-Т. Врш. (ср. **взóхать** в [АОС, 4: 74]). **Змигáть** ‘мигнуть’ — *Эка шары́-те устáвила да не змигáют.* УСТЬ. Снк. *Вот кaкó-то фсé вот кaк iáмпoцькa мiгáет, нeт-нéт и змигáюм.* ВИЛ. Пвл. **Зверéчкать** ‘сверкнуть’ — *Мóлния тaг звeрeчкaла. Тáм звeрíчкaло на нéбе.* ЛЕН. Рбв. **Змелькáть** ‘мелькнуть, промелькнуть’ — *То́лько змелькáло, ускоцíл (зверек).* ВИЛ. Пвл. *То́лько згленúла — то́лько змелькáло, вот тебé и медвíть.* В-Т. Врш.

В этих примерах значение однократности передается только формантом *з-*. Отмечены глаголы с формантом *з-* и суффиксом *-ну*, эксплицирующим значение однократности:

Згáрнуть ‘тявкнуть’ — *Собáка дру́гой рáз злáила, згáрнула.* ПИН. Квр. **Злaйканúть** ‘тявкнуть’ — *Йёсли знaкóмы, то онi (собаки) не злaйканúт, йёсли знaкóмы, то онi не злáют.* ПИН. Влт. **Злaянúть** ‘тявкнуть’ — *Собáка подбeжы́т, злaянéт, онá и убeжы́т в лeс.* ОНЕЖ. ББ. **Зрíдну́ть** ‘всхлипнуть’ — *Двá рáзá онá та́к зрíдну́ла (перед смертью). Лишi зрíдну́ла, дрóгнула.* ВЕЛЬ. Сдр.

⁷ Следует отметить, что с полным отказом от записи в тетрадь со слуха и переходом на электронную запись и расшифровку бесед с информантами объем материала с *з-* в картотеке АОС в соответствии с *вз-* заметно увеличился. Вполне возможно, что часть старых материалов, записанных в полевую тетрадь со слуха с приставкой *вз-*, может страдать неточностью, влиянием на собирающего литературной фонетики и орфографии.

⁸ *Взвизгну́ть, вскрикну́ть, взмокну́ть* в [РГ 1980: 358] описываются как глаголы со значением «интенсивно или резко, внезапно совершить действие, названное мотивирующим глаголом».

г) ‘совершение действия, доведение до нужного предела, результата, до какого-нибудь состояния’:

Звеселить ‘улучшить настроение, развеселить’ — *Ўш ты пойдеш, накармиш меня, обоймеш, звеселиш молоца, поцэлуеш — душу оболожыш (фольк.)*. ОНЕЖ. Тмц. (ср. **взвеселить**: *Онй взвеселили везь дом*. КАРГ. Нкл. [АОС, 4: 60]). **Звесить** ‘определить вес, взвесить’ — *Ина кортошына и больши двухсот — надо звесить да отрезать*. ПИН. Ср. (ср. **звешать**²: *Два мѣсяца отлежал, взвѣшали*. МЕЗ. Мсв. [АОС, 4: 60]). **Здремнуть** ‘поспать некоторое время, вздремнуть’ — *Дѣтка направила, думаю, сама хоть маленко здремну*. ПИН. Врк. *Иди на деван, сѣть! Здремнеш и падѣш*. МЕЗ. Длг. (ср. **вздремнуть**: *Меня роспарило, малѣшко вздремну*. ВЕЛЬ. Сдр. [АОС, 4: 65]). **Здумать** ‘решить, надумать, собраться сделать что-н.’ — *Здумаю, дай, сйѣжжу зимой, пока ещѣ силоцька берѣт*. ПРИМ. Лпш. *В молодых лѣтах когда здумаиш — испекѣиш*. ЛЕШ. Рдм. (ср. **вздумать**: *Онй вздумали в огуриц позабраця*. ВЕЛЬ. Сдр. [АОС, 4: 66]). **Здуть** ‘вздуть, раздуть, вспучить’ — *Ой, божэ, здуѣт меня, воднянка потхвѣтит*. ВИН. Слц. (ср. **вздуться**: *Вот он такó у меня вздулся*. ЛЕШ. Блщ. [АОС, 4: 67]). **Злюбить** ‘полюбить’ — *Так я йея любила, как своя доци*. УСТЬ. Бст. (ср. **взлюбить**: *Взлюбить бы когó йей надо*. УСТЬ. Снк. [АОС, 4: 72]). **Змужать** ‘возмужать, вырасти’ — *Нынче он змужал*. МЕЗ. Лмп. *Пока он не змужал, сѣ гласка болѣли*. В-Т. Грк. (ср. **возмужать**: *Возмужал (после болезни), потом на сторону бѣгал*. КАРГ. Ус. [АОС, 5: 25]). **Зрѣзать** ‘нанести порез, порезать’ — *Мало пожала да как зрѣзала палець*. В-Т. Тмш. **Зухать** ‘издать громкий крик, закричать’ — *Зухала жонка, я и пробудилась. Павлик зухайот — йѣхал этта и зухал, поздоровался. А ты зухай — я зухала. Хотѣла зухать — побѣжыт*. В-Т. Врш. *Онй как фсѣ зухали да побѣжали. Прибежали, зухали — и наворожылись*. ВЕЛЬ. Пжм. (ср. **взухать**: *Фстала, взухала и пошла*. УСТЬ. Бст. [АОС, 4: 75]).

3- в соответствии с за-

а) ‘начало действия’:

Здрожать ‘начать дрожать, трястись, колебаться’ — *Рука не здрожыт*. КАРГ. Нкл. *Только дом здрожал*. ПИН. Нхч. (ср. **задрожать**: *Изба задрождала, черѣмуху сломив*. УСТЬ. Брз. [АОС, 16: 316]). **Змычать** ‘начать издавать долгие протяжные звуки, замычать’ — *Вот как стану пойить — фсе в гóлос змычѣт*. ВИЛ. Пвл. (ср. **замычать**: *А она загулят, замычит, зарыкайот*. КОН. Твр. [АОС, 18: 177]). **Змявкать** ‘начать издавать ноющие, жалобные, протяжные звуки. О животных’ — *Дак он повернуся и змяфкаѣ*. ВЕЛЬ. Пкш. (ср. **замявкать**: *Утром только фстали, он и замяфкал*. КАРГ. Нкл. [АОС, 18: 178]). **Зрыдать** ‘зарыдать, заплакать’ — *Ото фсего сѣрца зрыдають*. МЕЗ. Дрг. (ср. **зарыдать**: *Подрастет малютка спросит, где отец, а я зарыдаю, дам такой отвѣт* [АОС, 19: 375]).

б) ‘совершение действия, доведение действия до нужного предела, результата, до какого-нибудь состояния’:

Здевать ‘убрать так, что трудно найти’ — *Ты куда пояс от моего платья zdeвала?* ПРИМ. ЗЗ. (ср. **задевать**²: *Куда я йей задевала, кнѣишкы-то*. ХОЛМ. Сня. [АОС, 16: 204]). **Здеваться** ‘исчезнуть, потеряться, подеваться’ — *Ой, куда крючѣк zdeвался, гдѣ он?* ОНЕЖ. Трч. *А потом куда-то фся доска zdeвалася*. МЕЗ. Свп. (ср. **задеваться**²: *Куда жэ она задевалася*. ШЕНК. УП. [АОС, 16: 205]). **Здушить** ‘лишить возможности расти, развиваться’ — *Смородина йейо здушыла*. ПЛЕС. Фдв. ‘лишить возможности дышать’ — *Простуда-то в горле здушыла меня*. ПЛЕС. Кнв. *Фсю меня здушыло-то*. ПИН. Трф. (ср. **задушить**¹: *Кашель меня задушил, кашель*. ВЕЛЬ. Сдр. [АОС, 16: 332]). **Змахаться** ‘замахнуться’ — *Змашысь на нейо, я бадажыну взяла*. ВИЛ. Слн. *Я иду смотреть-то поросянка, я на него не змахалася, он бросиуся*. ВИЛ. Пвл. (ср. **замахаться**: *А он с палкой и замахался*. УСТЬ. Сбр. [АОС, 18: 31]). **Змереть** ‘ослабеть, стать истощенным, исхудать’ — *Кобы*

не пѣнзия — змѣрли бы. УСТЬ. Сбр. (ср. **замерѣть**: *Кормоѳ-то нет, скотііна фся замерла*. КАРГ. Лкш. [АОС, 18: 47]). **Змѣрзнуть** ‘затвердеть от холода’ — *Змѣрзли дрова-те*. ВЕЛЬ. Пжм. (ср. **замѣрзнуть**: *Фсе ягоды замѣрзли*. В-Т. Врш. [АОС, 18: 52]). **Зморозить** ‘подвергнув воздействию холода, испортить’ — *Не стали примать (картошку), фсе зморозили*. УСТЬ. Сбр. (ср. **заморозить**: *Заморозил был вечером куртошку-ту, по пьянке тожо*. ПРИМ. 33. [АОС, 18: 122]). **Знадобиться** — ‘понадобиться, пригодиться’ — *Мне не знадобилась коляска*. В-Т. Врш. (ср. **занадобиться**: *Я заболѣю, никому не занадобиссе*. ВИН. Брк. [АОС, 18: 192]). **Зругать** ‘выругать, обругать’ — *Скотііну как выпускаеш, нельзя зругать, как зругаеш, она и заблудит*. ВЕЛЬ. Пжм. *У скотііны дак разный характер — она ласку любит. Зругай ейо — дак она и уши прижмѣт*. УСТЬ. Длм. (ср. **заругать**: *Ни одново детеша не заругала в жысь*. ЛЕШ. Смл. [АОС, 19: 361]). **Зымать** ‘добыть, поймать на охоте, рыбной ловле’ — *Подранка-то мѡжѣт притамішыть (собака), а так ей трѣдно з’имать утку. На червяка рынку ловіли, пескаря з’имают, посьле на пѣскаря шѡку или налима или ѡкуня хорошѣго*. КОН. Твр. (ср. **заимать**: *Она мышку нѡчью заимайо*. КАРГ. Лдн. *Заимала ѣтого заюшка*. КАРГ. Лкш. [АОС, 16: 449]).

3- в соответствии с -из

‘совершение действия, доведение до нужного предела, результата, до какого-нибудь состояния’:

Здержаться ‘износиться, выйти из употребления’ — *Фсѣ здержалось (о прялке)*. ЛЕШ. Блщ. (ср. **издержаться**: *Вѣсь издержался мотор, лѡпасѣти малѣньки стали*. МЕЗ. Мсв. [АОС, 23: рукопись]). **Зладить** ‘отремонтировать, починить’ — *Надо бы зладить да востановлять, да некому*. МЕЗ. Дрг., (ср. **изладить**: *Крыльцо бы приѣхал изладил, фсѣ крыльцо изгніло*. В-Т. ЧР. [АОС, 23: рукопись]), **Зладить** ‘вылечить, исцелить’ — *Пот себя-то поставиши, три рас сказать и полить «Самá мать плодила, самá мать родила, самá мать родімого дитятка и зладит», — вѡт тожо польза хороша*. ПИН. Нхч. (ср. **изладить**: *Поросѣнок рѹку повернуѹ пятаком, она мне рѹку изладила*. КОН. Клм. [АОС, 23: рукопись]). **Зловить** ‘поймать, выловить’ — *Зловил лисицу и опустил ф потпѡлью ейо*. ШЕНК. ВП. *Как зловит он ѣтого человека, так йему завязывали глаза. Ну он взяѹ из ѣтой жар-птицы, хотѣѹ зловить одно перѡ*. ЛЕН. Рбв. (ср. **изловить**: *Лису-то изловить не мѡгут, она лѡфкая*. ЛЕН. Рбв. [АОС, 23: рукопись]). **Зничтѡжить** ‘уничтожить’ — *Хѡчут-то зничтѡжыть красных*. ШЕНК. Шгв. (ср. **изничтѡжить**: *Фсех хороших людѣй изничтѡжыли*. КАРГ. Лдн. *Тараканоф изничтѡжыли*. ЛЕШ. Плщ. [АОС, 23: рукопись]).

3- в соответствии с с-

‘совершение действия, доведение до нужного предела, результата, до какого-нибудь состояния’:

Звернуть ‘вернуть, свернуть’ — *Пойдетѣ ѣтим заѹлочком, ф ту стѡрону звернетѣ*. ПРИМ. Лпш. (ср. **свернуть**: *Надо бы правѣй свернуѹ, да я левѣй свернуѹ*. ПИН. Яв. [АОС, картотека]). **Зворовать** ‘похитить, украсть’ — *У нас зворовали белѣй дорожѣишѣ иностранно. Она мою мать обвинила, што мать зворовала фсю паренцу*. УСТЬ. Стр. (ср. **своровать**: *Тѣ у меня своровала носовой платѡк, подарила Николаѹ Красенькому*. УСТЬ. Снк. [АОС, картотека]). **Змазать** ‘смазать’ — *Приѣдет, сю машину провѣрит, змажѣт*. ЛЕШ. Смл. (ср. **смазать**: *Смолѡй бы смазали, онѣ бы не вѣркали* [АОС, картотека]). **Зманиѹ** ‘заставить последовать собственному примеру’ — *Я Галю зманила, она тожо лѹк поливайот солѣной водѡй*. КОТЛ. Фдт. *Меня-то не скѡро зманиши*. УСТЬ.

Снк. (ср. **сманіть**: *Та сманіла, та ревіт: надо в лѣс, дотогô докружѣце*. КАРГ. Ош. [АОС, картотека]). **Зминать** ‘приминать’ — *А на стôге человекъ стоїтъ зминáет, утáп-тывает*. ХОЛМ. БН. (ср. **смять**: *Скôт запустѣли, дак фсѣ смяли, весь ячмѣнь*. ПИН. Яв. [АОС, картотека]). **Змôкнуть** ‘намокнуть, пропитаться жидкостью’ — *Невѣста ревѣт, дак у нейô платôк змôкнет*. КОН. Твр. *Бежѣ во двôр — змôкнеш*. МЕЗ. Кмж. (ср. **смôкнуть**: *Под вѣякой фсѣ тѹтоки мякѣна, фсѣ пелѣва, фсѣ солôма, фсѣ смôкло, фсѣ заржáвило!* УСТЬ. Сбр. [АОС, картотека]). **Знѣкнуть** ‘погрузиться в сон’ — *Я пála да знѣкла*. КАРГ. Оз. (ср. **снѣкнуть**: *Ой, хôть мне немнôжѣчко снѣкнуть*. КАРГ. Оз. [АОС, картотека]). **Зно-сѣть** ‘терпеть, переносить’ — *Фсѣ знôсно, фсѣ знôсит*. ШЕНК. Птш. (ср. **сносѣть**: *С мойѣй крѣшы снѣк не снôсит*. ЛЕШ. Врх. [АОС, картотека]). **Зробѣть** ‘испугаться, оробѣть’ — *Ну я малѣнько-то врôде йи зробѣла*. В-Т. Тмш. *Новôй зробѣт смотрѣцца (в зеркало при гада-нии)*. МЕЗ. Кмж. (ср. **сробѣть**: *Я не сробѣла, верткá дала, бигôм в гôру побижáла*. НЯНД. Стп. [АОС, картотека]). **Зрôбить** ‘сделать, выполнить что-н.’ — *Там фсѹ робôту и зрôбили. Сѣна не зрôбиш — корôву не кормѣть тодá*. ВЕЛЪ. Пжм. (ср. **срôбить**: *Рáмы сáм срôбил и стекло врезáл*. ШЕНК. ВП. [АОС, картотека]). **Зрôбиться** ‘случиться’ — *Хтô опсекѣцца, или тáмока штô нат скотѣной зрôбицца*. КРАСН. Нвш. (ср. **срôбиться**: *Баловáл ли штô, ткну́л в глас, кривôй и срôбился*. УСТЬ. Снк. [АОС, картотека]). **Зрыть** ‘рытьем уничто-жить, ликвидировать’ — *Взѣли тот угôр зры́ли, нехтô не задевáл, нехтô не косѣл*. В-Т. Вдг. (ср. **срыть**: *Потôм фсѣ фспáшизм, опѣхáм, срôйем ф кúчу*. ПИН. Пкш. [АОС, картотека]). **Зьѣсть** ‘съесть’ — *Хоть рôшу-ту он у меня не зьѣл бы*. КРАСН. Нвш. (ср. **сьѣсть**: *Клáшка боронѣце — вáшы кони фсѣ сьѣли*. ПЛЕС. Влс. [АОС, картотека]).

В рассмотренных примерах 3- и с- противопоставлены в сильной фонетической позиции в функции показателей совершенного вида глаголов.

3. Позиция перед шумными глухими согласными

3- в соответствии с в3-

В позиции нейтрализации 3- и с- в звуке [с] наличие форманта 3- доказывается его соотнесенностью с приставкой в3-, испытавшей упрощение перед следующим глухим согласным:

Скипятѣть ‘вскипятить, прокипятить’ — *Варѣно молоко, так это кодá скипятѣш*. ШЕНК. Шгв. (ср. **вскипятѣться**: *Ф пѣцьке фскипятѣце (грибы)*. ПРИМ. 33. [АОС, 4: 75]). **Скричáть** ‘издать крик, вскрикнуть’ — *Я скричáла, звѣжжáла*. ОНЕЖ. Тмц. *А ты бы взѣл да скричáл, он запугáлся бôльшѣ тебя*. ВИЛ. Трп. (ср. **вскричáть**: *Как тôком удáрит, дак фсѣ фскричю́!* ВИН. Брк. [АОС, 4: 75]). **Спотѣть** ‘покрыться испариной’ — *Спотѣл весь целовѣк, заматюкá весь*. ПИН. Квр. (ср. **вспотѣться**: *Как фспотѣлись мы да испугáлись мы, не скôро выкорнем*. ЛЕШ. Клч. [АОС, 6: 53]).

С- или 3- в соответствии с за-, из-, с-?

Иначе обстоит дело с решением вопроса о статусе [с] при его соотнесенности с приставками за-, из- и с- в общем для них значении ‘совершение действия, доведение до нужного предела, результата, до какого-нибудь состояния’. В этом случае вариант [с] выступает уже в качестве репрезентанта приставки с-, переводящей глаголы в совершенный вид:

Скружáть (скружáться) ‘заблудиться’ — *Мы вон за клѹквой хôдим, так тôжѣ скру-жáйеш, заблудиш*. *Кривô не могу́ знáть, как перешлá за сôгру, скружáлась*. КОТЛ. Збл.

Што ты скружала, заблудіха?! Растерялася, фся заблуділась, не знаёт, што дэлаць. ШЕНК. ВП. (ср. **закружэцца**: *Лэне-то заблудіца, закружэца не диві уш.* ЛЕШ. УК. *Да я-то не закружывалася, я вод гавярю, можа закружэца, а я не заблуджэдалася.* ВІЛ. Пвл. [АОС, 17: 206]). **Схохотэць** ‘громко засмеяться’ — *Фсэ схохотэлі вгёлос, фсэ вгёлос взелісь.* ШЕНК. ВП. (ср. **захохотэць**: *Дак фсэ ребята-то захохотэлі, што упала с полатей* [АОС, 21: 155]). **Скрасэць** ‘покраснеть’ — *Онó навэрху толстó, пёнка, скрасэць, скусна, а высподі жыткó — сыровотка — вóт ы йейісьниця.* ЛЕШ. Блщ. (ср. **искрасэць**: *На бо-лоте націнаць красіць, искрасіійот (ягода).* ВЕЛЬ. Сдр. [АОС, 24: рукопись]). **Скривіцца** ‘покосясь’ — *Дом-то вёсь скривіўся — нічэго, наладят да он гнетіця в зёмлю, стоід бо́ле двухсót лёт — вёдь дом-то плотной.* ОНЕЖ. Прн. (ср. **искривіцца**: *У меня бёрда йёсь, да стану нёт — искривіўся-от (ткацкій станок).* ВІЛ. Пвл. [АОС, 24: рукопись]). **Скрошіць** ‘измельчить’ — *Губники из вóлдениц, лукофку скрошыць, с яйцами.* КОН. Влщ. *Сахар скрошу и забавляюсь, а песок ужэ не то.* ПРИМ. Ннк. (ср. **искрошіць**: *Яйіц наварят, искрошаць, рісу розварят, перемешають, ф тэсто полóжат, пекут — вóт и йейішник.* ВЕЛЬ. Пжм. [АОС, 24: рукопись]). **Спéкчи** ‘испечь’ — *Зажэлаёте, так опяць спеку.* КАРГ. Лкш. *Поса́дим, закро́йом засло́нку и спекём сковоро́дники.* В-Т. УВ. (ср. **испéкчи**: *Лóжэчкой нальі́ош на сковоро́тки да испекéш.* МЕЗ. Дрг. *Приказа́ла по пиро́гу испéкчи.* ОНЕЖ. Трч. [АОС, 24: рукопись]).

Возможная противопоставленность з- и с- в слабой фонетической позиции сопровождается и семантическими различиями. Например, **сорміць, спойць** ‘воспитать’ — *Не хитро́ дитя сноси́ть, хитро́ спойі́ть, сорміць.* КРАСН. Нвш. (ср. **восорміць, воспойць**: *Скажы, хто воспойл, восорміл.* ПРИМ. ЛЗ. [АОС, 4: 75] — здесь [с] представляет собой результат фонетического упрощения [вс] и является фонетическим вариантом форманта з- в слабой позиции). И **сорміць, спойць** ‘использовать для еды, питья’ — *Сёно вы́возили, корóве не сорміли, два́ во́ска одда́ли коней корміць.* В-Т. Тмш. *Што заварэ́но, скоті́не сормі́, спой.* ВИН. Слщ. [АОС, картотека], где [с] является репрезентантом приставки с-, переводящий глаголы в совершенный вид.

4. 3- при образовании существительных и наречий

3- в соответствии с в3-

Зго́лову ‘в изголовье кровати’ — *Я одну́ поду́шку, он зго́лову велёл полóжыть, ты́, ма́тка, поло́ш зго́лову.* ВЕЛЬ. Сдр. (ср. **взго́лову**: *Взго́лову полóжыла, подзго́ловой.* ПРИМ. Лпш. [АОС, 4: 62]).

3- в соответствии с из-

— При образовании существительных:

Зго́лови́ца ‘подушка’ — *Зго́лови́цы накла́дэет — так поду́шку-то.* ПИН. Ср. **Зго́лов-ник** ‘спинка кровати’ — *То́ под зго́ловник поло́жу, то́ на сто́л. Я протира́ла зго́ловники.* ОНЕЖ. Лмщ. **Зго́ловье** ‘место на постели, куда ложатся головой, изголовье’ — *В зго́ловье поду́шка сёном на́біта.* ВЕЛЬ. Длм. *А у меня́ в зго́ловье где-то бы́л, пот поду́шкой.* ПИН. Ср. (ср. **изго́ловье**: *Ла́пка бы́ла́ перéдня да за́дня, а ка́танец в изго́ловье потти́хаш, дак и хоро́шо.* ПИН. Лвл. [АОС, 23: рукопись]). **Згрéби** ‘отходы, остатки после обработки льна’ — *Лён, па́чесыи и згрéби, а с кості́цэй — отрэ́пья-ти.* УСТЬ. Снк. (ср. **изгрéби**: *Цёшэм — это изгрéби, а пере́цсываем — па́цеси.* В-Т. ЧР. [АОС, 23: рукопись]). **Зме́на**

‘измена’ — *Мілы́й, зме́ной, мілы́й, зме́ной, мілы́й, зме́ной не страи́чай. Надо́йде́т та-ко́йе вре́мечко — са́ма скажу́ прои́чай (фольк.).* ПИН. Ёр. (ср. **изме́на**: *Де́фка изме́ну по-дала́, так о́н задави́лся.* ВИН. Тпс. [АОС, 23: рукопись]).

— При образовании наречий:

Здавна́ ‘давно, издавна’ — *Здавна́ ли све́т-от?* МЕЗ. Бкв. (ср. **издавна́**: *Издавна́ так веде́це.* ПИН. Влт. [АОС, 23: рукопись]). **Здале́ка** ‘издалека’ — *Она са́ма-то зда-ле́ка, жыла́-то в Лоба́ни.* МЕЗ. Бч. *Го́сьюшка сво́я уи́? Не́т, го́сьюшка здале́ка.* МЕЗ. Лбн. (ср. **издале́ка**: *У́х, я йейо́ давно́ в гла́за не вида́ла, фсе́ издале́ка.* ВИЛ. Пвл. [АОС, 23: рукопись]).

3- в соответствии с с-

— При образовании существительных:

Змах ‘сходство’ — *Фсе́ равно́ йе́сь наве́рно зма́х.* ВЕЛЬ. Сдр. (ср. **сма́хивать**: *Она́ бо́льшэ сма́хиват (имеет сходство) — золоти́тысечник.* ОНЕЖ. Прн. [АОС, картотека]). **Зник** — $\diamond$ **зні́ку не дава́ть** ‘держат в напряжении, не давать расслабиться, отдохнуть’ — *Мне́ зні́ку не дава́ли — учи́сь, учи́сь.* ВЕЛЬ. Лхд. *При́е́хала в го́сти, и йе́й никако́во зні́ку не даю́т.* ВЕЛЬ. Пкш. *Дак о́н йей зні́ку не́ дал, прогони́л.* ШЕНК. Шгв. **Зні́мка** ‘продольная выемка в коре и верхнем слое древесины ствола дерева для сбора смолы’ — *На-цина́йем зні́мку по пять сантиме́троф. Фторо́й го́т иде́и по во́семь, а пото́м уи́ две-на́ццат зні́мок зде́лать.* ВИН. Зст. (ср. **наснима́ть**: *Ва́ня сходи́т, бе́ре́ста наснима́т з бе́ре́зины.* КОТЛ. Збл. [АОС, картотека]).

— При образовании наречий:

Зно́сно ‘терпимо’ — *Фсе́ зно́сно, фсе́ зно́сит.* ШЕНК. Птш. (ср. **сно́сно**: *Ле́на, у теб́я но́ги ме́рзнут? Сно́сно ишо́?* ПИН. Яв. [АОС, картотека]).

5. Синонимия приставочных образований

Слова с формантом 3- и приставками *вз-, за-, из-, с-* функционируют в говорах как синонимы. Синонимичные соответствия представлены в картотеке «Архангельского областного словаря», а также в его выпусках [АОС, 4, 21, 22]:

— **3- / вз-**: *здава́ть — вздава́ть, зды́нуть — взды́нуть, зду́мать — взду́мать, зля́ять — взля́ять, злюби́ть — взлюби́ть, зму́жать — взму́жать, зреве́ть — взреве́ть;*

— **3- / за-**: *зрыда́ть — зарыда́ть, здрожать — задрожать, здева́ть — задева́ть, зме́рзнуть — заме́рзнуть;*

— **3- / из-**: *зголо́вье — изголо́вье, згре́би — изгре́би, зла́дить — изла́дить, зничто́жить — изничто́жить;*

— **3- / с-**: *зверка́ть — сверка́ть, зверну́ть — сверну́ть, зма́зать — сма́зать, змани́ть — смани́ть.*

6. Предлоги 3, 3-ЗА

В архангельских говорах формант 3- функционирует и как предлог, синонимичный ЗА, ИЗ, С [АОС, 15: 5]:

(1) С род.; **из**. При указании на место, откуда направлено действие или движение. *3 убо́рной ишла́, упала́.* ПРИМ. 33. *3 Ро́вдина (приехала).* ШЕНК. ВП. *Он пришо́л з а́рмии*

да сёл на пеньзю. ХОЛМ. ВП. Как з луковици жылы, колёно-то выжывало, выворачивало. МЕЗ. Длг. А как тупло будет, онй ужэ начиняют выходить з земельки. МЕЗ. Бч.

(2) С род.; из. При указании на то, из чего делается что-н. *Сочень ёто тожэ з ржаной муки дёлаеца тёсто густое, наминать надо сильней.* УСТЬ. Бст. *Зерно намелица — вот и толокно, зажёристойе, з зерна, з йечьменя, з йечьменя или ис пиынницы.* ВИН. Уй.

(3) С вин., в сочетании с глаголом **отдаты**. При обозначении лица, за которое отдают замуж; за. *З нелюббого oddали, горя тянула.* ШЕНК. Шгв.

(4) С род. При указании на место, с поверхности которого отделяется, удаляется что-н.; с. *З уголка отхватило шишэину.* ШЕНК. ВП.

(5) С тв. При указании на участие в одном и том же действии двух или более лиц; с. *Она выслушала, што мы говорили з Анёй.* КАРГ. Лкш.

Имеется единичное, но весьма показательное употребление предлога *з-за*, синонимичного *из-за* [АОС, 22: 154]: *Она сама из Наволоку, з-за реки. В рулоны закатывают и катером перевозят з-за реки.* КРАСН. Прм.

7. История и география слов с формантом *з-*

История формирования приставки *з-* в русском языке, вероятно, имеет достаточно глубокие корни, на это указывают данные памятников письменности. Время фиксации таких слов относится к XVI–XVII вв., преимущественно в документах делового характера.

Так, в вып. 5–6 «Словаря русского языка XI–XVII вв.» представлено 46 слов с формантом *з-*, который, как и в современных говорах, соотносится:

— с приставкой *вз-*: **ЗВАЛИТИ**. То же, что **взвалити** [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 344], **ЗВОЛНОВАТЬСЯ**. **Взбунтоваться** [Там же: 356];

— с приставкой *из-*: **ЗВЛЕЧИ**. То же, что **извлечи** [Там же: 356], **ЗВОЛИТИ**. То же, что **изволити** [Там же: 356], **ЗГОЛОВЬЕ**. **Изголовье** [Там же: 360], **ЗДЕРЖАТИ**. То же, что **издержати** [Там же: 362], **ЗНЕМОГЧИ**. См. **изнемогчи** [СлРЯ XI–XVII вв., 6: 52], **ЗНУТРИ**. См. **изнутри** [Там же: 53];

— с приставкой *с-*: **ЗВЯЗАТИ**. См. **связати**, **ЗГАДАТИ**. См. **сгадати**, **ЗГНЕСТИ**. См. **сгнести** [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 359].

География форманта *з-* в современных русских говорах достаточно широка. Слова с этим формантом отмечены во всех говорах архангельского региона: двинских, мезенских, онежских, важских, поморских, а также в говорах южной части территории⁹.

В сводном «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 11: 207–241, 295–320] представлен довольно большой материал с формантом *з-*. Его география — северные, северо-западные, западные говоры: архангельские, вологодские, новгородские, псковские, смоленские, брянские. Говоры южных регионов, такие как воронежские, орловские, курские, тамбовские, в этом словаре представлены небольшим количеством фиксаций.

Обратимся к данным словарей отдельных регионов. Слова с формантом *з-* представлены в словарях, отражающих лексику северных и северо-западных регионов, это «Псковский областной словарь», где имеется около 80 фиксаций [ПОС, 12: 290–291, 295–307; 13: 30–107], «Словарь Вологодских говоров» — 33 [СВолГ, 2], «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» — 13 [СРГК, 2: 244–258], «Новгородский областной словарь» — 10 [НОС, 3: 91–103], «Словарь говоров Русского Севера» — две фиксации [СГРС, 4: 252–258, 272, 281].

Лексика с формантом *з-* представлена также в словарях южных говоров. Например, в «Словаре воронежских говоров» зафиксировано 19 слов [СВорГ, 3: 353–399], пять слов в «Большом толковом словаре донского казачества» [БТСДК: 186], 13 — в словаре

⁹ О диалектном членении архангельских говоров см. [Нефедова 2016].

«Кубанские говоры» [КГ: 112–114], 10 — в «Словаре смоленских говоров» [ССГ, 4: 134–138], пять — в Деулинском словаре [ССРГ: 197–199], девять — в «Словаре орловских говоров» [СОГ, 3: 102–107].

Показательно, что слова с этим формантом отмечены и в говорах, сформировавшихся на территориях позднего заселения, преимущественно выходцами из северных земель. Они зафиксированы, например, в «Словаре говора деревни Акчим Пермской области» [СлАкчим, 1: 337–347], «Словаре говоров южного Прикамья» [СГЮП, 1: 327], «Среднеобском словаре» [СРОБС, 1: 126–127], «Словаре русских говоров Приамурья» [СРГП: 103–105], в [СРНГ, 11] также есть слова, для которых в списке географических помет имеются такие, как *Урал.*, *Перм.*, *Тобол.*, *Ирк.* (например, *звизнуться*, *звинять*, *звосьять*, *згáлиться*, *здогадаться*, *здор*, *здумать*, *здымать* и др.).

Количество фиксаций слов с формантом *з-* в соответствии с *вз-*, *за-*, *из-*, *с-* в названных выше диалектных словарях определяется, по-видимому, не только частотой его употребительности, но и степенью полноты представленного в этих словарях материала.

Выводы

Анализ данных современных архангельских говоров дает основания для следующих выводов.

1. Формант *з-* в процессе функционирования проходит путь от фонетики к морфемике, расширяя состав значений и приобретая в результате возможность употребления в соответствии с приставками *вз-*, *за-*, *из-*, *с-*. Соотнесенность семантики *з-* и *вз-* объясняется фонетическим упрощением [вз]- перед следующим согласным, при этом *з-* наследует все значения *вз-*. В свою очередь, приставки *вз-*, *из-*, *за-*, *с-* проявляют общность своих значений, и это объясняет возможность образований с формантом *з-*, синонимичных образованиям не только с *вз-*, но и с *из-*, *за-*, *с-* в следующих значениях:

- ‘совершение действия, доведение действия до нужного предела, результата’ — значение, общее с приставками *вз-*, *за-*, *из-*, *с-*;
- ‘направленность действия или движения вверх’ — значение, общее с приставкой *вз-*;
- ‘совершение действия внезапно, резко, напряженно’ — значение, общее с приставкой *вз-*;
- ‘совершение однократного действия’ — значение, общее с приставкой *вз-*;
- ‘начало действия’ — значение, общее с приставкой *за-*.

Таким образом, в современных архангельских говорах формант *з-* имеет статус приставки, синонимичной во всех значениях приставке *вз-*, а также приставкам *за-*, *из-*, *с-* при неполном совпадении значений.

2. Разграничение приставок *з-* и *с-*, противопоставленных в сильной фонетической позиции — перед сонорными согласными и /в-в’/, подтверждено также различиями в семантике соответствующих слов: *злететь* ‘взлететь’ — *слететь* ‘упасть, свалиться’, *змахнуть* ‘взмахнуть’ — *смахнуть* ‘скинуть’, *зрастить* ‘вырастить’ — *срастить* ‘соединить’. В позиции перед шумными глухими согласными каждая из приставок, и *з-* и *с-*, выступает в варианте [с]. Вариант [с] рассматривается как фонетическая реализация приставки *з-* при ее соотнесенности с приставкой *вз-*, подтвержденной наличием в говорах синонимических образований. При соотнесенности варианта [с] с приставками *за-*, *из-*, *с-* решение принимается в пользу *с-* в силу общности их значения совершенного вида, также подтвержденной наличием в говорах синонимов с этими приставками.

3. Семантика внезапности, резкости, напряженности в большей или меньшей степени свойственна словам с приставкой *з-* в нескольких ее значениях. Ее наличие часто делает слово экспрессивно окрашенным. Можно предположить, что активное употребление слов

с формантом *з-* поддержано коммуникативными особенностями диалектной речи, а именно востребованностью экспрессивов в устной диалектной коммуникации.

4. Употребление приставки *з-* в соответствии с *за-* отличает русские говоры от языков восточной и западной Славии, от говоров западной диалектной зоны русского языка, приграничной с языками белорусским и украинским. Это явление можно рассматривать как особенность, характерную для русского диалектного языка.

5. Формирование приставки *з-* и предлога *З* могло происходить параллельно, что подтверждается их синонимичностью с приставками *за-*, *из-*, *с-* и с предлогами *За*, *Из*, *С*.

6. Архангельский материал не дает оснований для выделения нескольких типов отношений между приставками *з-* и *с-*, в отличие от материала псковских говоров, представленных в [Глускина 1969]. Возможно, это объясняется тем, что, в отличие от псковщины, формирование приставки *з-* осуществлялось в говорах территории, не имеющей языковых контактов с белорусским и украинским языками. Выводы о формировании приставки *з-*, сделанные на основе анализа архангельского материала, подтверждены данными других русских говоров, также находящихся вне зоны взаимодействия с этими языками.

7. Рассмотренный в статье материал с приставкой *з-* свидетельствует не столько об инвентарных различиях префиксальных морфем, сколько о различиях в их использовании в говорах русского языка и шире — в современных славянских языках.

Обнаруженная общность русских говоров с украинским и белорусским языками, а также с языками западнославянскими характерна для русских диалектных зон, не находящихся в непосредственном контакте с названными языками. Эта общность не содержит прямого указания на историю ее формирования, но она может изменить общее представление об объекте исследования, требующее дальнейшего осмысления и объяснения причин ее возникновения. Результаты проведенного исследования соотносятся с центральной проблемой славистики: проблемой членения языкового мира, проблемой «общей ареалогии славянских диалектов» [Гриценко 2018: 73], ориентируемой на познание отношений между различными диалектными языками, репрезентирующих их сопоставимость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — *Архангельский областной словарь*. Вып. 1—. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980—. URL: <https://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/>
- БТСДК — *Большой толковый словарь донского казачества*. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003.
- СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1—. М.: Наука, 1975—.
- КГ — Борисова О. Г. *Кубанские говоры. Материалы к словарю*. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Вып. 1—. Новгород: Изд-во Новгородского пединститута, 1992.
- ОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1998.
- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1—. Л. / СПб.: Изд-во Ленинградского / СПб. ун-та, 1967—.
- СлАкчим — *Словарь говора деревни Акчим Пермской области*. Вып. 1—. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1984.
- СВорГ — *Словарь воронежских говоров*. Вып. 1—. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Т. 1-. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—.
- СГЮП — *Словарь говоров южного Прикамья*. Вып. 1—. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010.
- СВолГ — *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1—. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 1983.
- СОГ — *Словарь орловских говоров*. Вып. 1—. Орел: ОГПИ, 1989—.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГП — *Словарь русских говоров Приамурья*. М.: Наука, 1983.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1—. М.; Л.: Наука, 1965—.
- СРОБС — *Среднеобский словарь (дополнение)*. Ч. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). *Словарь русского языка*. Т. 1–4. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.

- ССГ — *Словарь смоленских говоров*. Вып. 1–11. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
 ССРНГ — *Словарь современного русского народного говора*. М.: Наука, 1969.
 Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.
 ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вендина 1990 — Вендина Т. И. *Дифференциация славянских языков по данным словообразования*. М.: Наука, 1990. [Vendina T. I. *Differentsiatsiya slavyanskikh yazykov po dannym slovoobrazovaniya* [Differentiation of Slavic languages based on word-formation]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Вендина 2009 — Вендина Т. И. *Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. [Vendina T. I. *Russkie dialekty v obshcheslavyanskom kontekste (leksika)* [Russian dialects in general Slavic context: Lexis]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2009.]
- Гецова 2004 — Гецова О. Г. К проблемам диалектного словообразования. Словообразование наречий. *Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII)*. Касаткин Л. Л. (отв. ред.). М.: Наука, 2004, 95–125. [Getsova O. G. Issues of dialectal word-formation: Formation of adverbs. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii II (VIII)*. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Nauka, 2004, 95–125.]
- Глускина 1969 — Глускина С. М. О приставке *с-/з-* в современных псковских говорах. *Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина*. Мещерский Н. А. (отв. ред.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969, 242–251. [Gluskina S. M. On the prefix *s-/z-* in contemporary Pskov dialects. *Voprosy teorii i istorii yazyka. Sbornik statei, posvyashchennyy pamyati B. A. Larina*. Meshcherskii N. A. (ed.). Leningrad: Leningrad Univ. Press, 1969, 242–251.]
- Гриценко 1987 — Гриценко П. Ю. З українсько-північноросійських лексичних паралелей 1. *Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Сб. научных трудов*. Т. Б. Лукинова и др. (ред.). Киев: Наукова думка, 1987, 251–259. [Hrytsenko P. Yu. From Ukrainian — North Russian lexical parallels. *L. A. Bulakhovskii i sovremennoe yazykoznanie. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Lukinova T. B. et al. (eds.). Kyiv: Naukova Dumka, 1987, 251–259.]
- Гриценко 1989 — Гриценко П. Е. Из украинско-севернорусских лексических параллелей. *Севернорусские говоры*. Вып. 5. Герд А. С. (отв. ред.). Л.: ЛГУ, 1989: 172–181. [Gritsenko P. E. From Ukrainian — North Russian lexical parallels. *Severnorrusskie govory*. No. 5. Gerd A. S. (ed.). Leningrad: Leningrad State Univ., 1989: 172–181.]
- Гриценко 2018 — Гриценко П. Е. О внешней ареалогии славянских диалектов. *Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26-28 октября 2018 г.* Касаткин Л. Л. (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2018, 69–73. [Gritsenko P. E. On external arealogy of Slavic dialects. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii*: Proc. of the international conf. (2018). Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2018, 69–73.]
- Захарова, Орлова 2004 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. *Диалектное членение русского языка*. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. [Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of Russian]. 2nd edn. Moscow: URSS, 2004.]
- Нефедова 2016 — Нефедова Е. А. О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2016, 4: 38–46. [Nefedova E. A. On the place of Arkhangelsk dialects in the dialectal division of Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2016, 4: 38–46.]
- Нефедова 2017 — Нефедова Е. А. ДО-глаголы в говорах архангельского региона: семантика и функционирование. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2017, 2(12): 189–196. [Nefedova E. A. Verbs with the prefix *do-* in Arkhangelsk dialects: Semantics and functioning. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2017, 2(12): 189–196.]
- Нефедова 2021 — Нефедова Е. А. О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 2021, 4(80): 108–116. [Nefedova E. A. Some features of verbal biprefixation in contemporary Russian dialects. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2021, 4(80): 108–116.]
- РГ 1980 — *Русская грамматика*: В 2 т. Т. I. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]

- Русская диалектология 2005 — *Русская диалектология*. Касаткин Л. Л. (ред.). М.: Издательский центр «Академия», 2005. [*Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Academia Publ., 2005.]
- Шаброва 2008 — Шаброва Е. Н. Морфемика как раздел науки о языке и проблемы современной диалектологии. *Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX)*. Касаткин Л. Л. (отв. ред.). М.: Наука, 2008, 220–231. [Shabrova E. N. Morphemics as a subfield of language studies and problems of modern dialectology. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii III (IX)*. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Nauka, 2008, 220–231.]

Получено / received 09.02.2022

Принято / accepted 27.09.2022

Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазинского языка

© 2023

Петр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; alpgurev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические и синтаксические проявления финитности и нефинитности глагольных форм в полисинтетическом абазинском языке (западнокавказская семья, Карачаево-Черкесия). Показано, что несмотря на то, что целый ряд морфологических явлений так или иначе коррелирует с (не)зависимым статусом предикации, ни одно из них нельзя трактовать однозначно как показатель (не)финитности. Особое внимание уделяется нескольким типам глагольных форм, сочетающих финитные и нефинитные морфологические признаки. Высказываются гипотезы о возможных мотивациях этих «парадоксальных» наборов свойств.

Ключевые слова: абазинский язык, абхазо-адыгские языки, морфология, синтаксис, словоизменение глагола, финитность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00120 «Полипредикация в жестовых и звучащих языках: грамматика, просодия, дискурс». Я благодарю своих абазинских консультантов за щедрую помощь, а также Д. М. Зеленского, Ю. А. Ландера, Г. А. Мороза, А. Б. Панову, Р. В. Сычева и анонимного рецензента за ценные замечания к первоначальному варианту статьи. Никто из означенных лиц не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

Для цитирования: Аркадьев П. М. Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазинского языка. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 103–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.103-131

Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; alpgurev@gmail.com

Abstract: The article surveys morphological and syntactic ramifications of finiteness and nonfiniteness of verbal forms in the polysynthetic Abaza language (Northwest Caucasian, Karachay-Cherkessia). In Abaza, a whole range of morphological phenomena exhibit more or less robust correlations with dependent resp. subordinate status of the clause. However, I show that none of these phenomena can be treated as an unequivocal indicator of (non)finiteness, paying particular attention to several types of verbal forms that combine morphological features of both finiteness and nonfiniteness. Hypotheses motivating these “paradoxical” constellations of properties are put forward.

Keywords: Abaza, finiteness, morphology, Northwest Caucasian, syntax, verbal inflection

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00120.

For citation: Arkadiev P. M. Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 103–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.103-131

1. Введение

Понятия «финитность» и «нефинитность», первоначально возникшие в традиции описания классических языков и казавшиеся в ее рамках однозначными и самоочевидными — см., например, [Brugmann 1892: 836–837; Meier-Brügger 2003: 184; Kortjevskaja-Tamm 1999: 146; Maas 2004: 362–364], — при применении их к другим языкам и тем более при использовании их в лингвистической типологии и грамматической теории оказываются связанными с целым комплексом проблем (см., например, [Калинина 1998; Maas 2004; Nikolaeva 2007a; 2010]).

Во-первых, эти понятия, апеллируя, с одной стороны, к синтаксическому статусу предикации как независимой или подчиненной и, с другой, к морфологическому выражению этого статуса в рамках возглавляющей предикацию глагольной формы, с неизбежностью сталкиваются с разнообразными проявлениями несоответствия между этими двумя уровнями языковой структуры [Lasser 1997: 77–107; Nikolaeva 2010: 1177–1178]. Действительно, еще младограмматики осознали, что морфологически нефинитные формы нередко могут употребляться в синтаксически независимых позициях: см., например, [Brugmann 1892: 842]; ср. понятие «расподчинения» (*insubordination*) и работы [Evans 2007; Evans, Watanabe (eds.) 2016]. Точно так же и те глагольные формы, которые с морфологической точки зрения принято считать финитными, могут преимущественно или даже исключительно использоваться в подчиненных предикациях [Nikolaeva 2007b: 3], см. обсуждение с этой точки зрения косвенных наклонений в таких работах, как [Bybee et al. 1994: 180–181, 212–225; Palmer 2001: 108, 142–144; Holvoet 2021].

Во-вторых, (не)финитность отличается от большинства других грамматических категорий тем, что, как правило, не имеет никаких собственных кодирующих средств и проявляется лишь косвенно — в наличии или, наоборот, отсутствии в глагольной форме выражения других глагольных категорий, таких как лицо, наклонение, время (ср. [Мельчук 1998: 263]), а также в обретении глагольной формой способности выражать такие именные категории, как падеж. В этом смысле (не)финитность является своего рода «метакатегорией» (ср. [Givón 1990: 853]), лингвистический статус которой уже по этой причине может вызывать сомнения.

В-третьих, только что упомянутая особенность категории (не)финитности — обусловленность реализацией других глагольных и/или именных категорий — с неизбежностью предполагает градуальный и конкретно-языковой характер противопоставления финитных и нефинитных форм. То, по каким параметрам и в какой мере та или иная глагольная словоформа отличается от форм, выступающих в позиции сказуемого независимого утвердительного предложения, и, напротив, приобретает свойства именных словоформ, определяет степень ее нефинитности, которая у разных форм может быть различной (см., например, [Lehmann 1988; Malchukov 2004] о скалярном подходе к номинализации, или [Stassen 1985], где вводится понятие «*deranking*», использующееся, например, для типологического определения причастий в работе [Shagal 2019]). Такая точка зрения на (не)финитность является практически общепринятой в работах функционально-типологического направления: см., например, [Калинина 1998; 2001; Givón 2001, II: Ch. 18; Cristofaro 2003; 2007; Nikolaeva 2007b; 2013; Creissels 2009; Аркадьев 2014].

Альтернативная точка зрения на (не)финитность была высказана в работах В. Бизанга [Bisang 2001; 2007; 2016], который определяет финитность как грамматикализованное выражение независимого статуса предикации: “If a language has an overt morphosyntactic marker from which the human parser can derive the independent status of a grammatical structure[,] that language makes a finite/nonfinite distinction”¹ [Bisang 2007: 116]. Подобное коди-

¹ «Если в языке есть выраженное морфосинтаксическое средство, с помощью которого слушающий может определить независимый статус грамматической конструкции, в этом языке есть противопоставление по финитности / нефинитности».

рование независимого статуса клаузы может опираться на морфологическое выражение тех или иных словоизменительных глагольных категорий (например, лично-числового согласования, времени, вежливости или иллокутивной силы; отмечу, что в качестве примера последнего способа обязательного выражения финитности В. Бизанг приводит абхазский язык; в работе [Bisang 2016] к списку критериев добавляется морфосинтаксическое кодирование информационной структуры, ср. [Kalinina, Sumbatova 2007]). Если же в данном языке нет обязательного грамматического выражения независимого статуса предикации (либо в силу отсутствия глагольной морфологии в принципе, либо если эта морфология никак не чувствительна к статусу клаузы), то применительно к нему бессмысленно говорить о (не)финитности. Тем самым в данной концепции (не)финитность оказывается категорией дискретной, но не универсальной.

Настоящая статья обращается к проблеме оппозиции финитных и нефинитных глагольных форм в абазинском языке, входящем в абхазо-адыгскую (западнокавказскую) семью. Данное противопоставление традиционно выделяется во всех описаниях западнокавказских языков: см., например, [Рогава, Керашева 1966: 110–112; Гишев 1989: 108–113; Кумахов (ред.) 2006: 162–164, 524–536; Аристава и др. 1968: 61–73; Чкадуа 1970; Табулова 1976: 146–147; Ломтатидзе 2006: 141–142, 155–163; Fenwick 2011: 109–110; Hewitt 2005: 110–112; Arkadiev, Lander 2020: 415–418], а также специальные исследования [Керашева 1984; Hewitt 1987; 2010; Ершова 2012]. При этом с типологической точки зрения разграничение финитных и нефинитных форм в абхазо-адыгских языках и в частности в абазинском и близкородственном ему абхазском весьма нетривиально.

Во-первых, по крайней мере на первый взгляд, абазинский является одним из немногих языков, применительно к которым имеет смысл говорить о финитности как морфологической категории в строгом смысле этого слова: финитные и нефинитные формы в основном последовательно различаются с помощью специализированных или кумулятивных аффиксов, выражающих независимый либо подчиненный статус предикации². При этом нефинитные формы в общем случае не отличаются от финитных с точки зрения выражения актантов и категории времени.

Во-вторых, в абазинском специальное морфологическое маркирование имеют в первую очередь финитные формы, в то время как некоторые нефинитные формы оказываются немаркированными. Последние нередко служат базой для целого ряда подпарадигм глагола, в частности отрицательных и интеррогативных, в которых могут наблюдаться нетривиальные сочетания морфологических и синтаксических признаков финитности и нефинитности. Одновременно некоторые морфологически финитные формы могут использоваться в зависимых предикациях — как со специальным дополнительным маркированием, так и без него.

Задача данной статьи — предложить описание различных морфологических коррелятов финитности и нефинитности в абазинском языке и на его примере показать, как это противопоставление может вести себя в языке, где его реализация, казалось бы, максимально приближена к «классической» грамматической категории. Особое внимание будет уделено «парадоксальным» сочетаниям финитных и нефинитных свойств глагольных форм — как морфологических, так и синтаксических.

Дальнейшая структура статьи такова: в разделе 2 приводятся необходимые базовые сведения о грамматике абазинского языка, в разделе 3 обсуждаются основные морфологические признаки (не)финитности абазинского глагола, а раздел 4 посвящен глагольным формам, совмещающим финитные и нефинитные свойства. Раздел 5 подводит итоги исследования.

В статье используются в первую очередь данные, собранные в ходе полевой работы с носителями абазинского языка в экспедициях НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Карачаево-Черкесской Республики в 2017–2019 гг. и в аул Красный

² Ср. [Мельчук 1998: 262], где в качестве примера последовательного маркирования финитности приводится абхазский — правда, без ссылки на источник и с фактическими ошибками.

Восток Малокарачаевского района КЧР в 2021 г. Примеры из записанных в ходе этих поездок текстов помечены как (txt), а элицитированные примеры — как (е). Помимо этого используются примеры из литературных текстов и специальных исследований. Абазинские формы в тексте и в таблицах приводятся в кавказоведческой транскрипции, глоссированные примеры даются также в кириллической записи. Акцентуация приводится для тех примеров, в которых она была подтверждена носителями.

2. Необходимые сведения об абазинском языке

Подобно другим абхазо-адыгским языкам, абазинский язык характеризуется полисинтетизмом, т. е. высокой синтагматической сложностью глагольной морфологии, в которой концентрируется значительная часть информации о синтаксической и семантической структуре клаузы. В частности, абазинский глагол включает показатели лица, числа и рода от одного до четырех актантов, каузатива и целого ряда специализированных аппликативов [O’Herin 2001], один или несколько пространственных превербов, многие из которых имеют очень конкретные значения и могут трактоваться как инкорпорированные существительные [Клычев 1994; 1995; А. Авидзба 2017; Аркадьев 2021], аффиксы с направительной, аспектуальной, модальной и оценочной семантикой [Клычев 1972; 3. Авидзба 2017; Панова 2019], а также многочисленные и разнообразные показатели синтаксического статуса клаузы (префиксы релятивизации и суффиксы конвербов). С некоторыми огрублениями³ линейно-синтагматическая структура абазинского глагола может быть представлена в виде порядковой модели, включающей ряд префиксальных и суффиксальных позиций, в свою очередь группирующихся в несколько зон, см. таблицу 1.

Таблица 1

Структура абазинского глагола

		превербы (Π)								основа (Σ)					окончания				
-12	-11	-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
абсолютив	субординаторы, отрицание	репетитив	потенциалис	аппликативы	директивные префиксы	локативные превербы	непрямой объект	эргатив	отрицание	каузатив	ассоциатив	корень	директивные суффиксы	событийные операторы	множественное число	аспект, время	отрицание	ретроспектив, модальность	субординаторы, иллюкуция

В абазинском языке, подобно абхазскому и в отличие от убыхского и адыгских, нет грамматических падежей, и вся информация о семантико-синтаксических функциях актантов выражается в составе глагольной словоформы (см., в частности, [Гагиев 2000; O’Herin 2002]). Кодирование ядерных актантов следует эргативной модели: личные префиксы

³ Во-первых, некоторые из позиций в табл. 1 могут содержать более одного аффикса, во-вторых, некоторые аффиксы способны занимать различные позиции в зависимости от своей функции или степени лексикализованности, в-третьих, существуют цельнооформленные глагольные словоформы, состоящие из двух лексических компонентов, каждый из которых может сопровождаться своими показателями актантной структуры, аспекта, времени и модальности, см. [Панова 2020].

абсолютивной серии, выступающие в позиции –12 и индексирующие субъект непереходного глагола (S) и пациенс переходного глагола (P), см. примеры (1) и (2), противопоставляются всем прочим личным префиксам, индексирующим эргативный агенс переходного глагола в позиции –4, см. пример (3), а также не прямой объект в позиции –5 и объекты, вводимые локативными превербными, аппликативными и потенциалисом в позициях –6, –8 и –9, см. пример (4). Та же серия личных префиксов кодирует объект послелогов и посессор при существительных, см. пример (5).

- (1) *cɛlanxaxmI*
s-ʕa-nɣa-χ-ʔ
 1SG.ABS-CSL-остаться[AOR]-RE-DCL
 ‘я осталась’ (txt)
- (2) *cɛlaiɓamI*
s-ʕa-j-ba-ʔ
 1SG.ABS-CSL-3SG.M.ERG-видеть[AOR]-DCL
 ‘он увидел меня’ (txt)
- (3) *ɪyɪzɓumI*
jə-z-b-əj-ʔ
 3PL.ABS-1SG.ERG-видеть-PRS-DCL
 ‘я вижу их’ (txt)
- (4) *ɔsɪzɪarɛxmI*
d-sə-z-ʕa-r-g-χ-ʔ
 3SG.H.ABS-1SG.IO-BEN-CSL-3PL.ERG-нести[AOR]-RE-DCL
 ‘они принесли его ко мне’ (txt)
- (5) *san lɪnɪ*
s-an *l-pnə*
 1SG.PR-мать 3SG.F.IO-возле
 ‘к моей матери’ (e)

С формальной точки зрения две серии префиксов четче всего различаются в формах третьего лица, однако они демонстрируют различное морфонологическое поведение и в остальных лицах, где базовые формы префиксов совпадают. См. таблицу 2, включающую также релятивные префиксы, о которых пойдет речь ниже.

Таблица 2

Личные префиксы

	Абсолютивные	Неабсолютивные		Абсолютивные	Неабсолютивные
1Sg	<i>s(ə)-</i>	<i>s(ə)-/z-</i>	1Pl	<i>h(ə)-</i>	<i>h(ə)-/ʕ-</i>
2SgM	<i>w(ə)-</i>	<i>w(ə)-</i>	2Pl	<i>ʂ(ə)-</i>	<i>ʂ(ə)-/ž-</i>
2SgF	<i>b(ə)-</i>	<i>b(ə)-/p-</i>			
3SgM		<i>j(ə)-</i>			
3SgF	<i>d(ə)-</i>	<i>l(ə)-</i>	3Pl	<i>j(ə)-/∅-</i>	<i>r(ə)-/d(ə)-</i>
3SgN	<i>j(ə)-/∅-</i>	<i>a-/na-</i>			
REL	<i>j(ə)-</i>	<i>z(ə)-</i>			

Личный префикс абсолютива 3 л. ед. ч. неличного рода и 3 л. мн. ч. *j(ə)-* может быть опущен, если соответствующий актант выражен и непосредственно предшествует предикату, ср. примеры (6a) и (6b).

- (6) а. *йгIахIкъви́в́а́нI*
j-ʕa-h-qʷʕá-ṗ
 3SG.N.ABS-CSL-1PL.ERG-собирать-NPST.DCL
 ‘мы соберем [это]’ (txt)
- б. *магъра́йкwa гIахIкъви́в́а́нI*
maβráj-kʷa ʕa-h-qʷʕá-ṗ
 ежевика-PL [3SG.N.ABS]CSL-1PL.ERG-собирать-NPST.DCL
 ‘мы соберем ежевику’ (txt)

Важной особенностью грамматики западнокавказских языков является слабое противопоставление знаменательных частей речи. В случае абазинского это проявляется в том, что практически любая знаменательная основа, как простая, так и сложная, может быть помещена в предикативную позицию и оформлена соответствующей глагольной морфологией, ср. примеры (7а) и (7б).

- (7) а. *дгылаб*
d-gəla-b
 3SG.H.ABS-стоять-NPST.DCL
 ‘он(а) стоит’ (е)
- б. *Сарá сан дадыгъáб.*
sará s-an d-adəgʷá-b
 я 1SG.PR-мать 3SG.H.ABS-адыг-NPST.DCL
 ‘Моя мать черкешенка’. (txt)

Напротив, с помощью релятивизации глагольные словоформы могут помещаться в актантные позиции. Так, в примере (8а) абсолютным актантом является существительное «ее язык», а в примере (8б) в той же синтаксической роли выступает релятивная форма глагола ‘приходить’; дополнительный параллелизм обеим конструкциям сообщает использование аддитивного суффикса.

- (8) а. *Лыбызйвагъи хIлырдыр.*
lə-bəzʕa-gʷəj h-lə-r-dər-d
 3SG.F.PR-язык-ADD [3SG.N.ABS]1PL.IO-3SG.F.ERG-CAUS-знать[AOR]-DCL
 ‘Она научила нас и своему языку’. (txt)
- б. *ЙгIа́йкwaзгъи ркIва́б́и́мI.*
j-ʕá-j-kʷa-z-gʷəj r-kʷab-əj-ɬ
 REL.ABS-CSL-идти-PL-PST.NFIN-ADD [3PL.ABS]3PL.ERG-купать-PRS-DCL
 ‘Они купают и тех, кто пришел’. (txt)

Тем не менее грамматические различия между именами и глаголами в абазинском имеются: в частности, глагольные формы, даже с префиксами релятивизации, не могут присоединять префикс определенности и индексировать посессора. Единственные отглагольные образования, способные становиться полноценными именами и принимать именную морфологию, — номинализации, в частности масдар с суффиксом *-ra* (этот суффикс омонимичен, по крайней мере синхронно, глагольному показателю нефинитного будущего, см. ниже), ср. пример (9а), где личный префикс в составе номинализации имеет референцию к субъекту, при том что личный префикс в той же позиции в составе глагольной словоформы мог бы обозначать лишь получателя помощи (9б).

- (9) а. *Дазпиуата уа уцхърагIара <...>*
d-a-z.pʕ-wa-ta wa w-c-ɣraʕa-ra
 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-ждать-IPF-ADV ты.М 2SG.M.PR-COM-помогать-MSD
 ‘Она ждет твоей помощи’. (АП: 14, Али Ионов)

- b. <...> *самуьыханцІыкІьара сырцхърагІамІ.*
s-a-m-wə-χa-nçəq'ara sə-r-c-qraśa-t
 1SG.ABS-DAT-NEG-мочь-INC-UNTIL 1SG.ABS-3PL.IO-COM-помогать[AOR]-DCL
 ‘До тех пор, пока я не стала немощной, я помогала им’. (txt)

Как уже было сказано, через всю глагольную систему абазинского языка проходит противопоставление финитных и нефинитных форм. Исходя из семантико-синтаксического критерия (не)финитности как (не)способности глагольной формы возглавлять независимую предикацию, а также опираясь на морфологические критерии, о которых подробнее пойдет речь ниже, в абазинском можно выделить следующие классы финитных и, соответственно, нефинитных форм:

1. Финитные формы.

1.1. Декларативные формы, выражающие ассерцию.

1.1.1. Неотрицательные, см. примеры выше.

1.1.2. Отрицательные, ср. (10).

- (10) *дгълымдърхд*
d-g'-lə-m-dər-χ-d
 3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.F.ERG-NEG-знать[AOR]-RE-DCL
 ‘она его не знала’ (txt)

1.2. Общевопросительные формы.

1.2.1. Неотрицательные, ср. (11a).

1.2.2. Отрицательные, ср. (11b).

- (11) a. *Йыздырхуазма цта?*
jə-z-dər-χ-wa-z-ta *š'la*
 3SG.N.ABS-1SG.ERG-знать-RE-IPF-PST.NFIN-Q PTCL
 ‘Разве я помнил это?’ (txt)

- b. *Уыгъымпхацума?*
wə-g'ə-m-pχaś'-əw-ta
 2SG.M.ABS-NEG.EMP-NEG-стыдиться-IPF-Q
 ‘Тебе не стыдно?’ (txt)

1.3. Частновопросительные формы (актантные и обстоятельственные), ср. (12a–b).

- (12) a. *Йуьцквезда?*
j-wə-c-k^wa-z-da?
 REL.ABS-2SG.M.IO-быть_вместе-PL-PST.NFIN-Q.H
 ‘Кто с тобою был?’ (txt)
- b. *Ари́ а́хча нба́гІазгъыч?*
arəj aχč'a n-bá-χa-z-kəč'?
 PROX.SG DEF+деньги REL.TMP-QADV-CSL-1SG.ERG-красть
 ‘Где я украл эти деньги?’ (txt)

1.4. Прочие неассертивные формы (императив, прохибитив, оптатив, пермиссив), ср. (13a–d).

- (13) a. *йрахІв*
j-r-a-h^w
 3SG.N.ABS-3PL.IO-DAT-говорить[IMP]
 ‘скажи им [это]’ (txt)

- b. *Ауи ақжомғи бымхІван.*

awəj a-qawm-g'əj bə-m-h"ə-n
DIST.SG DEF-столько-ADD 2SG.F.ERG-NEG-говорить-PRON

‘Столько не говори’. (txt)

- c. *УиғІанхаз ацқІысғи упсыхында!*

w-š-ša-nxa-z aqkas-g'əj w-psə-xə-nda!
2SG.N.ABS-REL.MNR-CSL-оставаться-PST.NFIN 3SG.N.IO+чем-ADD 2SG.M.ABS-умирать-RE-OPT

‘Лучше бы тебе умереть, чем остаться таким, какой ты есть!’ [Табулова 1976: 159]

- d. *АзгІв́а́дара хІымазтІ.*

a-zʕ"áda-ra hə-ma-z-ʕ
DEF-здоровый-NML 1PL.IO-иметься-PRM.ST-DCL

‘Пусть у нас будет здоровье’. (txt)

2. Нефинитные формы⁴.

- 2.1. Релятивные формы (актантные и обстоятельственные), ср. (14a–b), и основанные на них формы (обобщенно-уступительные и некоторые иные обстоятельственные), ср. (15a–b).

- (14) a. *сзырпхъаз йтагв́жва*

s-zə-r-px'a-z j-tag"za
1SG.ABS-REL.ERG-CAUS-ночевать-PST.NFIN 3SG.M.PR-жена
‘жена того, кто дал мне ночлег’ (АП: 15, Али Ионов)

- b. *хІанц́а́хра хІапсқ́а́ ʔ́ацІу анны*

h-an-cá-x-ra ha-ps-k"á ʔ́á-ʕ-əw a-pnə
1PL.ABS-REL.TMP-идти-RE-FUT.NFIN 1PL.PR-мертвый-PL REL.LOC-быть.под-PRS.NFIN 3SG.N.IO-возле

‘когда мы вернемся туда, где лежат наши покойники’ (txt)

- (15) a. *Б́а́цалақ́ѓи сбы́црғарғамІ.*

b-ʔ́a-ca-la-ʕ-g'əj s-bə-cə-r-ga-rʕaʕ
2SG.F.ABS-CSL-идти-CNC-INDF-ADD 1SG.ABS-2SG.F.IO-COM-3PL.ERG-нести-PRM.DYN

‘Куда бы ты ни ушла, пусть меня возьмут с тобой’. [Табулова 1976: 189]

- b. *Амара иташв́узбырг йгІалахъвлатІ.*

a-mara š-ta-š-əw-z-bərg j-ša-la-q"la-t
DEF-солнце REL.MNR.LOC-падать-IPF-PST.NFIN-IMMED 3SG.N.ABS-CSL-LOC-смеркаться[AOR]-DCL

‘Как только село солнце, сразу наступили сумерки’. [Табулова 1976: 211]

2.2. Форма без специальных показателей, ср. (16).

- (16) *ХІдзцау́а хІа́лагамІ.*

h-zca-wá h-á-la-ga-t
1PL.ABS-плавать-IPF 1PL.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать[AOR]-DCL

‘Мы начали плавать’. (txt)

2.3. Формы с адвербиальным показателем, ср. (17a–b).

- (17) a. *АхІа́къварала хІ́ылачІв́ата тыхІырпх́у́н.*

a-háq"ara-la hə-la-ʕa-ta ʕ-hə-r-px-əw-n
DEF-гравий-INS 1PL.ABS-LOC-сесть-ADV RFL-1PL.ERG-CAUS-согреваться-IPF-PST.DCL

‘Сев на камушки, мы согрелись’. (txt)

⁴ Я сознательно исключаю из рассмотрения упомянутый выше масдар, который в разных употреблениях демонстрирует различные наборы именных и глагольных свойств, чтобы ограничиться лишь несомненно глагольными формами.

- b. *XIɬaɪyáxánta ɯýmɬá-namáz xɪatáɯaxuán.*
h-ɬa-j-χ-wá-n-ta *ʃ'əmtá-namáz* *h-atá-ca-χ-wa-n*
 1PL.ABS-CSL-идти-RE-IPF-PST.DCL-ADV утро-заря 1PL.ABS-REP-идти-RE-IPF-PST.DCL
 'Мы возвращались на заре, [а потом] опять уходили'. (txt)

2.4. Формы с суффиксами специализированных конвербов (таксисных, условных, уступительных, целевых и т. п.), ср. (18a–c).

- (18) a. *Hína ɔɬasɯxɥrýɬumɯa ɯɪanɪkwá sɥíkɯlyrɣylxɔ.*
nína d-ɬa-s-c-qrɔ́ɬ-əw-mca *s-ʃ'ap-kʷá*
 Нина 3SG.H.ABS-CSL-1SG.IO-COM-помогать-IPF-SIM 1SG.PR-нога-PL
s-rɔ́-kʷ-lə-r-gəl-χ-d
 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-3SG.F.ERG-CAUS-стоять[AOR]-RE-DCL
 'Нина, помогая мне, поставила меня снова на ноги'. (txt)
- b. *Uýjɯkwá tuɯɬyɯtɯn <...> áraɣɣɣa ýýɣɣ ýýɪta.*
wá-ɛ-kʷa *tə-w-ɕ-əw-ɯtən* *<...>* *á-raχʷ.χɕ'a* *jə-χʷ*
 2SG.M.PR-корова-PL LOC.ELAT-2SG.M.ERG-гнать-IPF-COND.REAL DEF-пастух 3SG.M.PR-цена
jə-ta
 [3SG.N.ABS]3SG.M.IO-давать[IMP]
 'Если выгоняешь скот, <...> плати пастуху'. (txt)
- c. *Ayat cɬarɣɣɣhɣarɣnɣs ɯɯɯɪmɪ.*
awat s-ɬa-rə-pχ'a-rnəs *s-ʃ-əj-t*
 DIST.PL 1SG.ABS-CSL-3PL.IO-читать-PURP 1SG.ABS-бояться-PRS-DCL
 'Я боюсь их [свои стихи] читать'. (АП: 16, Фатима Апсова)

В следующем разделе, не разбирая подробно особенностей употребления отдельных форм из указанных классов, я остановлюсь на их морфологических характеристиках, коррелирующих с (не)финитностью.

3. Морфологические корреляты (не)финитности

В абазинском языке можно выделить четыре типа морфологических коррелятов (не)финитности, различающихся тем, насколько непосредственно или, наоборот, опосредованно они выражают именно (не)зависимый синтаксический статус клаузы.

Во-первых, это суффикс *-t/-d* (его фонетический облик является параметром социолингвистического и диалектного варьирования), условно обозначаемый как «декларатив», единственная функция которого — маркировать глагольную форму как независимую. Данный аффикс появляется по умолчанию в ассертивных (индикативных) формах как динамических, так и статических глаголов при условии, что они не содержат иных показателей, выражающих ассертивность кумулятивно с временем (см. ниже). Кроме того, я предлагаю выделять суффикс декларатива также в формах пермиссива, традиционно рассматриваемых как маркированные целевыми суффиксами *-ɯt/-ɯd* и *-rɕat/-rɕad*, ср. [Табулова 1976: 157–159]. Содержательным аргументом в пользу такого решения служит тот факт, что декларативные формы, в первую очередь немаркированный аорист, могут и сами по себе выражать пермиссивное или оптативное значение [Чкадуа 1970: 135], ср. примеры (19a–b).

- (19) a. *Aɬɬwáɬara xɪɪmazmɪ.* (=13d)
a-zɬʷáda-ra *hə-ma-z-t*
 DEF-здоровый-NML 1PL.IO-иметься-PRM.ST-DCL
 'Пусть у нас будет здоровье'. (txt)

b. *УызгIвадахатI.**wə-zɣʷada-χa-t*

2SG.ABS.M-здоровый-INC[AOR]-DCL

‘Благодарю тебя (букв. пусть ты будешь здоров)’. (с)

Во-вторых, это показатели, с одной стороны, косвенных наклонений, выражающих не-ассертивные речевые акты и в общем случае неспособных выступать в подчиненной синтаксической позиции, и, с другой стороны, многочисленные показатели конвербов, релятивизации и их комбинации, появление которых в составе глагольной формы при прочих равных исключает ее независимое использование (о ряде отступлений от этих общих правил пойдет речь в следующем разделе).

В-третьих, это показатели времени, распределяющиеся по финитной и нефинитной парадигмам. Здесь необходимо подробнее остановиться на структуре видо-временной системы абазинского языка (см. подробнее [Чкадуа 1970; Клягина 2018: 24–49]). Как и во всех западнокавказских языках, в абазинском противопоставляются динамические и статические глаголы, различающиеся как набором видо-временных форм, так и способами их оформления. Если статические глаголы (к которым относятся закрытый класс предикатов позиции и состояния, результативные формы динамических глаголов, а также все имена в предикативной позиции) различают лишь формы настоящего и прошедшего времен (формы будущего времени при необходимости образуются путем предварительной «динамизации» с помощью специальных суффиксов), то динамические глаголы различают перфективные и имперфективные формы прошедших времен, а также две формы будущего времени, одна из которых маркируется так же, как презенс статических глаголов. Важнейшим противопоставлением, последовательно проходящим через всю систему времен у обоих классов глаголов, является оппозиция **простых** и **ретроспективизированных** форм. Последние характеризуются единством морфологического оформления с помощью выступающего в финитном и нефинитном вариантах суффикса **ретроспективного сдвига** (в глоссах обозначаемого как PST) и определенной общностью семантики, переносящей ситуацию на шаг в прошлое (о показателях ретроспективного сдвига см., например, [Плунгян 1998; Сичинава 2013: 18–21; Plungian, van der Auwera 2006: 344]).

В таблицах 3 и 4 представлены, соответственно, парадигмы показателей простых и ретроспективизированных финитных и нефинитных неотрицательных форм времен статических и динамических глаголов.

Таблица 3

Неотрицательные формы
простых времен

	Финитные	Нефинитные
Статический презенс	<i>-p/b</i>	<i>-əw</i>
Динамический презенс	<i>-əj-t/d</i>	<i>-wa</i>
Аорист	<i>-t/d</i>	∅
Будущее I	<i>-wa-š-t/d</i>	<i>-wa-š</i>
Будущее II	<i>-p/b</i>	<i>-ra</i>

Таблица 4

Неотрицательные формы
ретроспективизированных времен

	Финитные	Нефинитные
Статический претерит	<i>-n</i>	<i>-z</i>
Имперфект	<i>-wa-n</i>	<i>-wa-z</i>
Динамический претерит	<i>-n</i>	<i>-z</i>
Конъюнктив I	<i>-wa-šə-n</i>	<i>-wa-šə-z</i>
Конъюнктив II	<i>-rə-n</i>	<i>-rə-z</i>

Как видно, противопоставление финитных и нефинитных временных форм проявляется несколькими способами. Наиболее очевидно и последовательно оно в подсистеме ретроспективизированных форм, где (не)финитность выражается кумулятивно с собственно ретроспективным сдвигом, а сами показатели *-n* (финитный) и *-z* (нефинитный) присоединяются к идентичным основам. В подпарадигме же простых времен финитность

реализуется в употреблении уже упомянутого суффикса декларатива *-t/-d* в формах динамического презенса, аориста и будущего I, а также суффикса декларатива непрошедшего времени *-p/-b* в формах статического презенса и будущего II⁵ (кроме того, тот же суффикс используется в формах инферентива, см. ниже). Соответствующие нефинитные формы отличаются от финитных в первую очередь отсутствием декларативных суффиксов. Кроме того, финитные и нефинитные формы могут различаться особыми показателями времени, ср. финитный динамический презенс, нефинитный статический презенс, нефинитный футурум II, а также использование имперфективного⁶ суффикса *-wa* в нефинитном динамическом презенсе.

Наконец, обращает на себя внимание то, что у динамических глаголов основой для образования ретроспективизированных форм служат соответствующие нефинитные. Обратившись к отрицательным формам, мы обнаруживаем там ту же картину, см. таблицу 5, в которой приведены отрицательные формы простых времен (отрицательные корреляты ретроспективизированных форм в силу их морфологических особенностей будут рассмотрены в следующем разделе). Обозначения Π и Σ в таблице соответствуют морфологическим зонам «превербов» и «основы» в позиционной структуре, приведенной в таблице 1.

Таблица 5

Отрицательные формы простых времен

	Финитные	Нефинитные
Статический презенс	<i>g'-Π-Σ-m</i>	<i>Π-Σ-m</i>
Динамический презенс	<i>g'-Π-Σ-wa-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa</i>
Аорист	<i>g'-Π-m-Σ-t/d</i>	<i>Π-m-Σ</i>
Будущее I	<i>g'-Π-Σ-wa-šə-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa-š</i>
Будущее II	<i>g'-Π-Σ-rə-m</i>	<i>Π-m-Σ-ra</i>

Легко видеть, что и финитные, и нефинитные отрицательные формы динамических глаголов образуются от соответствующих нефинитных форм (ср. [Табулова 1976: 154]). Единственное исключение из этого правила — финитный отрицательный аорист, в котором сохраняется суффикс декларатива *-t/-d* и в силу этого отрицательный показатель помещается перед основой. Различия между финитными и нефинитными отрицательными формами проявляются в том, что в финитных формах отрицание выражается дважды: амбификсом *-m-* и префиксом *g'-* в позиции -11 , по происхождению являющимся эмфатической частицей [Гванцеладзе 2010: 44–45; Пазов 2019]. Что касается позиции показателя отрицания *-m-*, то, хотя на основании данных в таблице 5 может создаться впечатление, будто в финитных формах он по умолчанию является суффиксом, а в нефинитных — префиксом, ниже мы увидим, что это не так.

Не вполне коррелирует с финитностью и распределение эмфатического отрицательного префикса *g'-*: он выступает не во всех формах, способных возглавлять независимую клаузу, но лишь в ассертивных и общевопросительных, ср. пример (11b) выше. В формах прохибитива (13b), пермиссива и оптатива отрицание выражается лишь аффиксом *m-*, ср. (20a–b), и с этой точки зрения формы косвенных наклонений попадают на один класс с нефинитными формами конвербов и релятивизации, ср. (21a–b).

⁵ Семантически две формы будущего времени противопоставлены как нейтральная (футурум I) и модализованная (футурум II); замечу, что в абазоведческой литературе [Чкадуа 1970: 147–152; Табулова 1976: 151–152] обозначения для будущих времен зеркальны по сравнению с принятыми здесь.

⁶ Суффикс *-wa* используется как показатель имперфективного аспекта в формах (нефинитного) презенса и имперфекта, однако в формах будущего I и некоторых условных конструкциях он утратил аспектуальное значение.

- (20) а. *ЙыквымивтырꞑIamI xIажва къвышква упыкв!*
jə-kʷə-m-štə-rʃa-ʔ *h-aʒa-qʷəʃ-kʷa* *w-pəkʷ!*
 3PL.ABS-LOC.ELAT-NEG-падать-PRM.DYN-DCL 1PL.PR-слово-хитрый-PL 2SG.M.PR-губы
 ‘Пусть не прекращается поток наших мудрых слов с твоих уст (букв. «пусть наши хитрые слова не соскакивают с твоих уст»)’. (АРПК, Лариса Шебзухова)
- б. *заджвгъи сйымбанда*
zaʒ-gʷəj s-jə-m-ba-nda
 один-ADD 1SG.ABS-3SG.M.ERG-NEG-видеть-OPT
 ‘не видел бы меня никто’ [Табулова 1976: 159]
- (21) а. *ЙꞑIamkIkyзтын — айачIва гъйачIвам.*
j-ʃa-m-kk-əw-ztən *a-jaʃa* *gʷ-jaʃa-m*
 3SG.N.ABS-CSL-NEG-светить-IPF-COND.REAL DEF-звезда NEG.EMP-звезда-NEG
 ‘Если звезда не сверкает, то это не звезда’. [Табулова 1976: 161]
- б. *Анйрымтра асхъан бесплътно ауи дгъынхушым.*
an-jə-rə-m-t-ra *ásqan* *besplátna*
 REL.TMP-3SG.M.IO-3PL.ERG-NEG-давать-FUT.NFIN время бесплатно
awəj d-gʷə-n.χ-əw-ʃə-m
 DIST.SG 3SG.H.ABS-NEG.EMP-работать-IPF-FUT-NEG
 ‘Когда не дадут [денег], он бесплатно работать не будет’. (txt)

Сходная с отрицательными формами модель образования наблюдается также у подпарадигмы инферентивных форм, демонстрирующих нетривиальные особенности морфологии (подробнее см. [Табулова 1976: 166–170; Панова 2019: 39–41]; о соответствующей форме в абхазском языке см. [Hewitt 1979a; Chirikba 2003a]). Инферентив образуется от нефинитных форм простых времен статических и динамических глаголов прибавлением суффикса *-za*, за которым следует либо суффикс непрошедшего времени декларатива *-p* / *-b* (в простых временах), либо комбинация суффикса нефинитного будущего *-rə* с финитным показателем ретроспективного сдвига *-n*. Иными словами, суффикс инферентива как бы выступает в формах будущего II или конъюнктива II, см. таблицу 6. Инферентивные формы в силу своей эпистемической семантики допустимы лишь в независимом предложении и тем самым не имеют нефинитных коррелятов.

Таблица 6

Неотрицательные формы инферентива

Простые	Ретроспективизированные
Статический презенс <i>-za-p</i>	Статический претерит <i>-za-rə-n</i>
Динамический презенс <i>-wa-za-p</i>	Имперфект <i>-wa-za-rə-n</i>
Аорист <i>-za-p</i>	Динамический претерит <i>-za-rə-n</i>
Будущее I <i>-wa-ʃ-za-p</i>	Конъюнктив I <i>-wa-ʃ-za-rə-n</i>

Морфологическое своеобразие инферентивных форм состоит в том, что они содержат два уровня временной морфологии, ср. [Панова 2020: 108]: показатели простых времен предшествуют суффиксу *-za*, а показатель ретроспективного сдвига следует за ним, при том что оба ряда показателей имеют в своей сфере действия ситуацию, относительно которой говорящий высказывает выраженную инферентивом эпистемическую оценку, ср. (22a–b).

- (22) а. *Абзара сайꞑвꞑузанI са щардачвала.*
a-bza:ra s-aʒgʷə-əw-za-p *sa ʃʷarda-ča-la*
 DEF-жизнь 1SG.ABS-надеяться-IPF-INFR-NPST.DCL я много-INTF-INS
 ‘Я, видимо, слишком надеюсь на жизнь’. (АП: 16, Фатима Апсова)

b. *бсызпиуазарын**b-sə-z.pš-wa-za-rə-n*

2SG.F.ABS-1SG.IO-ждать-IPF-INFR-FUT.NFIN-PST.DCL

‘видимо, ты ждала меня’ [Табулова 1976: 167]

Отрицательные формы инферентива, подобно ассертивным формам, включают в свой состав эмфатический отрицательный префикс *g’-*; формы простых времен образуются присоединением инферентивной морфологии к соответствующим отрицательным формам, ср. (23); отрицательные корреляты ретроспективизированных форм инферентива будут рассмотрены в следующем разделе.

(23) *дгъыймбазанI**d-g’-jə-m-ba-za-p̃*

3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.M.ERG-видеть-INFR-NPST.DCL

‘он его, наверное, не увидел’ [Чкадуа 1970: 52]

Наконец, по крайней мере некоторые формы косвенных наклонений демонстрируют сходную с синтаксически нефинитными формами сочетаемость с нефинитными показателями времен, например будущего *-ra* / *-rə* и ретроспективного сдвига *-z*, ср. интеррогатив и оптатив (24a–b) с темпоральной релятивизацией в (21b) и кондиционалом в (24c).

(24) a. *Йызыдырхуазма цта?* (=11a)*jə-z-dər-χ-wa-z-ma**š’ta*

3SG.N.ABS-1SG.ERG-знать-RE-IPF-PST.NFIN-Q PTCL

‘Разве я помнил это?’ (txt)

b. *Ай, алымхларыгIв гIаскIындара!**aj, a-ləmhərəʃ^w ʃa-s-ķə-nda-ra!*

ай DEF-бабочка CSL-1SG.ERG-поймать-OPT-FUT.NFIN

‘Ах, поймать бы мне эту бабочку!’ [Табулова 1976: 159]

c. *Сара йгIасцIгIларыквыз: <...> Джъауанта йсIварын: <...>**sara j-ʃa-s-ʃa-rək^wnə-z: <...>**ʒ’awap-ta*

я 3PL.ABS-CSL-1SG.IO-спрашивать-COND-PST.NFIN ОТВЕТ-ADV

j-s-h^wa-rə-n: <...>

3SG.N.ABS-1SG.ERG-сказать-FUT.NFIN-PST

‘Если бы меня спросили: <...>, я бы ответил: <...>’. (АП: 14, Али Ионов)

Предварительно суммируя рассмотренные выше формы, таблица 7 схематически представляет распределение выделенных проявлений (не)финитности в абазинском языке.

Распределение коррелятов (не)финитности

Таблица 7

Глагольные формы	Независимое употребление	Суффиксы декларатива	Ретроспективный сдвиг	Нефинитное будущее <i>-ra</i>	Эмфатическое отрицание <i>g’-</i>
ассертивные неотрицательные	+	+	<i>-n</i>	(+)	n/a
ассертивные отрицательные	+	-/+	<i>-z</i> , см. ниже	+	+
интеррогатив	+	—	<i>-z</i> , см. ниже	+	+
инферентив	+	+	<i>-n</i>	+	+
императив, прохибитив	+	—	—	—	—
оптатив, пермиссив	+	-/+	<i>-z</i>	+	—
релятивизации	—	—	<i>-z</i>	+	—
конвербы	—	—	<i>-z</i>	—	—

Уже из предшествующего частичного рассмотрения становится ясно, что различные способы морфологического маркирования (не)финитности в абазинском языке не вполне коррелируют ни между собою, ни с синтаксическим критерием независимой предикации. Тем не менее можно утверждать, что максимальным набором морфологических признаков финитности обладают неотрицательные ассертивные формы, являющиеся и прототипически финитными с функционально-семантической точки зрения. Прочие же формы (отрицательные ассертивные, неассертивные независимые и тем более зависимые) либо сочетают в своем составе морфологические показатели как финитности, так и нефинитности, либо вовсе лишены каких-либо маркеров финитности.

В следующем разделе несколько типов форм, особенно ярким образом совмещающих финитные и нефинитные морфологические и синтаксические свойства, будут рассмотрены более подробно.

4. «Парадоксы» (не)финитности

В абазинском языке имеется несколько классов глагольных форм, демонстрирующих нетривиальное сочетание финитных и нефинитных свойств на морфологическом и синтаксическом уровнях. Их можно разделить на три класса. Во-первых, это финитные (т. е. возглавляющие независимые клаузы) формы, явным образом включающие в свой состав морфологические показатели, обычно однозначно сигнализирующие о нефинитности. Три типа таких форм будут рассмотрены в разделе 4.1. Во-вторых, это «зеркальный» случай, т. е. нефинитные (неспособные возглавлять независимую клаузу) формы, содержащие морфологические показатели, при прочих равных явно указывающие на финитность. Относящиеся к этому типу формы с адвербиальным суффиксом *-ta* будут рассмотрены в разделе 4.2. Наконец, в-третьих, это форма, способная без каких-либо морфологических модификаций использоваться и в независимой, и в зависимой предикации, а именно динамический претерит с финитным вариантом суффикса ретроспективного сдвига *-n*; о нем пойдет речь в разделе 4.3.

4.1. Финитные формы на основе нефинитных

В предыдущем разделе мы уже видели, что некоторые синтаксически финитные формы, в частности отрицательные корреляты простых времен и неотрицательные ретроспективизированные формы, строятся на основе соответствующих нефинитных форм. Ниже мы рассмотрим еще несколько типов финитных форм, образующихся путем «финитизации» морфологически и синтаксически нефинитных.

Начнем с отрицательных форм ретроспективизированных времен, которые приведены в таблице 8 (с. 117), в которой для сравнения также показаны отрицательные формы простых времен из таблицы 5.

Из сравнения верхней и нижней частей таблицы 8 очевидно, что нефинитные отрицательные формы ретроспективизированных времен образуются прибавлением нефинитного показателя ретроспективного сдвига *-z* к нефинитным формам соответствующих простых времен. Еще интересней структура финитных отрицательных форм ретроспективизированной серии: они образуются прибавлением суффикса декларатива *-t / -d* и отрицательного префикса *g'-* к соответствующим нефинитным формам. Тем самым в этих формах подряд следуют два показателя с противоположными значениями категории финитности (ср. [Табулова 1976: 153]), см. глоссы в примерах (25a–b).

Таблица 8

Отрицательные формы простых и ретроспективизированных времен

	Финитные	Нефинитные
Простые		
Статический презенс	<i>g'-Π-Σ-m</i>	<i>Π-Σ-m</i>
Динамический презенс	<i>g'-Π-Σ-wa-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa</i>
Аорист	<i>g'-Π-m-Σ-ʈ/d</i>	<i>Π-m-Σ</i>
Будущее I	<i>g'-Π-Σ-wa-šə-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa-š</i>
Будущее II	<i>g'-Π-Σ-rə-m</i>	<i>Π-m-Σ-ra</i>
Ретроспективизированные		
Статический претерит	<i>g'-Π-Σ-mə-z-ʈ/d</i>	<i>Π-Σ-mə-z</i>
Имперфект	<i>g'-Π-m-Σ-wa-z-ʈ/d</i>	<i>Π-m-Σ-wa-z</i>
Динамический претерит	<i>g'-Π-m-Σ-z-ʈ/d</i>	<i>Π-m-Σ-z</i>
Конъюнктив I	<i>g'-Π-m-Σ-wa-šə-z-ʈ/d</i>	<i>Π-m-Σ-wa-šə-z</i>
Конъюнктив II	<i>g'-Π-m-Σ-rə-z-ʈ/d</i>	<i>Π-m-Σ-rə-z</i>

(25) а. *сгьампхъаз**s-g'-a-m-pχ'a-z-d*

1SG.ABS-NEG.EMP-3SG.N.IO-NEG-учиться-PST.NFIN-DCL

‘я не училась’ (txt)

б. *закIгьы гьстахьымызмI**zak-g'əj g'-s-taqə-mə-z-ʈ*

один-ADD NEG.EMP-1SG.IO-хотеть-NEG-PST.NFIN-DCL

‘я ничего не хотела’ (txt)

Теоретически оппозиция между финитными и нефинитными ретроспективизированными формами в отрицательной парадигме могла бы быть устроена так же, как в неотрицательной, а именно — опираться на противопоставление нефинитного (-z) и финитного (-n) вариантов показателя ретроспективного сдвига. О причинах, по которым абазинский «предпочел» более сложный и «парадоксальный» способ выражения, можно лишь догадываться, но возможно, что они кроются в относительной хронологии образования разных классов форм. Интересно, что в абхазском языке [Chirikba 2003b: 44], где финитные и нефинитные ретроспективизированные формы имперфекта и обоих конъюнктивов различаются позицией отрицательного показателя -m- (суффиксальной в финитных формах, префиксальной в нефинитных), сам принцип «финитизации» форм с суффиксом -z с помощью показателя декларатива выдерживается в точности как в абазинском, ср. примеры (26a–b).

(26) АБХАЗСКИЙ [Chirikba 2003b: 44]

а. *jə-rə-m-ga-wa-z*

REL.ABS-3PL.ERG-NEG-нести-IPF-PST.NFIN

‘то, что они не несли’

б. *də-r-ga-wa-mə-z-ʈ*

3SG.H.ABS-3PL.ERG-нести-IPF-NEG-PST.NFIN-DCL

‘они не несли его’

Тот же способ образования отрицания представлен и у ретроспективизированных форм инферентива (ср. пример (27)), что особенно примечательно, если вспомнить, что

инферентив вообще не имеет нефинитных форм. Тем самым отрицательные формы вроде (27) можно рассматривать как образованные либо «мнимой» (чисто морфологической) «инфинитизацией» с последующей «финитизацией», либо нечленимой комбинацией суффиксов *-z-t* (такая трактовка, по крайней мере, на уровне морфологического членения, представлена в [Табулова 1976: 170])⁷.

(27) *də-g'-ʒa-mə-j-s-za-rə-z-t*

3SG.H.ABS-NEG.EMP-CSL-NEG-ИДТИ-NONDUM-INFR-FUT.NFIN-PST.NFIN-DCL

‘Он(а), вероятно, еще не пришел / пришла’. [Табулова 1976: 170]

Другой тип синтаксически финитных форм, строящихся на базе нефинитных, — интеррогативные глагольные формы, использующиеся для частных вопросов к актантам и сирконстантам (об их структуре и типологическом своеобразии см. [Пазов 2016; Аркадьев 2018; Arkadiev 2020]). Основой для интеррогативной подпарадигмы служат формы релятивизации, к которым присоединяются специализированные вопросительные аффиксы: суффиксы *-da* (если переменная вопроса — лицо), *-ja* (если переменная вопроса не лицо) и префикс *ba-/pa-* в позиции –11 для вопросов к сирконстантам. Нижеследующие примеры иллюстрируют релятивизацию абсолютива (28а), эргатива (29а) и времени (30а) и соответствующие вопросительные формы (28b), (29b) и (30b).

(28) а. *Зарина йылхвгIауа ахи сыжвитI.*

[*zarina jə-l-χʷʒa-wa*]

Зарина REL.ABS-3SG.ERG-покупать-IPF

a-χʂ

DEF-МОЛОКО

sə-ž-əj-t

1SG.ERG-ПИТЬ-PRS-DCL

‘Я пью молоко, которое покупает Зарина’. (е) [Arkadiev, Caponigro 2021: 81]

б. *Зарина йылхвгIауаја?*

zarina jə-l-χʷʒa-wa-ja?

Зарина REL.ABS-3SG.ERG-покупать-IPF-Q.N

‘Что покупает Зарина?’ (е) [Ibid.]

(29) а. *уызыршваз агIвчIвгIвыс*

[*wə-zə-r-ʂa-z*]

2SG.M.ABS-REL.ERG-CAUS-бояться-PST.NFIN

a-ʃʷʂʷəs

DEF-человек

‘человек, который тебя напугал’ (е)

б. *Уызыршвада?*

wə-zə-r-ʂa-da?

2SG.M.ABS-REL.ERG-CAUS-бояться-Q.H

‘Кто тебя напугал?’ (е)

(30) а. *Лан дангIаіх асхъан асабиі дгълымдырхд.*

[*l-an*

d-an-ʂa-j-χ]

3SG.F.PR-мать

3SG.H.ABS-REL.TMP-CSL-ИДТИ-RE

ásqan

время

a-sabəj

DEF-ребенок

d-g'-lə-m-də-r-χ-d

3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.F.ERG-NEG-знать-RE-DCL

‘Когда ее мать вернулась, она не знала [про] ребенка’. (txt)

б. *УанбáгIаіх?*

w-an-bá-ʂa-j-χ?

2SG.M.ABS-REL.TMP-Q.ADV-CSL-ИДТИ-RE

‘Когда ты пришел?’ (е)

⁷ Стоит отметить, что в [Чкадуа 1970: 94] приводится иной способ образования таких форм, при котором показатель инферентива выступает в форме *-za-rə-n*, ср. *j-g'-rə-m-hʷ-əw-za-rə-n* 3SG.N.ABS-NEG.EMP-3PL.ERG-NEG-сказать-IPF-INFR-FUT.NFIN-PST.DCL ‘они, наверное, не говорили этого’. Тот же способ образования, согласно Л. П. Чкадуа [Там же], представлен и в абхазском, что может

Следует особо подчеркнуть, что формы с вопросительными аффиксами допускаются только в независимых клаузах; в косвенных вопросах используются соответствующие релятивные формы [Arkadiev, Caponigro 2021]:

- (31) а. *ЙкIаишваз(*-йа) дубама?*
[j-ka-sa-z(-ja)]* *də-w-ba-ma?*
 REL.ABS-LOC-падать-PST.NFIN(*-Q.N) 3SG.H.ABS-2SG.M.ERG-видеть[AOR]-Q
 ‘Ты видел, что упало?’ (е) [Arkadiev, Caponigro 2021: 83]
- б. *Ужвыгъи дыгъсыздырам ахIвранидзаква зыстуаш(*-да).*
wʒə-g'əj *də-g'-sə-z-dəra-m*
 теперь-ADD 3SG.H.ABS-NEG-1SG.IO-POT-ЗНАТЬ-NEG
[a-h'rapšʒa-k'wa *zə-s-t-wa-š(*-da)]*
 DEF-цвeток-PL REL.IO-1SG.ERG-давать-IPF-FUT(*-Q.H)
 ‘Я еще не знаю, кому подарю цветы’. (е) [Ibid.: 84]
- с. *Йыбдырхума акътап ъа(*ба)цмIабыIаз?*
jə-b-dəg-χ-əw-ma *[a-k'ɪap* *ʔa-(*ba)-š'ɪa-b-çə-z]?*
 3SG.N.ABS-2SG.F.ERG-ЗНАТЬ-RE-IPF-Q DEF-книга REL.LOC-(*QADV)-LOC-2SG.F.ERG-класть-PST.NFIN
 ‘Ты помнишь, куда ты положила книгу?’ (е) [Ibid.: 84]
- (32) а. *Уыгъымпхацума? (= 11b)*
wə-g'ə-m-χaš'-əw-ma
 2SG.M.ABS-NEG.EMP-NEG-стыдиться-IPF-Q
 ‘Тебе не стыдно?’ (txt)
- б. *ЙызIаcáбымхIвйа?*
jə-z-çə-s-á-bə-m-h'w-ja?
 3SG.N.ABS-REL.RSN-CSL-1SG.IO-DAT-2SG.F.ERG-NEG-сказать-Q.N
 ‘Почему ты мне этого не сказала?’⁸ (е)

В самом по себе образовании частновопросительных конструкций на основе релятивизации нет ничего удивительно ни с типологической точки зрения [Givón 2001, II: 237–238, 307–310], ни для западнокавказских языков, см. [Сумбатова 2009; Sumbatova 2009]. Связующим звеном между релятивизацией и частными вопросами являются фокусные конструкции⁹, структурно сходные с так называемым псевдоклефтом, ср. пример (33). Необычной, если не уникальной, является используемая абазинским и абхазским синтетическая техника кодирования частных вопросов вместо более привычных вопросительных слов, выступающих в других западнокавказских языках в позиции главного сказуемого псевдоклефта, ср. пример (34) из адыгейского языка.

- (33) *БабушкIа лакIвнI хIара хIагIахыз.*
babuška *l-aq'w-p* *[hara* *h-za-çə-χə-z]*
 бабушка 3SG.F.IO-COP-NPST.DCL мы 1PL.ABS-REL.ERG-воспитать-RE-PST.NFIN
 ‘Нас воспитала БАБУШКА’. (txt)

указывать на его историческую первичность по сравнению с формами типа (27), образованными по аналогии с неинферентивной парадигмой.

⁸ Вопросительные формы со значением причины и цели образуются по модели актантных интеррогативов с помощью префикса причинной релятивизации *z-*, восходящего к бенефактивному аппликативу.

⁹ О связях неканонической информационной структуры с нефинитностью см. также [Bisang 2016].

- (34) Адыгейский [Сумбатова 2009: 602]

*Сыда о узгъэгумэкIырэр?**səd-a [we wə-z-we-g^wəmeç 'ə-re-r]?]*

что-Q ты 2SG.ABS-REL.ERG-CAUS-беспокоиться-DYN-ABS

‘Почему ты волнуешься (букв. «что есть то, что тебя беспокоит»)?’

Итак, мы видели, что в абазинском есть по меньшей мере два класса глагольных форм, употребляющихся в качестве сказуемого независимого предложения и при этом включающих в свой состав морфологические показатели, в первую очередь характерные для нефинитных форм. Причем если «парадоксальная» структура отрицательных ретроспективизированных форм, сочетающих нефинитный вариант суффикса ретроспективного сдвига с декларативным суффиксом, по всей видимости, является чисто морфологическим «изыском», то за использованием в составе независимых интеррогативных форм префиксов релятивизации стоит вполне понятная диахроническая и функциональная мотивация.

4.2. Нефинитные формы на основе финитных

Второй тип «парадоксальных» с точки зрения (не)финитности абазинских глагольных форм — нефинитные формы, использующиеся в зависимых предикациях и при этом включающие в свой состав морфологические показатели, в прочих случаях однозначно указывающие на независимый статус клаузы. Это формы с адвербиальным суффиксом *-ta*, выступающие в полипредикативных конструкциях, обозначающих несколько ситуаций с одинаковым коммуникативным статусом, обычно связанных отношением временной последовательности (реже одновременности). В таких конструкциях используются морфологически финитные глагольные формы, например статический презенс (35), динамический презенс (36), имперфект (37), футурум (38) или императив (39), и все они, за исключением последней в цепочке, дополнительно маркируются суффиксом адвербиалиса. Важно отметить, что форма, чаще всего выступающая при обозначении последовательных дискурсивно равноценных ситуаций, а именно аорист, в такого рода конструкциях не используется, см. следующий раздел.

- (35)
- XIваджъа дцтIанIта йырхIвакwaуа даздырIвумI.*

*h^waž'a d-š'ta-ṗ-ta**jə-r-h^wa-k^wa-wa*

Ходжа 3SG.H.ABS-лежать-NPST.DCL-ADV REL.ABS-3PL.ERG-сказать-PL-IPF

d-a-z-zər^h-əj-t

3SG.H.ABS-3SG.N.IO-BEN-слушать-PRS-DCL

‘Ходжа лежит и слушает, что они говорят’. (AA: 308)

- (36)
- Адзигу́ра йынкъвыргъэгъи адзы́ дартхумIта, даргъы́ адзы́ йабатагъумIта, йабакIвабумIта, ау́аса йглахъáлхумI.*

*a-zəjwára**jə-nq^wə-r-gá-z-g'əj**a-zə*

DEF-ряженная.кукла REL.ABS-LOC-3PL.ERG-нести-PST.NFIN-ADD DEF-вода

*d-a-r-t-χ-əj-t-ta**dar-g'əj**a-zə*

3SG.H.ABS-3SG.N.IO-3PL.ERG-давать-RE-PRS-DCL-ADV они-ADD DEF-вода

*j-aba-tag^w-əj-t-ta,**j-aba-k^wab-əj-t-ta**awása*

3PL.ABS-REC.ERG-совать-PRS-DCL-ADV 3PL.ABS-REC.ERG-купать-PRS-DCL-ADV так

j-ša-qá-l-χ-əj-t

3PL.ABS-CSL-LOC-войти-RE-PRS-DCL

‘Ряженую куклу, которую они носили, они отдают воде, а сами макают друг друга в воду, купают друг друга, и так поднимаются’. (txt)

- (41) a. *láywəɾʃa mɣamatgʻarəj* ⟨...⟩ *a-z.ʃa.ʔwə-ta* ⟨...⟩ *a-h j-pnə*
 Лоов-APL Магомед Гирей DEF-советник-ADV DEF-царь 3SG.M.IO-возле

¹⁰ Было бы соблазнительно предполагать, что разные типы форм с адвербиальным суффиксом различаются с точки зрения набора синтаксических свойств сочинения и подчинения, однако эмпирическая проверка этого не входила в задачи этой статьи.

də-n.χ-əw-n

3SG.N.ABS-работать-IPF-PST.DCL

‘Магомед-Гирей Лоов служил советником у царя’.

b. *Ayú ýčyn palkóvnikə-n.*

awəj j-č'ən palkóvnikə-n

DIST 3SG.M.PR-чин полковник-PST.DCL

‘Он был в чине полковника’.

c. *Anxhá ayát ádgəyɬ ɣlaryptuán ayéništa kəvyrlybəkəv zħakəwz.*

a-pqá awát ádg'əl ɣa-rə-r-t-wá-n awáj.pš-ta

3SG.N.IO-вперед DIST.PL земля CSL-3PL.IO-3PL.ERG-давать-IPF-PST такой-ADV

q'ərɬəq'w z-ħa-k'w-əw-z

служба REL.ERG-делать-PL-IPF-PST.NFIN

‘Раньше им давали землю, тем, которые так служили’. (txt)

4.3. «Финитно-нефинитная» форма динамического претерита

Только что описанная логика применима и к поведению еще одной глагольной формы — динамического претерита с суффиксом *-n*. Относясь морфологически к финитной подпарадигме и формально служа ретроспективизированным коррелятом к аористу (поэтому для данной формы уместен и другой ярлык — ретро-аорист, см. [Аркадьев, Клягина, в печати]), данная форма демонстрирует нетривиальные синтаксические и семантические свойства. Во-первых, употребление динамического претерита в независимых предикациях весьма ограничено; так, работы [Чкадуа 1970: 137–140; Табулова 1976: 149–150] пишут, что «прошедшее неопределенное» или «прошедшее незаконченное», как они называют эту форму, «употребляется чаще всего в связи с другой временной формой» [Чкадуа 1970: 137], каковой обычно оказывается аорист [Табулова 1976: 149], ср. описание соответствующей абхазской формы в [Hewitt 1979b: 62–63]. Независимые употребления динамического претерита были изучены в работах [Клягина 2018: 46–47; Клягина, Аркадьев 2019; Klyagina, Arkadiev 2019; Klyagina 2020], в которых показано, что они, как правило, обозначают ситуации в прошлом, нерелевантные для настоящего, в первую очередь такие, результат которых был аннулирован последующим развитием событий, ср. пример (42a) и его минимальную пару с формой аориста в (42b), в нулевом контексте имплицитную сохранение результата в момент речи.

(42) a. *Sara axəyɬɬ ɣlastɬyn.*

sara a-qəš ɣa-s-tə-n

я DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть-PST.DCL

‘Я открыл(а) окно [но сейчас оно уже закрыто]’. (e) [Klyagina 2020: 2]

b. *Sara axəyɬɬ ɣlastɬymɬ.*

sara a-qəš ɣa-s-tə-t

я DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть[AOR]-DCL

‘Я открыл(а) окно [и оно все еще открыто]’. (e) [Ibid.]

Такая семантика вполне ожидаема для формы ретроспективизированного прошедшего, ср. [Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013], и хорошо представлена в других абхазо-адыгских языках, ср. [Arkadiev 2017; Клягина 2018; Клягина, Аркадьев 2019]. Необъяснимым, однако, остается то, что примеры, подобные (42a), практически не встречаются вне эlicitации.

Напротив, наиболее частотный контекст для форм динамического претерита в текстах — это «цепочечные» конструкции, обозначающие единичные последовательные события

в прошлом, как правило, объединенные в рамках одного эпизода или «сценария», в которых динамический претерит маркирует не последние элементы цепочки, завершающейся формой аориста, ср. пример (43). Тем самым динамический претерит оказывается аналогичным так называемым «срединным» формам (medial verbs, см. [Haspelmath 1995: 20–27]). Подробнее о распределении форм аориста и претерита (ретро-аориста) в дискурсе см. [Аркадьев, Клягина, в печати].

- (43) *Аджв йгЛацтИхын ишляпа, дзыышвиывин, ауахъауы дгЛаишлайрысын велосипедла йцэхуаз, йзыгад, ишляпа ййтхын, ауахъауыгъы ххЛакI йгЛайытад.*

áj j-ša-š' tš-j-χə-n j-šljápa
 ОДИН.СЛH 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС.ЕЛАТ-3СГ.М.ЕРГ-братъ-ПСТ.ДСЛ 3СГ.М.ПР-шляпа
də-j-zə-ššə-n awayχ'.awəj
 3СГ.Н.АБС-3СГ.М.ИО-БЕН-СВИСТЕТЬ-ПСТ.ДСЛ ДИСТ.ЕМП
d-šá-ča-j-rə-sə-n velasipéd-la j-cá-χ-wa-z
 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС-3СГ.М.ЕРГ-КАУС-ОСТАНОВИТЬСЯ-ПСТ ВЕЛОСИПЕД-ИНС РЕЛ.АБС-ИДТИ-РЕ-ИПФ-ПСТ.НФИН
j-zə-j-ga-d j-šljápa
 3СГ.Н.АБС+3СГ.М.ИО-БЕН-3СГ.М.ЕРГ-НЕСТИ[АОР]-ДСЛ 3СГ.М.ПР-шляпа
jš-j-t-χə-n
 3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-РЕ-ПСТ.ДСЛ
awayχ'.awə-g'əj χ-há-k j-ša-jš-j-ta-d
 ДИСТ.ЕМП-АДД три-груша-НУМ 3ПЛ.АБС-СЛ-3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ[АОР]-ДСЛ

‘Один из них поднял его шляпу, свистнул ему, остановил того, кто ехал на велосипеде, принес ему его шляпу и отдал ему, а тот дал ему три груши’. (txt)

Нельзя не обратить внимания на аналогию между конструкциями вида «претерит — ... — претерит — аорист», подобными (43), и рассмотренными в предыдущем разделе конструкциями вида, например, «презентс+адвербиалис — ... — презентс+адвербиалис — презентс». Этот параллелизм особенно очевиден в контекстах настоящего исторического, где презентс с адвербиальным показателем семантически эквивалентен претериту, ср. пример (44), описывающий примерно ту же последовательность событий, что и (43)¹¹.

- (44) *Дзыышвиывхидта, дгЛаишлайысхидта, ахъылпа дакIв нахвх йхЛыдта, йхъылпа чкIвын гЛайытхид <...> ххЛакI гЛакхыхидта, асабиква йгЛарытуд.*

də-j-zə-šš-χ-əj-d-ta
 3СГ.Н.АБС-3СГ.М.ИО-БЕН-СВИСТЕТЬ-РЕ-ПРС-ДСЛ-АДВ
d-šá-ča-j-rə-s-χ-əj-d-ta a-qəlpə dák^w
 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС-3СГ.М.ЕРГ-КАУС-ОСТАНОВИТЬСЯ-РЕ-ПРС-ДСЛ-АДВ ДЕФ-шапка чуть
n-áχ^w-χ j-h^w-əj-d-ta j-qəlpə-č'k^wən
 ТРЛ-ВЗЯТЬ-РЕ[ИМП] 3СГ.М.ЕРГ-СКАЗАТЬ-ПРС-ДСЛ-АДВ 3СГ.М.ПР-шапка-малый
ša-jš-j-t-χ-əj-d <...> χ-čá-k
 СЛ-3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-РЕ-ПРС-ДСЛ ТРИ-яблоко-НУМ
ša-qə-j-χ-əj-d-ta a-sabəj-k^wa
 СЛ-ЛОС.ЕЛАТ-3СГ.М.ЕРГ-братъ-ПРС-ДСЛ-АДВ ДЕФ-ребенок-ПЛ
j-ša-rə-j-t-əj-d
 3ПЛ.АБС-СЛ-3ПЛ.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-ПРС-ДСЛ

‘Он ему свистит, останавливает его, говорит: «Возьми шапку», и отдает ему его шапку. <...> [А тот] достает три яблока и дает их ребятам’. (txt)

Тем самым, независимо от того, как семантически и диахронически связаны между собой автономное и «срединное» употребления форм динамического претерита (ср. обсуждение этого вопроса в [Klyagina 2020]), использование финитных глагольных форм в цепочках клауз, обозначающих последовательность событий, вписывается в более общую

¹¹ Примеры (43) и (44) взяты из записей устных пересказов фильма «Груши» [Chafe 1980].

модель, характерную для абазинского языка. Динамический претерит (ретро-аорист) в «срединной» позиции оказывается своего рода кумулятивным эквивалентом незавершенствованного сочетания аориста с адвербиальным показателем.

* * *

С учетом рассмотренных в этом разделе данных распределение морфологических коррелятов (не)финитности¹² в абазинском языке можно суммировать в таблице 9.

Таблица 9

Распределение коррелятов (не)финитности

Формы глагола	Независимое употребление	Суффиксы декларатива	Ретроспективный сдвиг	Нефинитное будущее <i>-ra</i>	Эмфатическое отрицание	Релятивные префиксы
ассертивные неотрицательные	+	+	<i>-n</i>	(+)	n/a	—
ассертивные отрицательные	+	<i>-/+</i>	<i>-z</i>	+	+	—
общевопросительные	+	—	<i>-z</i>	+	+	—
частновопросительные	+	—	<i>-z</i>	+	—	+
инферентив	+	+	<i>-n</i>	+	+	—
императив, прохибитив	+	—	—	—	—	—
оптатив, пермиссив	+	<i>-/+</i>	<i>-z</i>	+	—	—
«срединные» формы на <i>-la</i>	—	+	<i>-n</i>	—	+	—
релятивизации	—	—	<i>-z</i>	+	—	+
конвербы	—	—	<i>-z</i>	—	—	<i>-/+</i>

Таблица 9 еще нагляднее, чем приведенная выше таблица 7, показывает, что различные морфологические признаки (не)финитности лишь слабо коррелируют между собою и с синтаксическим свойством независимого употребления. Каждый морфологический параметр выделяет свое собственное множество форм, причем как независимых, так и зависимых. Даже такой, казалось бы, однозначно связанный с нефинитностью признак, как использование релятивных префиксов, может при определенных условиях сочетаться с независимым употреблением.

Тем не менее можно указать на общий для всего рассмотренного разнообразия абазинских глагольных форм принцип, состоящий в том, что синтаксическая (не)финитность — т. е. способность формы использоваться в качестве сказуемого независимой resp. зависимой предикации — определяется на последнем шаге морфологической деривации. Действительно, если присоединением нефинитного показателя ретроспективного сдвига *-z* к простым отрицательным нефинитным формам получают нефинитные отрицательные формы ретроспективизированной подпарадигмы, то финитные корреляты последних получают прибавлением к ним декларативного суффикса *-t*, ср. схему (45).

¹² В принципе в их число можно было также включить сочетаемость с суффиксами множественного числа *-k^wa* и инструменталиса *-la*, допустимую по крайней мере для форм релятивизации.

- (45) нефинитный отрицательный презенс: $\Pi-m-\Sigma-wa \rightarrow$
 $\rightarrow$ нефинитный отрицательный имперфект: $\Pi-m-\Sigma-wa-z \rightarrow$
 $\rightarrow$ финитный отрицательный имперфект: $\Pi-m-\Sigma-wa-z-t$

Аналогичным образом вопросительные показатели «финитизируют» релятивные формы, а суффикс адвербиалиса, наоборот, «инфинитизирует» декларативные:

- (46) финитный презенс: $\Sigma-aj-t \rightarrow$
 $\rightarrow$ «срединный» презенс: $\Sigma-aj-t-ta$

В ряде случаев оппозиция финитных и нефинитных форм является эквиолентной, как в неотрицательной ретроспективизированной подпарадигме, образованной на основе простых нефинитных форм, но и в этом случае синтаксический статус формы определяется именно последним этапом деривации:

- (47) нефинитный презенс: $\Sigma-wa \rightarrow$
 $\rightarrow$ финитный имперфект: $\Sigma-wa-n$
 $\rightarrow$ нефинитный имперфект: $\Sigma-wa-z$

Исключением из этого принципа являются некоторые формы косвенных наклонений, например опатива, к суффиксам которых могут присоединяться нефинитные показатели будущего или ретроспективного сдвига, см. пример (24b) выше. Семантический вклад таких показателей в значение этих форм, как и факторы, приводящие к потенциально некорректному порядку аффиксов, требуют дальнейшего изучения.

5. Заключение

Несмотря на то, что в абазинском языке представлен целый ряд морфологических явлений, на первый взгляд прямо коррелирующих с синтаксическим статусом глагольной формы как независимой resp. зависимой, рассмотренные выше факты свидетельствуют о том, что каждое из таких явлений выделяет свой собственный класс глагольных форм и ни одно из них не находится в одно-однозначном соответствии с синтаксической (не)финитностью. Тем самым и в абазинском (не)финитность оказывается «метакатегорией», проявляющей себя, однако, не в ограничениях на выражение категорий лица или времени, а в подчас весьма прихотливом распределении целого ряда разнородных морфологических показателей — суффиксов декларатива и ретроспективного сдвига, эмфатического префикса отрицания, а также их комбинаций между собою и с другими маркерами.

Более того, в абазинском имеется несколько классов глагольных форм, сочетающихся в своем составе показатели, один из которых в прочих случаях однозначно указывает на финитность, а другой — на нефинитность. Мотивация образования таких «парадоксальных» с точки зрения (не)финитности глагольных форм может быть морфологической, как в случае отрицательных финитных форм ретроспективизированных времен, образованных присоединением суффикса декларатива к нефинитному суффиксу ретроспективного сдвига, синтаксической, как у частновопросительных форм, строящихся на основе релятивизации, и даже дискурсивной, как у выступающих в особом типе цепочечной полипредикации декларативных форм с адвербиальным суффиксом. За всеми этими случаями можно усмотреть более общий организующий принцип, а именно последовательность морфологической деривации, заключительный шаг которой определяет (не)финитность глагольной формы, а последующие этапы деривации при определенных условиях могут

«отменять» результаты предыдущих. Это, вообще говоря, является частным проявлением характерной для многих полисинтетических языков «агглютинативной» (со всеми оговорками относительно типологической валидности этого понятия, см. [Haspelmath 2008]) организации морфологии, при которой аффиксы присоединяются последовательно в соответствии со своей сферой действия (см. [Korotkova, Lander 2010] об этом применительно к адыгейскому языку).

Ценность рассмотренного абазинского материала для типологии и теории финитности, как я полагаю, состоит в следующем. Во-первых, он демонстрирует, каким образом эта категория может реализовываться в языке, где в силу полисинтетизма и последовательного вершинного маркирования выражение актантов одинаково в зависимых и в главных клаузах (стоит вспомнить, что во многом на этом основании М. Бейкер [Baker 1996: 25, 472–484], исходя из характерного для ряда европейских языков запрета на личное согласование и выражение субъекта при нефинитных формах, вообще предсказывал несуществование нефинитных клауз и глагольных форм в полисинтетических языках, ср., впрочем, [Evans 2006]), ср. также [Lander, Testelet 2017: 965–969] об адыгейском. Во-вторых, абазинские данные показывают, до какой степени близко язык может подходить к реализации финитности как морфологической категории в классическом понимании этого термина и одновременно насколько сложной и даже внутренне противоречивой может оказаться формальное воплощение такой категории. В-третьих, нетривиально существование в абазинском механизмов «инфинитизации» и «финитизации» (независимых от также представленных способов номинализации и вербализации), применимых, пусть и ограниченно, к результатам друг друга и служащих для того, чтобы, сохраняя семантико-синтаксические свойства, полученные глагольной формой на определенном уровне морфологической деривации, включить ее в тот или иной синтаксический контекст, требующий финитного или, наоборот, нефинитного маркирования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABS — абсолютив

ADD — аддитивность

ADV — адвербиализатор

AOR — аорист

APL — ассоциативное множественное число

BEN — бенефактив

CAUS — каузатив

CLH — классификатор людей

CNC — уступительность

COM — комитатив

COND — кондиционал

COP — связка

CSL — цислокатив «сюда»

DAT — дативный аппликатив

DCL — декларатив

DEF — определенность

DIST — дальний демонстратив

DYN — динамичность

ELAT — элатив

EMP — эмфаза

ERG — эргатив

F — женский род

FUT — будущее время

H — класс людей

IMMED — конверб с иммедиатным значением
«как только»

IMP — императив

INC — инцептив

INDF — неопределенность

INFR — инферентив

INS — инструменталис

INTF — интенсив

IO — не прямой объект

IPF — имперфектив

LAT — латив

LOC — локативный преверб

M — мужской род

MNR — способ

MSD — масдар

N — класс не-людей

NEG — отрицание

NFIN — нефинитная форма

NML — номинализация

NONDUM — кунктатив «еще не»

NPST — непрошедшее время

NUM — показатель числительных

OPT — оптатив

PL — множественное число

POT — потенциалис

PR — посессор
 PRM — пермиссив
 PRON — прохибитив
 PROX — ближний демонстратив
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PTCL — частица
 PURP — целевой конверб
 Q — общий интеррогатив
 QADV — адвербиальный интеррогатив
 RE — рефактив
 REAL — реалис

REC — реципрок
 REL — релятивизация
 REP — репетитив
 RES — результатив
 RFL — рефлексив
 RSN — причина
 SG — единственное число
 SIM — конверб одновременности
 ST — статичность
 TMP — время
 TRL — транслокатив «отсюда»
 UNTIL — конверб со значением 'до тех пор, пока'

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АА — *Абазашта алокIкwa* («Сказки Абазашты»). Ставрополь: «Бюро новостей», 2016.
 АП — Абазинская поэзия. *Современная литература народов России. Поэзия. Антология*. М.: Обьединенное гуманитарное изд-во, 2017, 13–20.
 АРПК — Сорокина А. Д. *Абазинско-русский параллельный корпус*. М.: НИУ ВШЭ, 2019. https://linghub.ru/abaza_rus_corpus/search.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- А. Авидзба 2017 — Авидзба А. В. *Локальные превербы в абхазском и абазинском языках*. Дис. ... канд. филол. наук. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2017. [Avidzba A. V. *Lokal'nye preverby v abkhazskom i abazinskom yazykakh* [Local preverbs in Abkhaz and Abaza]. Candidate diss., Gulia Abkhazian Institute for Humanities, 2017.]
3. Авидзба 2017 — Авидзба З. Х. *Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка (по данным всех абхазо-абазинских диалектов)*. Чкадуа Л. П. (ред.). Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2017. [Avidzba Z. Kh. *Modal'nye affiksy v glagole abkhazskogo yazyka (po dannym vseh abkhazo-abazinskikh dialektov)* [Modal affixes in the Abkhaz verb, based on all Abkhaz-Abaza dialects]. Chkadua L. P. (ed.). Sukhum: Gulia Abkhazian Institute for Humanities, 2017.]
- Аристава и др. 1968 — Аристава Ш. К., Бгажба Х. С., Циколия М. М., Чкадуа Л. П., Шакрыл К. С. *Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология*. Сухуми: Алашара, 1968. [Aristava Sh. K., Bgazhba Kh. S., Tsikoliya M. M., Chkadua L. P., Shakryl K. S. *Grammatika abkhazskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Abkhaz grammar: Phonetics and morphology]. Sukhumi: Alashara, 1968.]
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий. *Вопросы языкознания*, 2014, 5: 68–96. [Arkadiev P. M. Criteria of finiteness and the morphosyntax of Lithuanian participles. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 5: 68–96.]
- Аркадьев 2018 — Аркадьев П. М. Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке. *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017*. М.: Буки Веди, 2018, 9–15. [Arkadiev P. M. *Wh-questions without wh-words: Interrogative verb forms in Abaza. Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*: Proc. of the 2017 conf. Moscow: Buki Vedi, 2018, 9–15.]
- Аркадьев 2021 — Аркадьев П. М. *Инкорпорация в абазинском языке: к постановке проблемы*. Доклад на 3-й конференции «Малые языки в большой лингвистике», МГУ, 23–24 апреля 2021 г. [Arkadiev P. M. *Incorporation in Abaza: Stating the problem*. Talk at the 3rd conf. “Minor languages in big linguistics”, Lomonosov Moscow State Univ., 2021.]
- Аркадьев, Клягина, в печати — Аркадьев П. М., Клягина Е. С. К описанию распределения двух перфективных форм в абазинских нарративах. В печати в сборнике материалов конференции *Малые языки в большой лингвистике — 2022*. [Arkadiev P. M., Klyagina E. S. Describing the distribution of two perfective forms in Abaza narratives. To appear in the proceedings of *Malye Yazyki v Bol'shoi Lingvisitke — 2022*.]

- Гагиев 2000 — Гагиев И. И. *Синтаксис простого предложения в абазинском языке*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. [Gagiev I. I. *Sintaksis prostogo predlozheniya v abazinskom yazyke* [Clause syntax in Abaza]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2000.]
- Гванцеладзе 2010 — Гванцеладзе Т. *Отрицательные формы глагола в абхазском и абазинском языках*. Тбилиси: Сухумский гос. ун-т, Ин-т абхазского языка и культуры, 2010. [Gvantseladze T. *Otritsatel'nye formy glagola v abkhazskom i abazinskom yazykakh* [Negative verb forms in Abkhaz and Abaza]. Tbilisi: Sukhumi State Univ., Institute for Abkhaz Language and Culture, 2010.]
- Гишев 1989 — Гишев Н. Т. *Глагол адыгейского языка*. М.: Прометей, 1989. [Gishev N. T. *Glagol adygeiskogo yazyka* [The Adyghe verb]. Moscow: Prometei, 1989.]
- Ершова 2012 — Ершова К. А. Именные и глагольные свойства бесленеевского масдара. *Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение*. Вып. VII. М.: РГГУ, 2012, 245–265. [Ershova K. A. Nominal and verbal properties of Beslenei masdar. *Polevye issledovaniya studentov RGGU: Etnologiya. Fol'kloristika. Lingvistika. Religiovedenie*. No. VII. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2012, 245–265.]
- Калинина 1998 — Калинина Е. Ю. Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте. *Вопросы языкознания*, 1998, 4: 82–110. [Kalinina E. Yu. Distinction between finite and non-finite verbal forms from a typological point of view. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 4: 82–110.]
- Калинина 2001 — Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ, 2001. [Kalinina E. Yu. *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in independent clauses]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2001.]
- Керашева 1984 — Керашева З. И. *Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках*. Тбилиси: Мецниереба, 1984. [Kerasheva Z. I. *Predlozheniya s finitnymi i infinitnymi glagolami v adygskikh yazykakh* [Clauses with finite and non-finite verbs in Circassian languages]. Tbilisi: Metsniereba, 1984.]
- Кибрик 2008 — Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Гнозис, 2008, 99–134. [Kibrik A. A. Finiteness and the clause's discursive function: The case of Karachay-Balkar. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Gusev V. Yu., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2008, 99–134.]
- Клычев 1972 — Клычев Р. Н. *Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках*. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1972. [Klychev R. N. *Glagol'nye suffiksy napravleniya v abazinskom i abkhazskom yazykakh* [Directional verbal suffixes in Abaza and Abkhaz]. Cherkessk: Stavropol Publishing House, 1972.]
- Клычев 1994 — Клычев Р. Н. *Локально-превербное образование глаголов абазинского языка*. Черкесск: Аджьпа, 1994. [Klychev R. N. *Lokal'no-preverbnoe obrazovanie glagolov abazinskogo yazyka* [Derivation of verbs with local preverbs in Abaza]. Cherkessk: Adzh'pa, 1994.]
- Клычев 1995 — Клычев Р. Н. *Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке*. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное изд-во, 1995. [Klychev R. N. *Slovar' sochetaemosti lokal'nykh preverbov s suffiksoidami i glagol'nyimi kornyami v abazinskom yazyke* [Combinability of local preverbs with suffixoids and verb roots in Abaza: A dictionary]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkessian Publishing House, 1995.]
- Клягина 2018 — Клягина Е. С. *Система прошедших времен в абхазо-адыгских языках*. Бакалаврская работа. М.: РГТУ, 2018. [Klyagina E. S. *Sistema proshedshikh vremen v abkhazo-adygskikh yazykakh* [Past tense systems in Abkhaz-Adyghean languages]. Bachelor thesis. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2018.]
- Клягина, Аркадьев 2019 — Клягина Е. С., Аркадьев П. М. Категория сверхпрошлого в западнокавказских языках. *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова*. Бижоев Б. Ч. (отв. ред.). Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований, 2019, 180–191. [Klyagina E. S., Arkadiev P. M. The category of “superpast” in West Caucasian. *Kavkazskaya filologiya: istoriya i perspektivy. K 90-letiyu Mukhadina Abubekirovicha Kumakhova*. Bizhoviev B. Ch. (ed.). Nalchik: Institute for the Humanities, 2019, 180–191.]
- Кумахов (ред.) 2006 — Кумахов М. А. (отв. ред.). *Кабардино-черкесский язык*. Т. I: *Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис*. Нальчик: Эль-Фа, 2006. [Kumakhov M. A. (ed.). *Kabardino-cherkesskii yazyk* [Kabardin-Cherkes language]. Vol. I: *Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis* [Alphabet creation, phonetics and phonology, morphology, syntax]. Nalchik: El'-Fa, 2006.]

- Ломтатидзе 2006 — Ломтатидзе К. В. *Абазинский язык (краткое обозрение)*. Тбилиси: Ин-т языкознания Арнольда Чикобава, 2006. [Lomtadidze K. V. *Abazinskii yazyk (kratkoe obozrenie)* [The Abaza language: A brief survey]. Tbilisi: Chikobava Institute of Linguistics, 2006.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. II: *Часть вторая: Морфологические значения*. Пер. с франц. В. А. Плунгяна, общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. М.: Языки русской культуры; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Mel'ëuk I. A. *Cours de morphologie générale*. Vol. II: *Deuxième partie : Significations morphologiques*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal; Paris: CNRS Éditions, 1994. Transl. into Russian.]
- Пазов 2016 — Пазов С. У. Вопросительные глагольные формы в структуре вопросительного предложения в абазинском языке. *Адыгэ филологийер. Непэрэ Иофыгъохэр. Бзэр. Тарихъыр. Лумературэр. Фольклорыр*. Дюздзэ университет дунэе симпозиум адыгэ филологийер 13–15 жьоньгъуакI 2016. Дюздзэ, 2016, 129–137. [Pazov S. U. Interrogative verb forms in the structure of interrogative sentences in Abaza. *Adige filolojisi. Güncel Konular. Dil. Tarih. Edebiyat. Sosyo-kültür*. The symposium on Adyghe philology at the Düzce Univ., May 13–15, 2016. Düzce, 2016, 129–137.]
- Пазов 2019 — Пазов С. У. Усилительно-подтвердительная частица *гъ(ы)*- и особенности ее употребления в структуре отрицательного глагола в абазинском языке. *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова*. Бижоев Б. Ч. (отв. ред.). Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований, 2019, 219–225. [Pazov S. U. Emphatic-confirmative particle *g'(y)*- and its usage in the structure of the negative verb in Abaza. *Kavkazskaya filologiya: istoriya i perspektivy. K 90-letiyu Mukhadina Abubekirovicha Kumakhova*. Bizhoviev B. Ch. (ed.). Nalchik: Institute for the Humanities, 2019, 219–225.]
- Панова 2019 — Панова А. Б. *Вопросы функционирования абазинских глагольных суффиксов*. Бакалаврская работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Panova A. B. *Voprosy funktsionirovaniya abazinskikh glagol'nykh suffiksov* [Issues of functioning of Abaza verb suffixes]. Bachelor thesis, HSE Univ. (Moscow), 2019.]
- Панова 2020 — Панова А. Б. Морфологически связанная комплементация в абазинском языке. *Вопросы языкознания*, 2020, 4: 87–114. [Panova A. B. Morphologically bound complementation in Abaza. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 4: 87–114.]
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига». *Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль*. Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (отв. ред.). СПб.: Европейский дом, 1998, 106–115. [Plungian V. A. Pluperfect and markers of retrospective shift. *Yazyk. Afrika. Ful'be: sbornik statei v chest' A. I. Koval'*. Vydrin V. F., Kibrik A. A. (eds.). St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 1998, 106–115.]
- Рогава, Керашева 1966 — Рогава Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1966. [Rogava G. V., Kerasheva Z. I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [A Grammar of Adyghe]. Krasnodar; Maikop: Krasnodar Publishing House, 1966.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of the pluperfect. The Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013.]
- Сумбатова 2009 — Сумбатова Н. Р. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: Изд-во РГГУ, 2009, 559–611. [Sumbatova N. R. Information structure of the Adyghe sentence: Perspective and focus. *Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testeleets Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 2009, 559–611.]
- Табулова 1976 — Табулова Н. Т. *Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология*. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1976. [Tabulova N. T. *Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [A Grammar of Abaza: Phonetics and morphology]. Cherkessk: Stavropol Publishing House, 1976.]
- Чкадуа 1970 — Чкадуа Л. П. *Система времен и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Chkadua L. P. *Sistema vremeni i modal'nykh obrazovaniy v abkhazo-abazinskikh dialektakh* [System of tenses and modal formations in Abkhaz-Abaza dialects]. Tbilisi: Metsniereba, 1970.]
- Arkadiev 2017 — Arkadiev P. M. When perfective and imperfective mean the same: Pluperfect and “retrospective shift” in Circassian languages. *Historical linguistics of the Caucasus. Book of abstracts. Paris, 12–14 April 2017*. Authier G., Gérardin H., Magomedov M., Maisak T. (eds.). Makhachkala: Tsadasa Institute for Language, Literature, and Art, 2017, 18–23.
- Arkadiev 2020 — Arkadiev P. M. Syntax in morphological guise: Interrogative verbal morphology in Abaza. *Linguistic Typology*, 2020, 24(2): 211–251.

- Arkadiev, Caponigro 2021 — Arkadiev P. M., Caponigro I. Conveying content questions without *wh*-words: Evidence from Abaza. *Proc. of Sinn und Bedeutung* 25. Grosz P., Marti L., Pearson H., Sudo Y., Zobel S. (eds.). London: E-publication, 2021, 73–94. <https://ojs.ub.uni-konstanz.de/sub/index.php/sub/issue/view/29>.
- Arkadiev, Lander 2020 — Arkadiev P. M., Lander A. Y. The Northwest Caucasian languages. *The Oxford handbook of the languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 369–446.
- Baker 1996 — Baker M. C. *The polysynthesis parameter*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1996.
- Bisang 2001 — Bisang W. Finite vs. non-finite languages. *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001, 1400–1413.
- Bisang 2007 — Bisang W. Categories that make finiteness: Discreetness from a functional perspective and some of its repercussions. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 115–137.
- Bisang 2016 — Bisang W. Finiteness, nominalization, and information structure: Convergence and divergence. *Finiteness and nominalization*. Chamoreau C., Estrada-Fernández Z. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016, 13–41.
- Brugmann 1892 — Brugmann K. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. II. Bd. *Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre)*. 2. Hälfte. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The evolution of grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Chafe (ed.) 1980 — Chafe W. (ed.). *The Pear Stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood (NJ): Ablex, 1980.
- Chirikba 2003a — Chirikba V. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 243–272.
- Chirikba 2003b — Chirikba V. *Abkhaz*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 2003.
- Creissels 2009 — Creissels D. Participles and finiteness: the case of Akhvakh. *Linguistic Discovery*, 2009, 7(1): 106–130.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Cristofaro 2007 — Cristofaro S. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 91–114.
- Evans 2006 — Evans N. Who said polysynthetic languages avoid subordination? Multiple subordination strategies in Dalabon. *Australian Journal of Linguistics*, 2006, 26(1): 31–58.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 366–431.
- Evans, Watanabe (eds.) 2016 — Evans N., Watanabe N. (eds.). *Insubordination*. Amsterdam: John Benjamins, 2016.
- Fenwick 2011 — Fenwick R. S. H. *A grammar of Ubykh*. München: LINCOM Europa, 2011.
- Givón 1990 — Givón T. *Syntax. A functional-typological introduction*. Vols. 1–2. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Givón 2001 — Givón T. *Syntax. An introduction*. Vols. 1–2. Revised edn. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, 1–55.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination Hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008, 13–29.
- Hewitt 1979a — Hewitt B. G. The expression of ‘inferentiality’ in Abkhaz. *Journal of Linguistics*, 1979, 15(1): 87–92.
- Hewitt 1979b — Hewitt B. G. *Abkhaz*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Hewitt 1987 — Hewitt B. G. *The typology of subordination in Georgian and Abkhaz*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Hewitt 2005 — Hewitt B. G. North West Caucasian. *Lingua*, 2005, 119: 91–145.
- Hewitt 2010 — Hewitt B. G. Non-finite verbal functions in Abkhaz (North West Caucasian). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Floricic F. (éd.). Paris: ENS Editions, 2010, 269–286.

- Holvoet 2021 — Holvoet A. The notion of mood reexamined, against the background of modality. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 7–21.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E. Ju, Sumbatova N. R. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 183–249.
- Klyagina 2020 — Klyagina E. S. Semantics and pragmatics of past tenses in Abaza. MA term paper, HSE Univ. (Moscow), 2020.
- Klyagina, Arkadiev 2019 — Klyagina E. S., Arkadiev P. M. Discontinuous past is real: Evidence from Northwest Caucasian. Talk at the workshop “Tense, aspect and mood categories across languages”, 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Leipzig, 21–24 August 2019.
- Koptjevskaja-Tamm 1999 — Koptjevskaja-Tamm M. Finiteness. *Concise encyclopedia of grammatical categories*. Brown K., Miller J. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 1999, 146–149.
- Korotkova, Lander 2010 — Korotkova N., Lander Yu. Deriving suffix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe. *Morphology*, 2010, 20: 299–319.
- Lander, Testelefs 2017 — Lander Yu. A., Testelefs Ya. G. Adyghe. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 948–970.
- Lasser 1997 — Lasser I. *Finiteness in adult and child German*. Ph.D. diss., City Univ. of New York, 1997.
- Lehmann 1988 — Lehmann C. Towards a typology of clause linkage. *Clause combining in grammar and discourse*. Haiman J., Thompson S.A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1988, 181–226.
- Maas 2004 — Maas U. “Finite” and “nonfinite” from a typological perspective. *Linguistics*, 2004, 42(2): 359–385.
- Malchukov 2004 — Malchukov A. *Nominalization/verbalization: Constraining a typology of transcategorial operations*. München: LINCOM Europa, 2004.
- Meier-Brügger 2003 — Meier-Brügger M. *Indo-European linguistics*. Berlin: Walter de Gruyter, 2003.
- Nikolaeva 2007a — Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 138–180.
- Nikolaeva 2007b — Nikolaeva I. Introduction. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 1–19.
- Nikolaeva 2010 — Nikolaeva I. Typology of finiteness. *Language and Linguistics Compass*, 2010, 4: 1176–1189.
- Nikolaeva 2013 — Nikolaeva I. Unpacking finiteness. *Canonical morphology and syntax*. Brown D., Chumakina M., Corbett G. G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 99–122.
- O’Herin 2001 — O’Herin B. Abaza applicatives. *Language*, 2001, 77(3): 477–493.
- O’Herin 2002 — O’Herin B. *Case and agreement in Abaza*. Arlington: SIL International, 2002.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2006, 59(4): 317–349.
- Shagal 2019 — Shagal K. *Participles. A typological study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2019.
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and universal grammar*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Sumbatova 2009 — Sumbatova N. R. Constituent questions and argument-focus constructions: Some data from the North-Caucasian languages. *Form and function in language research. A Festschrift for Christian Lehmann*. Helmbrecht J., Nishima Y., Shin Y.-M., Skopeteas S., Verhoeven E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009, 313–328.

Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuq: The new data. I*

© 2023

Илья В. Иткин

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Abstract: The article provides a general description of the Tocharian A manuscript №№ 144–211 according to the publication of Tocharian A texts by E. Sieg and W. Siegling (1921). This manuscript is a collection of stories about prince Nanda, the half-brother of Buddha, and Sundari, his beloved. Many fragments of this manuscript, both published and still unpublished, join together. The article publishes two leaves made up of joined fragments — A 144 + THT 2485 and A 171+156 + THT 2543 + THT 2265 — with a detailed commentary and translation. The first leaf describes the beginning of Buddha and Nanda's journey to the Himalayas and, further, to the world of the Thirty-three Gods (Skr. *trayastrimśa*-). The second leaf presents a dialogue between two followers of Buddha — the young women Viśākhā and Preṣikā. A whole variety of elaborately used figures of speech (realization of the metaphor, chiasmus, deliberate syntactic ambiguity, etc.) allows to call this dialogue, whose text can be reconstructed almost fully, a pearl of the Buddhist literature of the Early Middle Ages.

Keywords: Buddhism, literary language, paleography, Tocharian, textology

Acknowledgements: The author expresses his deep gratitude to S. I. Pereverzeva for the English translation and to S. V. Malyshev for a number of very important remarks, specifications and corrections.

For citation: Itkin I. B. Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuq: The new data. I. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 132–150.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.132-150

Тохарская А рукопись №№ 144–211 из Шорчука: новые данные. I

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Аннотация: В статье дается общая характеристика тохарской А рукописи №№ 144–211 по изданию тохарских А текстов Э. Зига и В. Зиглинга (1921). Эта рукопись представляет собой собрание историй о единокровном брате Будды принце Нанде и его возлюбленной Сундари. Многие фрагменты этой рукописи, как опубликованные, так и до сих пор неопубликованные, соединяются между собой. Статья содержит публикацию, снабженную подробным комментарием и переводом, двух таких соединенных листов: А 144 + ТНТ 2485 и А 171+156 + ТНТ 2543 + ТНТ 2265. Первый из этих листов описывает начало путешествия Будды и Нанды в Гималаи и дальше — в мир Тридцати трех богов (скр. *trayastrimśa*-). На втором листе приводится диалог между двумя последовательницами Будды — Вишакхой и Прешикой. Благодаря искусному использованию сразу нескольких художественных приемов (реализация метафоры, хиазм, намеренная синтаксическая неоднозначность и др.) этот диалог, текст которого удастся восстановить практически целиком, может быть по праву назван одной из жемчужин раннесредневековой буддийской литературы.

* For subjective and objective reasons, the present article was finished much later than initially thought, so the second article of the same series is presently published, cf. [Itkin 2019].

Ключевые слова: буддизм, палеография, текстология, тохарские языки, язык художественной литературы

Благодарности: Автор выражает искреннюю благодарность С. И. Переверзевой за перевод текста статьи на английский язык и С. В. Малышеву за важные замечания, уточнения и дополнения.

Для цитирования: Itkin I. B. Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuq: The new data. I. *Vo-prosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 132–150.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.132-150

1. Introductory remarks

The text fragments which got numbers 144–211 in the publication of the Tocharian A texts by E. Sieg and W. Siegling [Sieg, Siegling 1921] belong to the manuscript from the Šorčuq temple compound. This manuscript is a collection of stories (at least partially dramatic) the central characters of which are prince Nanda, the half-brother of the Buddha Śākyamuni, and Sundarī, his beloved. This manuscript was very voluminous — more than half a thousand leaves (in a small fragment No. 196 the beginning of the leaf number, starting with 500, is preserved).

Against this background, the size of the surviving part of the text may seem to be quite small, all the more so since folios Nos. 144–154 and 180 are currently considered lost and only their transliterations are available for studies. However, by the Tocharian standards, its size, on the contrary, is very big: suffice it to say that the number of separate published fragments (68) of the manuscript Nos. 144–211 holds the absolute first place among all the Tocharian A manuscripts currently known.

At the same time, there are two circumstances which make it possible to consider the inquiry into the manuscript Nos. 144–211 as one of the most essential and potentially fruitful goals of the Tocharian studies.

First, as early as on the final stage of preparation of the 1921 edition E. Sieg and W. Siegling discovered that the information about a series of fragments can be substantially specified, namely:

- the correlation between the recto and the verso of some fragments is opposite to the one initially accepted;
- some fragments belong to adjacent leaves;
- some fragments are parts of the same leaf.

E. Sieg and W. Siegling included a number of such observations into their proofreading notes (“Verbesserungen und Nachträge”) to the 1921 edition; later this work was continued in the grammar of Tocharian A [Sieg et al. 1931] and afterwards by E. Siegling in his personal copy of the 1921 edition [Siegling PK].

Particularly, E. Sieg and W. Siegling established that:

- folios No. 171 and No. 156 are parts of the same leaf, probably immediately preceding folio No. 153 [Sieg, Siegling 1921: 253];
- folios No. 192 and No. 145 are parts of the same leaf [Sieg et al. 1931: 466]¹;
- folios No. 187 and No. 193 are parts of the same leaf [Sieg et al. 1931: 230, fn. 4], immediately following leaf No. 192+145 [Siegling PK: 94];
- folios No. 191 and No. 158 are parts of the same leaf [Siegling PK: 84, 95];
- folios No. 186 and No. 202 are parts of the same leaf, which do not join each other [Sieg, Siegling 1921: 253].

Of course, theoretically all these results are known to modern researchers. However, in practice, these results have not received enough attention: the fragments in question are still often

¹ As it was pointed to us by S. V. Malyshev, presently folio No. 192 is wrongly reclassified as THT 1553.

quoted separately and are not regarded as parts of bigger text units. Meanwhile, being put together, two fragments of the same leaf usually convey much more information than each fragment on its own. Take two examples; the first one illustrates this statement from a point of view of content, the second one from a proper linguistic point of view.

Leaf No. 191+158 doubtlessly contains the famous dialogue between Nanda and the Buddha, during which Nanda compares the look of five hundred apsaras with the look of Sundarī (not in favour of the latter). This dialogue is narrated in a more flowery way than, for instance, in Chapter 10 of Aśvaghōṣa's *Saundarananda* and the other sources known to us. Cf., for example, line a5: *//// *es āṣṭraṃ ciñcraṃ kapśiññāñ ñā(kte)ñ[ās](ś)i ♦ sundaris nu kapśa(ñi) ////* 'clean and tender are the bodies of goddesses, whereas Sundarī's body...'². Obviously, it would be much more difficult, if possible at all, to make such a conclusion having only the left and right separate halves of this line at hand — at least because of the impossibility to reconstruct the key form *ñā(kte)ñ[ās](ś)i*, G Pl of *ñākteññā* 'goddess', which happened to be literally torn in half and partially lost.

At the junction of lines 192+145 b4–5, there is a form *yārsārā* — a variant of the postposition *yārsār* 'around'. This form is not unique, cf. *[c]wā yārsārā* (THT 1649 fgm. a, "a"1) 'around thee' [Itkin, Malyshev 2016: 6], *(p)[uk] yārsārā*³ (SHT 1478 b3, a gloss of the Sanskrit text) 'all around', cf. [Malzahn 2007: 307] with reference to K. T. Schmidt (the word division *yārsār ā...*, proposed in [Siegling PK: 95], is, of course, solely due to the fact that the two spellings with *-ā* given above were unknown to W. Siegling). Nevertheless, the text 192+145 provides an extremely important evidence that the variant *yārsārā* was spread not only in 'late' Tocharian A of italic glosses and in the 'Eastern idiom' (the document THT 1649 was found in Murtuq), but also in the 'classical' texts from Šorčuq.

Thus, a new publication of all the pairs of the fragments mentioned appears to be quite important. The fragments A 175 and A 178 should be added to this list as well, as they are also two parts of one leaf, joining almost end-to-end in lines a5 and b2.

Second, more than 200 (!) unpublished fragments belong to manuscript Nos. 144–211. In this respect, only manuscript Nos. 399–404 from Sengim can be compared with it; for any other Tocharian A manuscript this number is many times less. We preliminarily assert that the fragments belonging to this Šorčuq manuscript are THT 1132–1151 (probably excluding THT 1135), 1154 (these fragments, as well as the fragment THT 2399, are presently published with transliteration and translation on the website [CEToM]), 1464–1465, 1903, 2180, 2264–2270, 2286–2287, 2388–2550 (with a few exclusions, the most important of which are THT 2396 and THT 2431, belonging to the manuscript Nos. 1–54, and THT 2516 written in Tocharian B), 2552, 2562–2565, 2568, 2579–2580, 2582–2583, 2587–2588, 2596, 2664, 2958, 2960–2968,⁴ 3020–3029, 3031–3032, 3040, 3048, 3114–3115, 3122, 3129, 3149; according to S. V. Malyshev, fragments THT 2178, 2186, 2619, 2663, 3045, and 3047 are of the same origin. It is certainly quite possible that some of the fragments mentioned in this list appeared there by mistake, whereas some fragments which are missing in this list, on the contrary, should be added. Nonetheless, hopefully, the total number of those and other fragments is significantly less than the number of fragments which we correctly determined as belonging to the manuscript Nos. 144–211. Several dozens of these fragments are relatively large and are of interest by themselves; it is not even clear about some of them why E. Sieg and W. Siegling did not consider it appropriate to include them in the 1921 edition. However, the most important fact is that quite many of the unpublished fragments can be reliably put together with the published texts and/or with each other. The critical publication of the joint leaves may be of much benefit in this case as well.

² Here and further on, unless otherwise stated, the translation is ours.

³ The spelling of roots with *rā* instead of *ār* is typical for 'late' Tocharian A, including glosses.

⁴ This way, the siglum *S* (= *Sengim*) on the fragment THT 2966.i is either simply a mistake or *Š* (= *Šorčuq*) with the effaced upper part.

The present work is proposed to be the first in a series of such publications. Below we consider leaf No. 144, whose little, but quite essential addition turns out to be fragment THT 2543 and leaf No. 171+156, which is supplied by the fragments THT 2543 and THT 2265; this supplement allows for a total reconstruction of the text of some lines.

2. Manuscript Nos. 144–211: General characteristics

Manuscript Nos. 144–211 consists of relatively small leaves, which have 6 lines on each side. The leaf numbers, as in the other Tocharian manuscripts, are placed in the left margin of the verso side. A hole for the string to join the leaves together is located between lines 3 and 4, 8 (more rarely 7 or 9–10) akṣaras away from the left edge (in the present article the place of the string hole is denoted by the sign ○).

Not a single leaf of the manuscript has been preserved completely; leaf No. 147 (presently lost, as was said above) is least damaged. On the basis of calculations, which were done primarily for this leaf, E. Sieg and W. Siegling estimated the average length of lines 1–2 and 5–6 as 42 akṣaras [Sieg, Siegling 1921: 75]; this value might be slightly underestimated (by 1 or 2 akṣaras). Since in lines 3–4 the scribe left a gap to the left and right of the string hole, these lines were a little shorter; their expected average length can be estimated as 38–39 akṣaras, but in some cases it could be more. For instance, line 151 a3, the nonextant left side of which is reconstructed with complete certainty (cf., for example, [Ivanov 1992: 259]), contains 41 akṣaras.

3. Way to the Himalayas: Leaf A 144 + THT 2485

3.1. THT 2485

Below is the text of the earlier unpublished fragment THT 2485. The transliteration follows [Sieg, Siegling 1921] (with insignificant differences), the lines are enumerated according to [Tamai 2007]. The expedition number is absent. Lines a4 and b1 are almost completely lost (the former is even not denoted in T. Tamai's transliteration); they are not taken into account in the further analysis:

a1: /// — pla(n)[t]t(ā)r ñu[k] l- ///
 a2: /// — k_ucāṣ nu nas_u — ///
 a3: /// [r]i [m]āc(ar) · [l] · ///
 a4: ...
 b1: ...
 b2: /// [j](e)[t](a)vaṃ ///
 b3: /// [l]yi tmaṣ na[nde] ///
 b4: /// — va[s]u[n]dhari — ///

3.2. A 144 + THT 2485: The combined text

The text is given in standard simplified transliteration. Following the unambiguous⁵ indication of E. Sieg and W. Siegling (“Nr. 144 ist jedenfalls umzudrehen” [Sieg, Siegling 1921:

⁵ Or, in East Tocharian, *sne ālak wkām*.

253]), the sides of folio No. 144 are given below in reversed order as compared to the original publication; the numeration of lines, however, is preserved.⁶ Lines THT 2485 a1–2 and THT 2485 b3–4 directly adjoin lines 144 b1–2 and 144 a5–6, respectively, from the right side. Lines THT 2485 a3 and THT 2485 b2 are a partial supplement of the lost middle part of lines 144 b3 and 144 a4 respectively.

The text of fragment No. 144 as it is, including the evident conjectures made by the editors, is given in roman type. The conjectures in italics (also quite evident) in lines b3 and b4, as well as the addition of the pāda-end sign, which must have opened line a2, belong to W. Siegling [Siegling PK: 76]; some of his other conjectures are discussed below. The text of fragment THT 2485 is given in bold; the letters whose parts are preserved in both fragments are underlined:

b1 //// lymy ·ś[i] lo kālkaṣṭ k_ucaśś(ā)ll aśśi – **pla(n)[t]t(ā)r ñu[k] l** ////

b2 //// ñākcyās k_ulewāsaṃ trāṅkñāl nasam **k_ucāṣ nu nāṣ** – ////

b3 //// ○ ṣ ṣñi nasluneyāṣ kātāk ylā[r]i [m]āc(ar) ·[l]· – [s]· – s(e)yacc oki na(ndena)c kātse yāṣ^s

b4 //// ○ m·mrāc tsitorāṣ trāṅkṣānn anac pracar n(ande) – te yatār himavant ṣul – || tmāṣ nande

b5 //// m śākkiśi kapilavāstu ri naṣ [nu] nāṣ t[ā]pārḥ himavant ṣulac – kapilavās(tu)

b6 //// [p] kātkmām nāmtsu trāṅkāṣ kri ñi āṣānik ṣokyo kri ñi || tmāṣ ptāṅkāt kāṣṣi nande[s] –

a1 //// t w(ā)knā || [ke]śikam || māmt ne kokaśśi lāṃṣ tsopatsām wrā eṣāk kṣāly kṣālyac ymām^{te} –

a2 (◆) //// [s] kṣatrim pratri tim ◆ rātram ṣwāluy-ām[p]i ṣwā yokām [ya]tṣy-ām[p]i lānt sew(ā)ññ
ampi ◆ kaṣ ka

a3 //// ○ ññ oki plawar epreram ◆ 1 || tam ne wkā(ny)o (ptā)ñkāt kāṣṣi ñāktas napenāś(ś)i
[l](wā)śśi okāk

a4 //// ○ lutkāsmām nandenaśśāl ṣyak [j]e[t](a)**vam** – – ·ṃkurāṣ hima(vant) ṣulac kāl[k] ||

a5 //// plāc kapilavāstu riyam kārśnālyi **tmāṣ na[nde]** ////

a6 //// nt akmalyo ākārnunt aśā(n)[yo] **vas[u]ndhari** – ////

3.3. A 144 + THT 2485: Commentary

Size of gaps. The left part of the leaf is torn “bis zum Schnürloche” [Sieg, Siegling 1921: 76]; thereby, the number of the lost akṣaras may be approximately 8 in lines 3–4 and, say, 10–11 in lines 1–2 and 5–6. To the right, the loss in lines 1–2 and 5–6 is rather big, even after adding fragment THT 2485: in each of these lines it can be evaluated as 16 akṣaras.

Contents. The text has several difficult spots; its structure itself is not absolutely clear. Judging from the personal pronouns, the speaker in line b1 is a woman (most likely Sundarī); in line b2 it is a man (certainly Nanda; see below). However, as Sundarī and Nanda are apart, it is doubtful that these lines could convey their real dialogue.

Lines b3–a4 are the beginning of the above-mentioned story about Nanda and 500 apsaras. Briefly speaking, their text runs as follows. Having learnt that Nanda is not happy with his life of a monk and longs for his lover, the Buddha invites him to travel to the summit of the Himalayas and then to the world of the Thirty-three Gods (Skt. *trayastrimśa*-). Nanda agrees, and the brothers set off in flight from the Jetavana grove. The words *ñākcyās k_ulewāsaṃ trāṅkñāl nasam* ‘I may become attached to the divine women’ can be a sort of a presage of a wish to possess the divine dancers which will carry Nanda away in the heavenly palace; however, one cannot neglect the fact that the lost left part of the line b2 could contain a negation. As shown by the

⁶ The problem of change-over from the initial numeration of lines to the real one, which is relevant for at least many dozens of Tocharian A text fragments, requires special discussion and can have only a complex resolution.

stage direction in line a5, after the Buddha and Nanda leave Jetavana, the scene shifts for a while to the city of Kapilavastu. **Line b1.** For the left part of the line, the conjecture (*kuc kã*)*lymy* (*ā*) *ś(ś)[i]* is highly probable. The collocation *kuc kãlyme* ‘in what direction?’ is not attested directly in Tocharian A texts, but Ji Xianlin, W. Winter and G.-J. Pinault suggest a similar conjecture for one of the lines of the *Maitreyasamiti-Nāṭaka*:

❖ *kuc kãly* [*my ā*] *śś(i) ytsy onu našt ānāsās was ke aśśi senik kãlpāšt* ❖ (YQ-13[II.6] a5)
 ‘...Where have you set out to go, under the care of whom did you make us miserable ones arrive?’ (translation according to [Ji et al. 1998: 97]).

Note the several nontrivial coincidences between the lines given: both are a double question addressed to the second person, both parts of which contain an interrogative-emphatic particle *aśśi*.

We cannot suggest a certain reading for the akṣara preceding the form *pla(n)[t]t(ā)r*. A paleographically acceptable and syntactically possible conjecture is [*tu*] ‘thou’.

Line b3. As noted in [Sieglings PK: 76], the collocation *ṣṇi naslune* is a calque of a Sanskrit term *svabhāva-* ‘one’s own nature’. However, the precise meaning of the locution *ṣṇi nasluneyāṣ kātāk*, lit. ‘rose from his own nature’, remains not quite clear; probably, the verb *kāt-* has a direct meaning here, and the whole expression means ‘≈ tore himself away from his own business’.

The form [*yl*]*ā[ri]* is an earlier unattested, but a quite regular N Sg f form of the adjective *ylār*; cf. also Acc Sg f *ylāry(ā)m* (THT 1418 fgm. a, a2; the context is lost). On the meaning of this adjective see especially Section 3.4.

The only possible conjecture for the segment ·[*l*]· — [*s*]· seems to be (*k*) [*l*] (*opa*) [*s*] (*unt*). The comparison ‘like a mother to a suffering son’ goes very well together with the Buddha’s deed, who, ‘having abandoned everything’, starts off to his brother. Note that in most versions of this episode the Buddha, on the contrary, calls Nanda to come, cf. Aśvaghōṣa’s: “And so the Sage summoned the joyless and weak-willed Nanda, wishing to take him up” (10.1) [Aśvaghōṣa’s Gold 2015: 335].

Line b4. In the beginning of the line, the pronominal form (*ca*)*m(i)* ‘his’ is reconstructed with a high degree of certainty.

A close analogue of the Buddha’s question can be found in the Pali *Samgāmāvacara-jātaka* (<http://sacred-texts.com/bud/j2/j2035.htm>), cf. “Have you been on pilgrimage in the Himalaya, Nanda?” After the address *pracar n(ande)* ‘brother Nanda’, the negation *mā* should probably be reconstructed: general questions which follow the pattern with negation are attested in Tocharian A texts, cf. *mā te tsinām* (23 b6), lit. ‘Shan’t I touch (the body of the Buddha)?’ The word *ṣul* was evidently followed by a noun, which in collocation with the verb *y-/yp-/yām-* ‘to do’ forms a set expression ‘to go for a trip ~ a pilgrimage’. In theory, one can assume that this noun was *ytār* ‘way’, but this is quite unreliable — the more so because certain examples of the collocation *ytār y-/yp-/yām-* seem to be unknown. At any rate, both Accusativus loci in place of the expected Allative and the most unusual word order (given that this part of the text is written in prose) remain a mystery.

Lines b4–6. In line b5, the only trustworthy candidate for a one-akṣara-long wordform which can govern the allative case seems to be the form PPM *ymām* ‘going’.

The subject of the sentence beginning at the end of line b4 is Nanda. Respectively, line b5 contains Nanda’s words. The word *trānkāṣ* ‘says’ in line b6 also refers to Nanda: it is clear from the content of the subsequent utterance, and besides, in the missing left part of the line there is merely not enough space for the change of the speaker. According to the convincing assumption of S. V. Malyshev (p.c.), in these lines first the inner speech of Nanda is given (such inner speech is introduced by the collocation *āñmaśl=ākk ats trānkāṣ* ‘speaks to himself’ or *āñmaśl=ākk ats pālsānkāṣ* ‘thinks to himself’) and next is his reply to the Buddha’s proposal. The content of Nanda’s thoughts can be tentatively reconstructed like this: ‘Just (on the way to the Himalayas) there is Kapilavastu, a city of the Śākyas. Now I, (going) to the mountains of the Himalayas, (will be able to see the city) Kapilavastu’.

The description of the situation when the same character first says or does something and afterwards says something (again) occurs repeatedly in Tocharian A texts. Although all the suitable fragments are not entirely preserved, the rules of building such construction are quite clear. Its second part is introduced by the words *tmāš* (...) *trānkāš* ‘Then (...) says’, and the subject of the first part is not repeated, cf., for instance:

//// *kaṣiñño bādhari trānkāš weyeṃ nasam se tmāš trānkāš* (YQ-4[II.2] b3) ‘...with (trembling) body, Bādhari says: My son, I am stupefied. Then he says’ (translation according to [Ji, Winter, Pinault 1998: 75])

...*tmāš tsar orto caclurāš trānkāš* (YQ-28[I.4] b1) ‘...Then, with his hand raised, he says’ (translation according to [Ibid.: 37]).

E. Sieg and W. Siegling read the consonant preceding *kātkmām* as [p]. However, it seems difficult to propose any convincing conjecture for such reading. In view of the above, the reading (*tmā*)[s] looks much more likely.⁷

Lines b6–a1. Before the name of the tune || [*ke*]śikam ||, the collocation (*tām nu mām*)t w(ā)knā is reconstructed unambiguously. This formula, literally meaning ‘And that in which way?’, is one of the standard means of transition from prose to verse, which is used mostly when the inserted verses contain a detailed depiction of what has been said before them. A visual illustration of this device may be, for example, the text A 8, where the prosaic part of the story states that a painter depicted himself on the wall hanged, and in the verses his self-portrait is described in full detail.

Thus, the previous phrase evidently has some connection with the description of the flight. Grammatically, this phrase almost certainly includes an absolute turn. At the same time, the lost part of the text at the junction of lines b6 and a1 should, again, be very short — no more than 10–11 akṣaras. The reconstruction *tmāš ptāñkāt kāšši nande[s]* (*tsarā eṃtsurāš orto kātāk*) satisfies all these conditions. Not absolutely certain, it still seems highly probable, especially taking into account the close parallels in other sources, cf.: “And so the Sugata (...) / Took his hand and flew up into the sky” (10.3) [Aśvaghōṣa’s Gold 2015: 336]; “So saying, the Master took him by the hand, and thus passed through the air” (*Samgāmāvacara-jātaka*).

Line a1. For an elsewhere unattested word *kṣāly*, the translations ‘Knospe’ [Kölver 1965: 66] and ‘leaf (of lotus or similar water plant)’ [Carling 2009: 184–185] have been proposed. The reasons for the B. Kölver’s assumption are unclear to us. G. Carling’s hypothesis is probably based on a parallel with an episode of the famous journey of prince Sarvārthasiddha for a wish-fulfilling stone (Skt. *cintāmaṇi*):

ṣpāt komsā wāltš pāltwāyo oplāsyō wraṃ oplāš oplā kārnm(ām kālkorā)š (1 b1) ‘moving around for seven days, stepping from one lotus to another, in a water with lotuses with a thousand leaves’ (translation according to [CEToM]).

However, first, as becomes clear also from the text No. 1 itself, in Tocharian A the leaves ‘of lotus or similar water plant’ are named by the same word *pālt* as, e.g., tree leaves. Second, the constructions *oplāš oplā* and *kṣāly kṣālyac* have completely different case marking, and to express the meaning ‘from X to Y’, the combination Abl + Perl is as natural as unnatural would be the combination N-Acc + All. Third and last, if the Buddha and Nanda really stepped from lotus to lotus instead of dashing high above the water, their comparison with kings of migrant geese wouldn’t make sense.

It seems that the scholars have not yet paid attention to the fact that the beginning of the Tocharian description of the Buddha and Nanda’s journey bears certain resemblance to the one

⁷ S. V. Malyshev suggests reconstructing the collocation (*lyutār mema*)[s] ‘exceedingly’ before *kātkmām*. Such decision is quite possible, cf. *lyutār memaš kātkmām* (254 a7); the common structure of the considered syntagma remains the same: //// (*tmāš lyutār mema*)[s] *kātkmām nāmtsu trānkāš* ‘(Then, exceedingly) being rejoiced, says...’.

in the Aśvaghoṣa's text, cf. 'Like a pair of greylag geese rising up from a lake, embracing one another with outstretched wings' (10.4) [Aśvaghoṣa's Gold 2015: 336].

Given this parallel, it seems possible to translate the collocation *kṣāly kṣālyac* as 'wing to wing'. If this translation is correct, the collocation in question is of much interest: the word 'wing' has not been known yet in either Tocharian language.

As the tune *keśikaṃ* corresponds to the meter of 4×17 syllables, and all 17 syllables of the first pāda are preserved, the last akṣara of the line a1 cannot contain a syllable. In [Siegling PK: 76] and [Carling 2000: 335] the conjecture *te(ñc)* is suggested for this akṣara. Certainly, besides the reading *te(ñc)*, the reading *ne(ñc)* is also paleographically possible. Both solutions are problematic. On the one hand, the PPM can really go together with Conj of the copula, cf., e.g., *tārkrā[s w](rā)ntu sūmām tākeñc* (340 a9) 'If (...) waters were raining from the cloud...' — whereas there seem to be no reliable examples of collocations of the PPM with the Pr of the copula (excluding the PPM of the verb *kātk-* 'rejoice'). On the other hand, the contracted 3 Pl Conj A form of the existential verb *teñc* (if it exists at all and is not a result of misreading of the same 3 Pl Pr A form *neñc*) has been seen only in the poem *Maitreyāvādānavyākaraṇa*, abundant in linguistic oddities [Itkin 2002: 14]; in all other texts only the regular form *tākeñc* is attested.

Lines a3–4. Most probably, the mention of gods, people, and animals here is part of the description not of the Buddha's specific actions, but of his ability to do good (to give gifts, bring liberation, etc.). The precise meaning of the form *lutkasmām* PPM K of *lutk-* (K only) 'create, turn into' remains unclear without context.

Line a4. The conjecture (*na*)*ṃkurāṣ* [Siegling PK: 76] was proposed (somewhat implicitly) already in [Sieg et al. 1931: 445]. Despite the non-standard transition *nk* → *mk*, this conjecture should be considered certain: the construction 'having disappeared from the place X, went to the place Y ~ appeared in the place Y' is represented in other Tocharian A texts as well, cf., for example:

|| *tmāṣ wlāñkāt epreraṃ nankurāṣ bodhisatvāp anaprā* //// (67 a2) 'Then Indra, having left the sky (lit. 'having disappeared in the sky'), before the Bodhisattva (appeared)'.

The placename *jetavaṃ* has been seen in Tocharian A only together with the word *saṃkrām* 'monastery', but its case form is not clear. Since movement away from some point is described, one could have expected the Abl form here, but in the example given above, the Loc form is presented, and there are no more doubtless examples.

Line a5. The conjecture (|| *sās nu tāpārk*) *plāc* lit. 'Now this very speech...' is evident: it reproduces a standard beginning of a stage direction which introduces a subsequent scene of action. There was almost certainly no text between the end of line a4 and the beginning of the stage direction: as in other similar cases, the scribe had to divide one scene from another with a small gap.

Line a6. The reading *vas[u]ndhari*, unexpected as it seems, is absolutely certain. The same name has been found (practically without a context) in one of the small fragments of manuscript Nos. 144–211: //// *vasundhari kuc* //// (THT 1148 a3); thus, the word division //// *va sundhari* and M. Peyrot's comment: "sic, certainly for *sundari*" [CETOM] — should be corrected. Cf. also [*v*]*asu[ndh]a[ri]* //// (THT 3024 a1; the reading is not very certain because the fragment is badly damaged). It looks as if fragments THT 1148 and THT 3024 cannot be parts of leaf A 144 + THT 2485, but they may quite well belong to the adjacent leaves. Whether the name *vasundhari* is another name of Sundarī or it refers to a different character, remains unclear. The mention of 'eyes full of tears' can stand for the former assumption; however, one should note that such cases of 'renaming' are rather untypical for Tocharian A texts.

3.4. On the meaning of the adjective *ylār*

At the first stage of the Tocharian studies, the adjective *ylār* was thought to be related to the Tocharian B *lāre* 'beloved, dear'; cf. the translations 'freundlich' [Sieg et al. 1931: 15], 'comis,

benignus' [Poucha 1955: 251]. However, in [Sieg 1944: 8, fn. 10] E. Sieg himself renounced such approach and preferred to compare *ylār* with Tocharian B *ylāre* 'weak, flaccid'. Most likely, this decision was based primarily on purely formal considerations: the correspondence between A *ylār* and B *lāre* does not follow any standard pattern, whereas the correspondence between A *ylār* and B *ylāre* is phonetically perfect. Accordingly, in most of later works the translations of *ylār* are variations of 'alt, gebrechlich, schlaff' proposed by E. Sieg, cf. 'gebrechlich' [Thomas 1964: 132], 'faible, caduc, flasque' [Van Windekens 1976: 599], 'decrepit' [Ji et al. 1998: 294], etc.

Note firstly that the Tocharian B *ylāre* can relate to both people and body parts, and it is always used together with change-of-state verbs, cf. a typical example:

//// (*mā*)cik yenti no ṣṇaura yl(ā)re (*k*)lutkāskem (PK AS 7M b3) 'The same winds, however, make the sinews weak' (translation by G.-J. Pinault [CEToM]).

Although most examples of usage of the Tocharian A *ylār* are strongly fragmented, one can see that it functions as an attribute of designation of people and is never found in change-of-state contexts:

- (1) || *tmāṣ sām bādhari brāhmaṃ ṣāññuneyā ylār ā* //// (212 a5 = YQ-8[II.4] a4) 'Thereupon Bādhari the Brahmin, *ylār* ... by his own nature...' (translation based on [Ji et al. 1998: 83], *ylār* = 'weak');
- (2) *ṣāññā ylāre olariñ metrakṣiñi māskantrā* ♦ *ypantrā cesmaṃ ortune ṣokyo skassuṣ plantantrā* ♦ (254 a8) 'By nature the Maitreya people are *ylāre* companions. They make friends with them [i.e. the fashioned beings], [they are] very happy [and] rejoice' (translation based on [CEToM], *ylāre* = 'feeble').
- (3) *tm=āk ylār pācar seyacc oki cam o(ñknac)* //// (79 a1) 'Immediately (he says), like a *ylār* father to [his] son, (to) the man...' (translation based on G. Carling's translation [CEToM], *ylār* = 'old')
- (4) //// *ylār nātāk* ♦ (99 a3) '...Oh, *ylār* lord!'
- (5) || *hā kāruṇik ylār nātāk* (101 b1) '...Oh, merciful *ylār* lord!'
- (6) *pkolye perāk ylār pācarr oki tāk* ♦ (317 a4) 'like a kind, plausible, *ylār* father <he> became'
- (7) *ylā[r]i [m]āc(ar) (k)[l](opa)[s](unt) s(e)yacc oki na(ndena)c kātse yāṣ* (144+2485 b3) '(Buddha-god the teacher...) like a *ylāri* mother to a suffering son, goes to Nanda'.

Examples (1)–(2) are ambiguous. Brahman Bādhari is weak and feeble indeed, and he says so himself several lines below. But he is weak and feeble not 'by his own nature', but because he has reached the age of 120. In the phrase preceding the one in question, Bādhari's disciples beg him for forgiveness; in such case the assessment of not physical, but rather inward qualities looks more natural.⁸ The story of the miraculous vision caused by Maitreya, of which the example (2) is part, has a complex modality. Nevertheless, one cannot but recognize that the words 'feeble companions' as a denotation of Maitreya's people in a play that is entirely devoted to the glorification of Maitreya is somewhat strange. As for the second pāda, the translation given above assumes that the antecedent of the pronoun *cesmaṃ* is far away from the verse fragment, which seems at least unusual. In this regard, a different interpretation of this pāda seems possible to us: '<Those, who> show (lit. 'do') friendliness towards them [i.e., Maitreya's people], are very happy and rejoice'.

⁸ The honorable Bādhari is unlucky: the author of this article has already had occasion to defend him from accusations of being a bad teacher, see [Itkin 2014].

In all the other examples, attributing a negative meaning to the adjective *ylār* directly contradicts the content of the text. Example (3) is about the charity of the Bodhisattva-elephant Śaddanta towards a hunter who had wounded him. G. Carling uses a neutral adjective ‘old’ to translate *ylār* in this episode, but ‘old’ in Tocharian A is *mok*; moreover, the role of the father’s age in such comparison is not clear. In examples (4)–(5) the word *ylār* is part of a respectful address; in example (6) it forms a coordinating construction with adjectives *pkolye* ‘trustful, kind’ and *perāk* ‘true, trustful’. And of course, any negative connotations are out of question in example (7).

The abstractum *ylārone** is also worthy of notice: cf. ♦ *ylāroneyo sāsnotku* (108 a4). The precise meaning of the verb *snotk-* is unknown, but it is remarkable that the example of its use which is syntactically closest to what was just given looks like this:

tmāṣṣ ānand sāsno(o)tku oki wsokone kākcey[o] (313 a6) ‘Then Ananda, as if being *sāsnotku* with glee and joy...’

Thus, in Tocharian A it is quite possible to be *sāsnotku* with positive emotions.

All this leaves no doubt that whatever the correspondence between the Tocharian A adjective *ylār* and Tocharian B adjectives *lāre* and *ylāre* is from the historical point of view, the meaning of the Tocharian A adjective proposed by E. Sieg and W. Siegling is generally correct, and its later revision should be totally rejected. We assume that the most precise translation of *ylār* is ‘affectionate, careful’.

3.5. A 144 + THT 2485:

The combined text with conjectures and translation

Below is the combined text of leaf A 144 + THT 2485, given without division into fragments and with the conjectures, and its translation. In lines a2 and a3 the number of syllables (**not** the number of the akṣaras!) lost in the pādas 2 and 4 is indicated. All the conjectures added to the text in comparison with the version in Section 3.2 are in italics. The less certain restitutions — both in the Tocharian text and in its translation — are underlined by a dotted line:

A 144+2485:

b1 //// (*kuc* *kä*)lmy (*a*)ś(*ś*)[i] lo kälkāṣt k_ucaśś(ä)ll aśśi [*tu*] pla(n)[t]t(ā)r ñu[k] l- ////
b2 //// ñākcyās k_ulewāsaṃ trāñkñāl nasam k_ucāṣ nu nāṣ — ////
b3 //// ○ ṣ ṣñi nasluneyāṣ kātāk ylä[r]i [m]āc(ar) (*k*)[l](*opa*)[s](*unt*) s(e)yacc oki na(ndena)c kātse
yāṣ s·
b4 //// (*ca*) ○ m(*i*) mrāc tsitorāṣ trāñkṣ=ānn anac pracar n(ande *mā*) te yatār himavant ṣul — ||
tmāṣ nande
b5 //// m śākkiśi kapilavāstu ri naṣ [nu] nāṣ t[ā]pār_k himavant ṣulac (*y**mām*) kapilavās(tu)
b6 //// [s] kātkmām nāmṣu trāñkāṣ kri ñi āṣānik ṣokyo kri ñi || tmāṣ ptāñkāt kāṣṣi nande[s] (*tṣa*)
a1 *rā* *emṣurāṣ* *orṭo* *kātāk* *tām* *nu* *mām*) t w(ā)knā || [ke]ṣikam || mām_t ne kokāśśi lāmś tsopatsām
wrā eṣāk kṣāly kṣālyac ymām ne(*ñe*)
a2 (♦ ————— [s] kṣatrim pratri tim ♦ rātram wsāluy-ām[p]i wsā yokām
[ya]tsy-ām[p]i lānt sew(ā)ññ āmpi ♦ kaṣ ka
a3 ————— ○ ññ oki plawar epreram ♦ 1 || tam ne wkā(ny)o (ptā)ñkāt kāṣṣi ñāktas
napenās(ś)i [l](wā)śśi okāk
a4 //// ○ lutkāsmām nandenaśśāl ṣyak [j]e[t](a)vaṃ (*saṃkrām**m**na*)m_kurāṣ hima(vant) ṣulac
kāl[k] ||
a5 (|| *sās* *nu* *tāpār*_k) plāc kapilavāstu riyam kārśnālyi tmāṣ na[nde] ////
a6 //// nt akmalyo ākārnunt aśā(n)[yo] vaṣ[u]ndhari — ////

- b1: "...in what direction, indeed, have you gone, whom do you rejoice with? I..."
 b2: "...I can (cannot?) get attached to the divine women. Because of what do I...?"
 b3: ...(The Buddha-god the teacher...) has torn himself away (?) (lit. risen) from his own business and goes to Nanda, like a careful mother goes to a suffering son.
 b4: ...having touched the crown of his head, says to him: "Brother Nanda, (won't) you go for a (pilgrimage) to the mountains of the Himalayas?" || Then Nanda
 b5: (says to himself:) "...just... there is Kapilavastu, a city of the Śākya. Now I, (going) to the mountains of the Himalayas, Kapilavastu..."
 b6: ...(Then,) (...) being rejoiced, says: "<This is> my wish, oh arhat, <this is> my very wish!" || Then Buddha-god the teacher, Nanda
 a1: (having taken by the hand, rose up). And that in which way? || On the tune K. || Like kings of migrant geese, over the great water wing to wing (?) flying (lit. 'going')...
 a2: ... kṣatriya-brothers these two, both in red clothes, both with the gold-coloured skin, both king's sons; span (?)...
 a3: ...like ..., swam in the sky. || In this way the Buddha-god the teacher... to the gods, the people and even the animals
 a4: ...turning into (?), together with Nanda, from the monastery Jetavana having disappeared, to the mountains of the Himalayas went. ||
 a5: (|| Now this very) speech <as taking place> in the city of Kapilavastu should be understood. Then Nanda...
 a6: ...with ... face and eyes full of tears, Vasundhari...

4. The decoration of ears:

Leaf A 171+156 + THT 2543 + THT 2265

4.1. THT 2543

Fragment THT 2543 has not been published before. Its expedition code is unknown. The numeration of lines accepted in [Tamai 2007] is changed to the factual one (a1–3 → b1–3, b1–3 → a4–6). The right margin is preserved.

a4: //// (|| sās) [n]u [t](ā)[pa]®_k [p]l[ā]c^a_[N]

a5: //// – viśākh[ā]nac traṅka

a6: //// [ā]rkiśoṣṣi –

b1: //// – k[āt]s ṣ –

b2: //// tsu pattāñāktāśśā_l

b3: //// *m [s]amk®āmac^a [yi]ñc^a

4.2. THT 2265

Fragment THT 2265 has not been published before and has never been regarded as written in Tocharian A; in particular, it is absent in the list of Tocharian A THT-fragments in [Adaktylos et al. 2007: 76–78]. The expedition code is again unknown. The numeration of lines accepted in [Tamai 2007] is changed to the factual one (a1–2 → a5–6). Note T. Tamai's perfect transliteration; our reading differs from it in being just a little fuller:

4.3. A 171+156 + THT 2543 + THT 2265: The combined text

Hereafter, we use the designation A 171ext for leaf A 171+156 + THT 2543 + THT 2265 taken as a whole. A part of a line belonging to A 171ext inside any of the four fragments is called a “segment”; furthermore, the factual numeration is employed for the lines of fragments THT 2543 and THT 2265: e.g., *tsu pättāññaṭṭasāl* is the segment THT 2543 b2.

4.4. A 171text: Metrical analysis

Leaf A 171text contains three poetic fragments written in three different meters.

Lines a1–3. The akṣara which is partially preserved in line a2 after the word *pyā[pyā]ñ* is a pāda-end sign (◆). As it is evident from the general structure of the text, this sign closes the third pāda of the stanza which begins in line a1; thus, the third pāda consists of 10 syllables. Among all the meters attested in Tocharian poetry, this stanza can correspond only to the meter 20+22+10+15 (metrical scheme 5/5/5/5 + 8/7/7 + 5/5 + 8/7) [Pinault 2008: 400]. Gaps in the right part of line a2 and between segments 171 a3 and 156 a3 are approximately equal, so the middle part of the fourth pāda has been preserved in its entirety, and the border between the cola is likely to be after the word *ymām*. As 16 out of 20 syllables of the first pāda are preserved, the verse starts immediately with the word *ekapuṇḍarik*, and the gap between segments 171 a1 and 156 a1 contain only the greater part of the tune's name. Among the known names of the tunes which introduce the meter 20+22+10+15, only (a very frequent) || *subhādrenam* || could stand in line a1; unfortunately, the badly damaged akṣara after || does not allow either to prove or to disprove this reading with certainty.

Lines a6–b1. The calculation shows that the stanza written in an elsewhere unattested tune *svapnadarśnam* occupies about 55 akṣaras altogether. Thus, the tune in question should correlate with the meter of 4×12 syllables (no shorter meters seem to be attested in Tocharian A). The third pāda, almost entirely preserved, follows the metrical scheme 5/4/3. This pāda misses just one syllable, which allows to reconstruct its ending as *kāru(nik)* 'merciful'. The collocation *yokeyutts oki* is the first colon of the second pāda.

Lines b5–6. The tune *yarāssinam* corresponds to the meter of 4×18 syllables (metrical scheme 4/3/4/3/4 [Pinault 2008: 399]). As noted in [Siegling PK: 88, 84], the second pāda of Viśākhā's monologue ends with the word *wampe*, and the third one — with the word *tā[k]*; the punctuation mark after *wampe* is, again, partially preserved and can be read quite reliably. Thereby, the second pāda misses 4 syllables in the beginning, and the first one misses 2 syllables in the beginning and one syllable in the end. The fourth pāda is completely lost: its beginning was in the right part of line b6 and its continuation was in the left part of line a1 of leaf A 153, which follows leaf A 171text.

4.5. A 171text: Commentary

Leaf number. E. Sieg and W. Siegling define the leaf number as "204 oder 304" [Sieg, Siegling 1921: 88]; however, we assume the reading "[3]04" to be much more likely: the traces of the third 'stroke' are clear enough.

Line a1. On the left side of line a1, the adverb [*y*]w[*ār*] can be reconstructed with certainty. The precise meaning of this adverb, which usually goes together with the verb *triw-* 'be mixed, be joined', is unknown; it is usually translated as 'together', cf., e.g., *ywār triwantrā puk* |||| (THT 1134 b3) '...they are all mixed together...' (translation by M. Peyrot [CETOM]).

On a not entirely clear word *ekapuṇḍarik* 'marvellous (?)', see [Carling 2009: 71].

For the end of the line, the conjecture *suk wārpnātrā* 'they feel happiness' looks plausible; cf. *suk wārpnātrā* (YQ-44 [III.3] b3) as a parallel. Unfortunately, this is not certain — especially because in this case, taking into account the requirements of the meter, the last colon of the first pāda should include, in addition to *suk wārpnātrā*, some semantically 'empty' monosyllabic word.⁹

⁹ Presumably, in Tocharian A poetry the sentential pronoun *tām* 'this' can sometimes take this role, cf., e.g., |||| *r camī šūnkāš pre tsāknātār tām* ◆ (117 b6) '...the tongue hangs out of his mouth *tām*'.

Line a2. As the form *klyoṣṭam* can be N-Acc Pl f both of the I and of the II AV of the verb *klyo-s-* ‘hear, listen to’, the spelling *lkālam* may stand both for *lkālam* (N-Acc Pl f of the I AV of *lāk-/pālk-* ‘see, look’) proper and (*pā*)*lkālam* (N-Acc Pl f of the II AV of the same verb). The first option appears much more likely: in this case, the noun phrase *lkālam klyoṣṭam vra[mā]m (ci)ñcraṃ* lit. ‘visible and audible tender things’ fully occupies the first colon of the second pāda.

For the form *wenantrā*, instead of the commonly accepted meaning ‘are opening’, the meaning ‘are falling’ is significantly more likely [Itkin, Malyshev 2021: 60–61].

Lines a2–3. The general meaning of the fourth pāda remains unclear; it must be noted that its left part might contain a negation.

Lines a3–4. At the junction of lines a3 and a4, the conjecture (*ṣu*)*lam yās* ‘goes up the mountain’ is possible, cf. *pāṣāṇak ṣulam yeṣ* (YQ-1[I.10] a2) ‘he went up the Pāṣāṇaka Hill’. However, it is not certain: as the main character in this sentence is Sundarī, what mountain could she come up and what for?

Line a4. Leaf A 171text is the only one of all the leaves of the manuscript Nos. 144–211 which preserves its name — precisely, an initial part of its name: *saunda[r](·) [-] ////*. Another copy of the same composition is presumably the manuscript Nos. 89–143 [Sieg, Siegling 1921: 252, 253];¹⁰ this manuscript also has a leaf which preserves a part of its name, this time a final one: (*////*) *ritanāṭkaṃ* (127 a2). These two pieces of evidence allow reconstructing the name of the play as **saundaranandacaritanāṭāk*, cf. [Ibid.: 253; Ivanov 1992: 232]. This self-suggesting decision, however, is not free from paleographic difficulties: the akṣara which follows *nda* in the line 171 a4 bears much more resemblance to [*ryā*] than to *ra*, and the hardly visible remnants of the next akṣara are not quite similar to *na*¹¹.

The conjecture (*na*)[*nda*]*vihārapālam* was presumably first proposed in [Sieg et al. 1931: 236].

On the conjecture (|| *sās*) [*n*]u [*t*](*ā*)[*pā*](*r*)k [*p*]/[*ā*]c see above, leaf A 144 + THT 2485, line a5.

Line a5. The gap between segments 171 a5 and 156 a5 is rather big — about 8–9 akṣaras. Immediately before the word *śomiṃ*, a name of one of the female characters in this scene, *preṣikā*, which is known from line b6, can be certainly reconstructed. For the remaining part of the gap, the conjecture *ālyākyāṃ praṣtaṃ* lit. ‘at another time’ is likely (although not 100 % certain), cf., e.g., the beginning of the 12th act of the play *Maitreyasamiti-Nāṭaka*:

|| || *tmāṣ ālyākyāṃ praṣtaṃ metrak bodhisattu* (253 a6) ‘Then in the other time the Bodhisattva Maitreya...’.

The structure of the collocation *tsrā ymār* is not clear enough. Perhaps, the adjective *tsār* ‘sharp’ is used here metaphorically as ‘very’.

In the right part of the line, the collocation *ślāñcālyī* ‘with reverently folded hands’ turned out to be torn apart between three different fragments. The vowel adjacent to *ly* is badly damaged, thus, the reading [*ī*] (and not [*i*]) is rather tentative.

Lines a6–b1. At the junction of the two sides of the leaf, one can reconstruct the collocation [*ā*]*rkiśoṣṣi[s] (w)amp(e)* ‘the decoration of the world’, which, of course, refers to Buddha.

Line b1. The text in question presents a rather rare structure, in which the expression *ślak śkaṃ* ‘and also’ marks not a transition from a prosaic part of some character’s monologue to verses, but, on the contrary, a transition from verses to prose. At least in the two usages of such structure *ślak śkaṃ* is followed by a vocation, cf. (*śla*)*k śkaṃ pācar* (83+76 a3) ‘And also, father...’, *ślak śkaṃ sewāñ* (212 b2 = YQ-8[II.4] a8) ‘And also, sons...’. If the text A 171text

¹⁰ E. Sieg and W. Siegling affirm that manuscripts Nos. 89–143 and Nos. 144–211 were doubtlessly written by different hands. Although their handwriting is very similar, this assessment can be accepted. Moreover, there are several small, but distinct linguistic differences between these two groups of texts: in particular, the PP form of the verb *lā-n-t-* ‘go out’ in the texts Nos. 89–143 looks as *laltu*, whereas in the texts Nos. 144–211 it looks as *lantu*.

¹¹ S. V. Malyshev (p.c.) proposes to see here the word *saundarya-* ‘beauty’. The meaning of the whole name, however, is not enough clear in this case.

follows the same pattern, the conjecture $[n](\bar{a}ši)$ ‘(oh) lady’ can be proposed for the word after *ślak śkaṃ* (Preṣikā calls Viśākhā just ‘lady’, not ‘sister’ vel sim., see line b4).

The subject of Preṣikā’s first prosaic phrase is doubtlessly Nanda (the verse part of her monologue refers exclusively to the Buddha). Preṣikā could have used the expression *nande māṣkit* ‘prince Nanda’ (cf. lines b3 and b6).

Segment THT 2265 b1 is clearly the end of the collocation $(ptāñkāt k\bar{a})[s]y(\bar{a})p$.

The comparison with line b5 shows that the part of line b1 which begins with the akṣara $[n]$ and ends with the akṣara p should be 11–12 akṣaras long. In case of linked spelling of the collocation *ptāñkāt k\bar{a}syāp* (more frequent than the separate one presented in the line b5), the sequence $[n](\bar{a}ši nande māṣkit ptāñkāt k\bar{a})[s]y(\bar{a})p$ consists of exactly 12 akṣaras. Alternatively, of course, there could have virtually been no word *nāši* in the text (if so, the consonant following *śkaṃ* is most likely just a beginning of the name ‘Nanda’), there could have been a different characteristic instead of the word *māṣkit*, etc. Generally, however, the beginning of Preṣikā’s phrase seems clear in its meaning.

Reconstructing the end of line b1 is a more difficult task. As for the meaning, this part of the story is dedicated to the description of relationship between the Buddha and Nanda. Nanda was Siddhārtha’s half-brother, as well as his maternal cousin; in many Buddhist works, he is solemnly referred to as ‘the son of maternal aunt of the Buddha’.¹² As for the graphics, the state of affairs is as follows. In segment THT 2543 b1, the word $k[\bar{a}t]s$ ‘stomach’ is unambiguously distinguished. The preserved part of the preceding akṣara allows for a reading $[cr]$ (along with some other readings) and, correspondingly, for the conjecture $(m\bar{a})[cr](i)$. The word following $k[\bar{a}t]s$ looks as $ś[kr]$ and may be read as $ś(a)[r](i)$ — an unattested, but expectable (considering peculiarities of declension of the words ‘mother’, ‘father’, and ‘brother’) G Sg of the noun *śar* ‘sister’.¹³ The general meaning of the syntagma *ptāñkāt k\bar{a}syāp mācri k\bar{a}ts-śari se* ‘the son of the full (?) sister of the mother of the Buddha-god the teacher’, which includes three successively subordinated genitives, satisfies the expected one; however, the possibility of existence of the compound **k\bar{a}ts-śar* is questionable. The unclear form *kāṣṣar* (YQ-1[I.10] b7), which was found in the colophon of the first act of the play *Maitreyasamiti-Nāṭaka* in the manuscript from Yanqi, could manifest its existence, assuming that the spelling *kāṣṣar* is a result of the *tsś* → *śś* assimilation that occurred at the junction of the compound’s parts in ‘late’ Tocharian A. As a possible parallel to this development, cf. the spelling *ywārt-tāś* (LP-3 a1) ‘head of the central region’, which was marked in one of the caravan passes in Tocharian B, where *ywārt* < *ywārc* ‘semi-; among’, cf. [Adams 2013, II: 564–565] (D. Q. Adams himself seems to consider the form *ywārt* to be primary). Note also that in the unpublished Tocharian B fragment THT 3766 (line b2) the syntagma $[k]a[ts]āṣṣe [pro](cer)$ lit. ‘belly brother’ can be restored with high probability. At the same time, the inner form of the compound *k\bar{a}ts-śar** (lit. ‘womb-sister’) attests to the meaning ‘half-sister’, whereas, according to the Buddhist tradition, Mahāmāyā and Mahāprajāpati Gautami were full sisters. It is possible, however, that these two kinds of kinship in the Tocharian A system did not differ and that the word *k\bar{a}ts-śar** in Preṣikā’s utterance is used as an emotional intensifier rather than as a term. In addition, in the Tocharian B *Udānālankāra* Nanda is named *poysintse mātārsa procer* (B PK AS 6B a5) ‘the maternal brother of the Omniscient (= the Buddha)’ (sic!), which makes the matter even more complicated.

Line b2. The gap between segments 171 b2 and 156 b2, as well as in the correlative line a5, is about 8–9 akṣaras long. The words *śom pācrā* ‘from the same father’ might be followed by the traditional mentioning of the Buddha’s possession of the 32 marks of the Great Man, but this is

¹² Cf., for instance, the several times repeated *брат Благословенного, сын его тети по матери* ‘brother of the Blessed one, son of his maternal aunt’ in the Russian translation of *Nanda Sutra* (*Udana*, III, 2; <https://coollib.net/b/431894-siddhartha-gautama-sbornik-buddiyskih-sutr/read>) — a brief retelling of the same story about Nanda and five hundred apsaras.

¹³ The reading $ś(a)[r](e)$ is also possible, of course, but we see no morphological reasons why the Tocharian A word ‘sister’ could have the ending *-e* in G Sg.

uncertain, because in Preṣikā's story Nanda is compared to the Buddha not by his appearance, but by his character. The fact that Nanda is passionate is once again mentioned on the next leaf: *sām śkaṃ āṣānik ṣāññuneyā enka(ḥsu) ///* (153 b1) 'And this arhat, passionate by his nature...'

Line b3. After *jetavaṃ saṃkrāmaṃ*, the PP *ka(kmu)* 'having come' should be most probably reconstructed — either with the copula or, as in line a5, without it.

At the beginning of segment 156 b3, the reading ∙ [o]ki 'as if' is possible.

Segments THT 2265 b3 and THT 2543 b3 contain the beginning and the end of the name of Jetavana monastery, which has already been mentioned in the same line.

Line b4. The gap between segments 171 b4 and 156 b4 should be about 7 akṣaras long, considering the gap around the string hole. This assessment goes well with the conjecture *tā(m ka-klyuṣurāṣ viś)[ā]khā* 'Having heard that, Viśākhā...'

Lines b4–5. The gap between the end of segment 156 b4 and the right edge of the folio is 8–9 akṣaras long. In Tocharian A, the meaning 'to put out, to pull' is expressed by the verb *tsāk-*, sometimes together with elative preverbs, cf. *waštāṣ lo tskāt* (100 a2) '(he) pulled out from home', *pre tsakar ñi* (360, 2) '(they) pulled me out'; a small stroke of ink at the very edge of segment 156 b4 could fairly well belong to the subscribed *k*. A solitary *y* at the beginning of line b5 is obviously the end of the G form *preṣikāy*. The conjecture *(pre ts)[k](orāṣ preṣikā)* *y* is 7 akṣaras long, but includes a long akṣara *tsko*; there could possibly be no other words in this part of the line b4.

Line b5. The verb *plānk-* has been seen in the Tocharian A texts only one more time:¹⁴

✦ *tām ne=k (ā)kntsāñ kākōṣṭuṣ pe pāplānkuṣ pe* ✦ *tsru ke kālpoṣ n_unak sātkaṃtār omāške-nam* ✦ (4+1370.e¹⁵ b2–3) 'Thus (i.e. like the *krośavati* grass) also the ignorant ones, even beaten, even..., having got the smallest chance, spread out in evil-doing again'.

Trying to bring together the two rather different usages, scholars usually presuppose the meaning like 'zwicken, zupfen' (cf. [Malzahn 2010: 743] and the references; [CEToM] proposes 'nipped' as the translation of the PP *pāplānkuṣ*, which is more ambiguous — among the meanings of the verb *nip* there are both 'pinch' and 'squeeze'). But first, as text No. 4 indicates, *plānk-* is undoubtedly a transitive verb; so, in the text A 171ext **preṣikāy śomine klośām plānkāmām* lit. 'having nipped the ears of the girl Preṣikā' would be expected. Second, in the general context of the story, this 'touching detail' looks quite superfluous and senseless. As Viśākhā's words ('... earrings ... accept') leave no doubt that she is giving a gift, it is natural to expect that Viśākhā, having taken the earrings out of her ears, merely puts them in Preṣikā's ears. In this case, the most likely meaning for *pāplānkuṣ* in text No. 4 is '≈ squeezed', which presupposes a clear antithesis: no matter how the ignorant ones are squeezed, they still spread out in evil-doing.

The monologue of the grateful Viśākhā undoubtedly begins with the words (*klośni*)s *wampe* 'the decoration of ears', which she repeats one more time afterwards. The akṣara following the word *nāñi* is quite certainly read as [ws], which allows for the conjecture [ws](āṣt) 'you gave'. This word ends the first pāda of the monologue.

Lines b5–6. The final -s before *t[a]rkaṣ* is the ending of the Acc Pl form of some deictic pronoun. Technically, the gender of the word *tark** 'earring' is unknown, but virtually it can be identified as masculine with certainty: nearly all the nouns of the class II,2 (with N Pl in -añ) — *kam* 'tooth', *kukāl* 'chariot', *prañk* 'island', *ṣul* 'mountain', *ṣont* 'street', etc. — are of masculine gender. Therefore, the pronoun in question should look like (*cesā*)s. At the beginning of the second pāda, there could have been, say, the word *tāmyo* 'thus', but this is uncertain.

Line b6. Before the word *ākṣiñāṣt*, a partially preserved akṣara [ñi] can be seen, which is the end of the word (*nā*)[ñi], G of *ñuk* 'I (f)'. One of the two missing syllables evidently belongs to the pronoun *tu* 'thou' (cf. line b5); the other syllable could have been, for instance, the adverb *śkā* 'also', although other variants are possible as well.

¹⁴ The following speculations base on the presumption that in both cases it is actually the same verb, which is yet not quite certain.

¹⁵ The fragment THT 1370.e is a wee exfoliated flap of the back side of the leaf A 4.

4.6. A 171text: The combined text with conjectures and translation

The principles of the presentation of the combined text are the same as for leaf A 144 + THT 2485 (see above, 3.5).

A 171text (= A 171+156 + THT 2543 + THT 2265; leaf [3]04):

- a1: [y]w[āṛ tri]wos brahmasva[r wa]śem klyoṣ[tā]r || s[ṣu](*bhāḍreṇam*) || ekapuṇḍarik vaijayant
 ṣtāṅkaṃ ṇākyās wimāntwaṃ su(*k wārpnāntrā*) — ◆
 a2: lkālaṃ klyoṣaṃ wra[mā]ṃ (ci)ñcraṃ kālpanāntrā māmt ne — (-----) kte ◆ meṣ
 tkam ṇkāt lykāly lykāly wenantrā pyā[pyā]ṇ ◆ (-----)
 a3: ytāraṃ ymām er[k]āt tāki (--- ◆ 1) || tām kaklyuṣurāṣ sundari kuc yārmaṃ tsarwatār ///
 (ṣu)
 a4: laṃ yāṣ || saunda[r] ◆ [-] /// /// (na)[nda]vihārapālaṃ ṇom śkāṣt sarg āṛ || (|| sāṣ)
 [n]u [t](ā)[pā](r)k [p]l[ā]c
 a5: śrāvastyam kārsnāl(y)i ◆ tmās (*ālyākyām praṣṭam preṣikā*) śomiṃ tsrā ymār kakmus
 [ka]remām akmalyo ślāñcā[lyi] viśākh[ā]nac trāṅkā
 a6: ṣ || svapnada[rś](na)ṃ [||] (-) ◆ [ā] — (-----) — nāṣ ◆ yokeyutts oki — (-----) ◆
 sā[m ā]rkiśoṣi[s] (w)a
 b1: mp(e) nām̐tsu kāru(*nik* ◆ -----) yāṣ kar ◆ 1 || ślak śkaṃ [n](*āṣi nande māṣkī*
ptāñkāt kā)[s]y(ā)p (mā)[cr](i) k[āt]s s(a)[r](i)
 b2: se ptāñkātśāl śom pācrā /// /// syo yetu pracar ṣeṣ sā[m] p(e)nu [eṇ]kal[su] wras[o]m
 ṣ(ā)maṃ [n]ām̐tsu pātāñkātśāl
 b3: ṣyak jetavaṃ saṃkrāmaṃ ka(*kmu*) /// /// ◆ [o]kī śrāvastiṣiṇi wrasaṃ cam māṣkitam lkātsi
 [j]e(*tava*)ṃ [s]aṃk(r)āmac [yi]ñc
 b4: tāṣ nāṣse kārsor tāṣ || tā(*m kaklyuṣurāṣ* viś)[ā]khā vāskāñc kātkmām nām̐tsus ṣṇi kloṣnāṣ
 tarkas (*pre ts*)[k](*orāṣ preṣikā*)
 b5: y śomine kloṣ[n]aṃ plānkāmām trāṅkāṣ || yārā[s](sinam || *kloṣni*)s wampe wākmatsām
 ptāñkāt kāṣyāp ṇom klyossi tu nāṇi [ws](*āṣt* ◆ — — *cesā*)
 b6: s t[a]rkas nu pūrpār tu ṇkāṣ preṣikā kloṣnis wampe ◆ (tu) (-) (*nā*)[ñi] ākṣiñāṣ nande
 māṣkit waṣtāṣ lāc ṣāmaṃ lo tā[k] (◆) ///

- a1: ... (with...) joined a voice like Brahma's voice is heard: || On the tune S. || "In the marvellous (?) mansion Vaijayanta, in the gods' palaces happiness... (they feel),
 a2: eyes and ears pleasing (lit. 'visible and audible tender') things they get. As if... The goddess of Earth trembles, the flowers are falling little by little...
 a3: ...Walking the path, hostile will be (?)...". || Having heard that, Sundarī is glad to some extent...
 a4: ...up the mountain... goes. || In <the work> *Saundarananda-carita-nāṭaka*, the sixth chapter, named "Nandavihārapālana", is over. || (|| This) speech now
 a5: <as happening> in Śrāvastī should be understood. Then (at another time) the girl (Preṣikā) very (?) quickly (lit. 'sharply quickly') came, with smiling face, with reverently folded hands says to Viśākhā:
 a6: || On the tune S. || "...like thirsty (f)... He, the decoration of world
 b1: having become, merciful... does (?) || And also, lady: (prince Nanda,) the Buddha-god the teacher's mother's full (?) sister's
 b2: son, from the same father as the Buddha-god... brother was decorated; he <i.e. Nanda>, although a passionate man, became a monk, with the Buddha-god
 b3: together to the monastery Jetavana (came)... As if ..., people from Śrāvastī go to the monastery (Jetavana) to see this prince.

- b4: Be it known to the lady!” || (Having heard) that, the lay-disciple Viśākhā, being overjoyed, (having put) the earrings out of her ears
 b5: and putting <them> in the ears of the girl (Preṣikā), says: || On the tune Y. || “Oh, the decoration (of ears), you have let (lit. ‘given’) me hear the beautiful name of the Buddha-god the teacher! (For this) these
 b6: earrings accept from me, you, Preṣikā, the decoration of ears! (And also you) have told me: prince Nanda left his home, became a monk”.

4.7. Viśākhā and Preṣikā

The final lines of leaf A 171ext deserve the utmost attention from an aesthetic point of view.

At first sight, the expression *ārkišoṣṣis wampe* ‘the decoration of the world’ looks as a rather common epithet of the Buddha. But as it turns out, this expression has **never** been attested with certainty in all the known corpus of Tocharian A texts.¹⁶ There is no doubt that its appearance in Preṣikā’s story makes a parallel with the expression *klośnis wampe* ‘the decoration of ears’, which is crucial for the whole scene: Viśākhā calls the news told by Preṣikā a ‘decoration of ears’ **because** this is the news about the Buddha, the decoration of the world. In Viśākhā’s reply, the words *klośnis wampe* are repeated twice: they open the first pāda of her monologue in verse and close the second one — a perfect chiasmus (as was said above, the lines of Viśākhā’s monologue follow the pattern 4/3/4/3/4, i.e. they are strictly mirror-symmetrical). The meaning of this figure of speech is defined by what Viśākhā not only says, but **simultaneously** does. The news about the Buddha is a ‘decoration of ears’ in a figurative sense, whereas the earrings that Preṣikā was given for bringing this news are a decoration of ears in a very literal sense: a striking example of metaphor realization. Moreover, the syntactic structure of the lines in question is such that the words ‘the decoration of ears’ in both cases can be attributed **also to Preṣikā herself** as a bearer of good news.

No matter to what extent the author of the Tocharian text was guided by a Sanskrit source and to what extent he followed his own ideas, it is no exaggeration to say that the scene of the conversation between Viśākhā and Preṣikā is an outstanding masterpiece of the literary art.

ABBREVIATIONS

A — activum
 Abl — ablativus
 Acc — accusativus
 All — allativus
 AV — adiectivum verbale
 Conj — coniunctivus
 f — femininum
 G — genetivus
 K — Kausativum

Loc — locativus
 N — nominativus
 Perl — perlativus
 Pl — pluralis
 PP — participium praeteriti
 PPM — participium praesenti medii
 Pr — praesens
 Sg — singularis

¹⁶ S. V. Malyshev has drawn our attention to the fact that for the junction of the lines A 27 a4–5 the conjecture (*ārkišoṣṣi*)/s (at [CEToM] inexactly (*ārkišoṣi*)/s. — I.I.) *wampe yetwe sām* ‘... this one [is] the decoration [and] ornament of the (world)’ was proposed at the [CEToM] website. Taking into account the parallel discovered by us in the text A 171ext, this conjecture should be regarded as highly probable.

REFERENCES

- Adaktylos et al. 2007 — Adaktylos A.-M., Fellner H., Koller B., Malzahn M., Simma K., Staudinger R. A concordance to the unedited Tocharian texts of the Berlin Turfan Collection. *Instrumenta Tocharica*. Malzahn M. (ed.). Heidelberg: Winter, 2007, 39–78.
- Adams 2013 — Adams D. Q. *A dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged*. Vol. I–II. Amsterdam: Rodopi, 2013.
- Aśvaghōṣa's Gold 2015 — *Aśvaghōṣa's Gold*. Translations of Buddhacarita and Saundarananda by Mike Cross. E-publication, 2015. <http://mike-cross.buddhasasana.net/asvaghosas-gold/asvaghosas-gold.pdf>.
- Carling 2000 — Carling G. *Die Funktion der lokalen Kasus im Tocharischen*. Berlin: De Gruyter, 2000.
- Carling 2009 — *Dictionary and thesaurus of Tocharian A*. Vol. 1: A–J. Compiled by Gerd Carling in collaboration with Georges-Jean Pinault and Werner Winter. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.
- CETOM — *A comprehensive edition of Tocharian manuscripts*. <http://www.univie.ac.at/tocharian/>.
- Itkin 2002 — Itkin I. B. The linguistic features of Tocharian A manuscript Maitreyāvadānavyākaraṇa. *Manuscripta Orientalia*, 2002, 8(3): 11–16.
- Itkin 2014 — Itkin I. B. Apologia for the brahmin Bādhari: Some remarks on the meaning of the Tocharian A words *štare*, *pi*- and *māl*. *Tocharian and Indo-European Studies*, 2014, 15: 69–77.
- Itkin 2019 — Itkin I. B. Tokharskaya A rukopis' №№ 144–211 iz Shorchuka: novye dannye. [Tocharian A manuscript №№ 144–211 from Šorčuk: The new data. II]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 2019, 3: 275–292.
- Itkin, Malyshev 2016 — Itkin I. B., Malyshev S. V. Three unedited Sanskrit/Tocharian A bilingual texts of the Vārṇārhavarṇastotra. *Manuscripta Orientalia*, 2016, 22(2): 3–8.
- Itkin, Malyshev 2021 — Itkin I. B., Malyshev S. V. Notae Tocharicae: *apālkāts*, *pārsā(n)ts*, *letse* et autres addenda et corrigenda-4. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 3: 47–75.
- Ivanov 1992 — Ivanov Vyach. Vs. Pamyatniki tokharoyazychnoi pis'mennosti [Monuments of the Tocharian writing]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e*. Moscow: Nauka, 1992, 222–270.
- Ji et al. 1998 — Ji Xianlin (in collaboration with W. Winter and G.-J. Pinault). *Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xinjiang Museum, China* [Transliterated, translated and annotated by ...]. Berlin: De Gruyter, 1998.
- Kölver 1965 — Kölver B. *Der Gebrauch der sekundären Kasus im Tocharischen*. Ph.D. diss., Univ. Frankfurt am Main, 1965.
- Malzahn 2007 — Malzahn M. A preliminary survey of the Tocharian glosses in the Berlin Turfan collection. *Instrumenta Tocharica*. Malzahn M. (ed.). Heidelberg: Winter, 2007, 301–319.
- Malzahn 2010 — Malzahn M. *The Tocharian verbal system*. Leiden: Brill, 2010.
- Pinault 2008 — Pinault G.-J. *Chrestomathie tocharienne. Textes et grammaire*. Leuven: Peeters, 2008.
- Poucha 1955 — Poucha P. *Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A*. Praha: Státní Pedagogické Nakladatelství, 1955.
- Sieg 1944 — Sieg E. Übersetzungen aus dem Tocharischen I. *Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse 16*. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1944.
- Sieg, Siegling 1921 — *Tocharische Sprachreste*. Bd. 1.: *Die Texte*. Sieg E., Siegling W. (Hg.). Berlin: De Gruyter, 1921.
- Sieg et al. 1931 — Sieg E., Siegling W. *Tocharische Grammatik*. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet im Gemeinschaft mit W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1931.
- Siegling PK — Personal and annotated copy of [Sieg, Siegling 1921] by Wilhelm Siegling. Scanned by Douglas Q. Adams with the technical assistance of Michael Tarabulski and Kevin Dobbins. <http://www.univie.ac.at/tocharian/?Siegling,pers.copy>.
- Tamai 2007 — Tamai T. *A preliminary edition of unpublished texts from the Berlin Turfan Collection*. E-publication, 2007. <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/thtframe.htm>.
- Thomas 1964 — Thomas W. *Tocharisches Elementarbuch*. Bd. 2. Heidelberg: Winter, 1964.
- Van Windekens 1976 — Van Windekens A. J. *Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes*. Vol. 1: *La phonétique et le vocabulaire*. Louvain: Centre International de Dialectologie Générale, 1976.

О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения

© 2023

Сурен Тигранович Золян

Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия;

surenzolyan@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются возможности развития семиотической теории, основанной на принципе асимметричного дуализма С. Карцевского. Показано, что несмотря на определенные отличия от теории знака Соссюра, Карцевский также основывается на принципе дифференциации, но дополняет его динамическим пониманием внутрисистемных отношений. Это создает возможность построения многомерных семиотических моделей, описывающих, каким образом благодаря асимметричному дуализму знака порождаются новые смыслы. Семантика языкового знака рассматривается как находящаяся в состоянии динамического равновесия структура. Тем самым уточняется введенное Карцевским понятие транспозиции, которое дополняется понятием диспозиции (состояние исходного семиозиса).

Ключевые слова: история лингвистики, Карцевский С. О., семиотика, де Соссюр Ф., структурализм, языковой знак

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Калининград, Россия.

Для цитирования: Золян С. Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 151–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168

Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions

Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; surenzolyan@gmail.com

Abstract: We address a possible development of a semiotic theory based on the principle of asymmetric dualism proposed by S. Karcevski. We identify its differences from the Saussurean view of sign and demonstrate that, while Karcevski adopts the principle of differentiation, he supplements it with a dynamic understanding of intrasystem relations. This makes it possible to construct multidimensional semiotic models describing how new meanings are generated due to the sign's asymmetric dualism. We consider the semantics of linguistic sign as a structure in the state of dynamic equilibrium. Thus, we clarify Karcevski's concept of transposition, supplementing it with a concept of disposition (situation of the initial semiosis).

Keywords: history of linguistics, Karcevski S., linguistic sign, de Saussure F., semiotics, structuralism

Acknowledgements: This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project 22-18-00591 "Pragma-semantics as an interface and operational system of meaning production".

For citation: Zolyan S. T. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 151–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168

*Коса то украшает темя, спускаясь на плечи, то косит траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.*

Велимир Хлебников

1. Языковой знак как асимметричное отношение

Многочисленные исследования языкового знака показывают, насколько разнообразны могут быть отношения между означаемым и означающим, почему и их статичное рассмотрение не может считаться адекватным. Однако эти наблюдения не привели к пересмотру концепции, по сути повторяющей ту концепцию знака, которая была предложена еще стоиками, как некоторой конвенционально закрепленной связи между означаемым и означающим¹. Изменение одного из этих компонентов создает новый знак — омонимичный преждему, если изменяется означаемое, и синонимичный, если изменяется означающее.

Однако такое понимание не может отразить процессы динамического взаимодействия различных смыслов, сгруппированных внутри или вокруг одного означающего. Тождественность означающего удерживает протекающие процессы семантического взаимодействия в рамках единого полисемичного комплекса, в большинстве случаев не позволяя ему распасться на знаки-омонимы. Так, лексема *университет* может означать *университет-институцию, университет-коллектив, университет-здание*, что принято рассматривать не как группу омонимов или значений многозначного слова, а как изменения означаемого в результате его взаимодействия с контекстом, почему они и не фиксируются в словарях. Между тем, если бы эти значения могли быть выражены посредством другого означающего, то они были бы признаны по крайней мере отдельными значениями². Возможно и противоположное явление, когда замена означающего не приводит к изменению означаемого. Это с особой наглядностью проявляется в случае супплетивных форм (так, словоформы *человек* — *люди* реализуют один и тот же знак при полном несовпадении означающих). В принципе уже само словоизменение также может быть рассмотрено как пример своеобразной многозначности (регулярное варьирование означающего при сохранении лексического значения и варьировании грамматического).

¹ Как пишет Секст Эмпирик, «неразрывно связаны три вещи: обозначаемое, обозначающее и реальный предмет. Обозначающим, как правило, бывает слово, например, “Дион”. Обозначаемое — та [смысловая] предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании и которую не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет — это внешний объект (το ἔκτος υλοεἶμενον), например, сам Дион. Из трех перечисленных элементов два телесны — слово и реальный предмет, а один бестелесен — это обозначаемая смысловая предметность или лектон [чистый смысл]» [Фрагменты 1999: 82–83]. Как указано в комментарии: «Поскольку лектон определяется как мыслимая предметность, ясно, что мы имеем дело с таким смыслом, который может быть выражен вне прямого отношения к конкретной ситуации. Ясно также, что в отличие от платоновских эйдосов, конституирующих и оформляющих субстрат, (...) “лектон” есть констатирующий или корреспондирующий смысл, который указывает на денотат, раскрывает его значение, но не оказывает на него никакого воздействия» [Там же].

² Ср.: «Одним из важнейших принципов языковедения является следующий: из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии) (...) В каком же случае можно говорить о действительном влиянии контекста на значение? Изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота) или когда образуется семантическое отношение между данным словом и другим словом, повторяемое в системе данного языка» [Курилович 1962: 241].

Эти, казалось бы, очевидные для лингвиста положения недостаточно учитываются при определении языкового знака. При всем отличии концепций знака Фреге, Пирса и Соссюра все они исходят из «стоического» понимания [Суровцев 2016], при котором не предполагается возможность семантических взаимодействий внутри самого знака. Все эти концепции можно назвать принципом симметричного дуализма языкового знака: они исходят из того, что изменение означаемого влечет изменение означающего, и наоборот. Динамика допускается как возможность создания нового знака путем изменения либо означающего, либо означаемого. Даже в идущей от Луи Ельмслева концепции метаязыковых и коннотативных трансформаций знака [Ельмслев 1960] недостаточно прояснен вопрос — имеем ли мы дело с порождением новых знаков или же с преобразованием одного и того же.

Между тем хорошо известен и противоположный подход. В статье, написанной по-французски и впервые опубликованной в 1929 г. в первом выпуске Трудов Пражского лингвистического кружка (там же, где были напечатаны Тезисы ПЛК), Сергеем Карцевским был сформулирован принцип асимметричного дуализма языкового знака:

«Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают по всем точкам: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является виртуально “омонимом” и “синонимом” одновременно, это значит, что он образован пересечением этих двух серий мыслительных явлений» [Карцевский 2004а: 239].

Тем не менее, несмотря на его известность, этот подход вряд ли можно считать пустившим глубокие корни в лингвистике и семиотике. Возможно, из опасения: не приводит ли подобное расширение концепции асимметричного дуализма к размыванию самого понятия знака? Из принципа асимметричного дуализма языкового знака следует возможность как бесконечной омонимии, так и бесконечной синонимии: каждый знак потенциально может выражать любое значение, омонимичное самому себе и синонимичное какому-либо другому знаку. В этом случае можно представить *шалтай-болтайный* язык, состоящий из одного знака, который может выразить любое значение и тем самым не иметь какого-либо закреплённого за ним³. Образец такого языка в свое время был приведен в работе [Волошинов 1930: 113] — это достаточно часто цитируемый фрагмент из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского⁴. Но Волошинов (или Бахтин) не приводят начало этого отрывка, где Достоевский указывает на обстоятельства, приводящие к появлению этого языка: их можно, в духе Карцевского, охарактеризовать как предельное ограничение на «означающее» для выражения максимально возможных «функций», а именно: неограниченного *наплыва мыслей и чувств*⁵.

³ Гипотетический пример такого языка и его ограничения был приведен Крессвеллом: «Это своего рода радикальный шалтай-болтайный язык, в котором слово означает то, что пользователь имеет в виду. Причина, по которой это не сработает для нормальных человеческих существ, заключается в том, что очень часто нет независимого способа выяснить, что человек имеет в виду, кроме как через то, что он говорит» [Cresswell 1972: 10] (здесь и далее перевод мой. — С. 3.).

⁴ «Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного (...) Итак, не проговоря ни единого другого слова, они повторили это одно только, но излюбленное ими словечко шесть раз кряду, один за другим, и поняли друг друга вполне. Это факт, которому я был свидетелем» [Достоевский 2011: 169].

⁵ «Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесатеряется. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворять этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого» [Там же].

Можно представить также и еще более экзотичную конструкцию, «медвежий язык», где любой знак имеет одно и то же значение⁶. Подобием такого языка можно считать математику, все его выражения суть тавтологии: «Все предложения логики говорят одно и то же. А именно ничего» [Витгенштейн 1958: 69]. Примерно такая интерпретация основной идеи Карцевского была предложена Яном Мукаржовским: «В идеале, все что угодно может быть обозначено любым словом, и напротив, каждое слово может обозначать все что угодно» [Mučkařovský 1977: 44]. Подобная ситуация может быть перенесена и на коммуникацию в целом: асимметрия знака переносится на асимметрию между семантическими стратегиями говорящего и слушающего, и это реализуется в асимметрии осуществляемой ими семантизации сообщения. В экстремальных случаях для говорящего весь словарь будет состоять из потенциальных синонимов, а для слушающего любое слово говорящего может быть интерпретировано как потенциальный омоним [Steiner 1982: 505].

Для приближения ситуации к реальному состоянию языка Карцевский предлагает рассмотреть гипотетическую дихотомию между, с одной стороны, языком, состоящим из «этикеток», а точнее, имен собственных (нечто подобное «идеальному языку» в представлениях логических неопозитивистов), а с другой — языком, состоящим из знаков-индексов, значение которых определяется исключительно контекстом. Знаки в естественных языках предстают как их гибридная форма:

«Если бы знаки были неподвижны и имели лишь одну функцию, язык превратился бы в простой набор этикеток. Но точно так же невозможно представить себе язык, знаки которого были бы настолько подвижны, что не обозначали бы ничего вне конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть одновременно устойчивой и подвижной. Призванный приспособляться к конкретной ситуации, знак может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части, он оставался тождественным самому себе» [Карцевский 2004а: 239–240].

Закрывающая статью Карцевского схема призвана проиллюстрировать ее основные положения: это две движущиеся параллельно оси, значения и звучания (см. рис. 1).

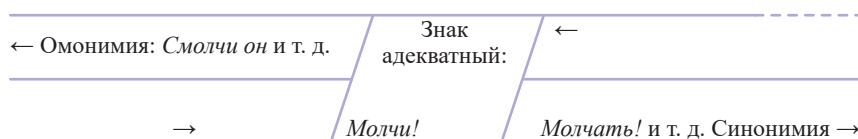

Рис. 1. [Карцевский 2004а: 244]

Знак (в данном случае императив «Молчи!») возникает как линии пересечения между ними, как нечто, что противостоит разнонаправленному движению обеих осей, и связь между означаемым и означающим оказывается не жестко фиксированной, а изменчивой. Она определена лишь относительно некоторого момента возникающего «неустойчивого равновесия»:

«Означающее (звуковое) и означаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”. Каждое “выходит” за рамки, определенные для него партнером: означающее стремится приобрести иные функции, кроме своей собственной; означаемое стремится найти другие способы выражения, кроме своего знака. Они асимметричны; спаренные, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» [Карцевский 2004а: 245].

⁶ Если предыдущий язык Крессвелл назвал шалтай-болтайным, то противоположный ему мы называем «медвежьим», видя прототип в пословице «Семь песен у медведя, и все они о меде».

Нетрудно заметить, что схема Карцевского есть модификация хрестоматийного рисунка Соссюра⁷ (рис. 2):

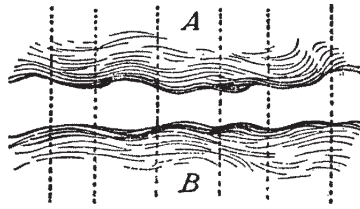

Рис. 2. [Соссюр 1916/1977: 114–115]

Соссюр прилагает следующее объяснение: «...Мы можем изобразить язык во всей его совокупности в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий (А), так и в столь же неопределенном плане звучаний (В)» [Соссюр 1916/1977: 114–115].

Сравнение этих схем выявляет важное отличие: у Соссюра и план выражения, и план содержания, и отношения между ними статичны, они фиксированы относительно некоторого момента сопряжения ментальных и фонетических параметров. У Карцевского речь идет об означаемом и означающем, и не о субстанции, а скорее о *форме* выражения и *форме* содержания, что подчеркнуто использованием слова *функция* вместо *значение*. Обе оси *скользят* и при этом стремятся выйти из *рамок*, предназначенных им их визави. Упоминание *рамки*, видимо, навеяно статичной картиной — предполагается, что есть некоторое исходное состояние, применительно к которому можно выделить те «собственные» функции и средства выражения означающего и означаемого, которые формируют «знак адекватный». Однако у Карцевского отсутствует описание того, как они возникают. Можно предположить, что Карцевский отталкивался от схемы Соссюра, в которой он увидел описание того, как возникают *рамки* (*сегментации* — по Соссюру) и *адекватный* знак, а также *собственные* функции и средства выражения знака, почему и не счел нужным останавливаться на этом. Но Карцевский вносит весьма существенное дополнение: отношение между означаемым и означающим мыслится как похожее на динамическое взаимодействие и *скольжение* (не совсем понятный эпитет *наклонная*, видимо, указывает на наличие также и некоторой вершины). Именно на динамический характер подхода Карцевского как наиболее существенное отличие от концепции Соссюра указывают практически все сравнивавшие их исследователи [Jakobson 1956: 12–13; Пospelов 1957: 49; Steiner 1981:419; Кузнецов 2010: 157–165; Pila 2011: 153–154]. Если отвлечься от объяснимого воздействием общей атмосферы тех лет полемического тона и характеристики женеvской школы в целом как статической, следует согласиться с Н. С. Пospelовым, проницательно увидевшим возможности радикального изменения соссюрианской семиотики языка вследствие развития принципа асимметричного дуализма:

«Эта идея делала для него тесными рамки канонического соссюрианства и постоянно звала его к построению такой структуральной теории, которая, не ограничиваясь синхронным анализом, дала бы возможность вскрыть факторы развития в языке

⁷ Именно Карцевский, вернувшись из Женевы в 1917 г., познакомил русских лингвистов с «Курсом» Соссюра [Jakobson 1962: 631]. Монография Карцевского о глаголе открывается посвящением: «С огромной благодарностью мы вспоминаем уроки нашего учителя г-на Шарля Балли, а также советы г-на Альбера Сешэ и лекции Фердинанда де Соссюра» [Карцевский 2004б: 32], а сам текст — цитатой из Соссюра: «Язык — это форма, а не субстанция» [Там же: 39]. Уже через неделю после выхода «Курса общей лингвистики» в свет Карцевский выражает намерение сделать перевод книги на русский язык и просит для этого разрешения у издателей [Фужерон И., Фужерон Ж. 2018: 245]; см. также: [Jakobson 1956; 1962; Hirschkop 2019].

живых и продуктивных его категорий (...) Карцевский, в сущности, изнутри взрывает концепцию статической лингвистики женевской школы. Но он сделал только первый шаг в этом направлении, вскрыв в самом единстве означающего и означаемого глубокий внутренний конфликт» [Поспелов 1957: 56, 49].

2. Асимметричный дуализм как динамическое равновесие

К сожалению, данные Карцевским почти что в тезисной форме положения теории асимметричного дуализма не были развернуты им в полной мере, а приведенные чуть выше термины остались без эксплицитного определения. Об этом писал близко знавший Карцевского Роман Jakobson⁸; об этом говорится уже в первом в советской лингвистике глубоко и обстоятельном обзоре научного наследия Карцевского⁹. Попытаемся хотя бы приблизительно уточнить несколько импрессионистично представленное Карцевским понимание отношения между означаемым и означающим как динамического (*неустойчивого*) равновесия. Эта дихотомия у Карцевского дополняется отношением подвижности и неподвижности (так можно понимать *скольжение*). Это можно отразить следующим образом. Представим, что есть исходная ситуация, при которой один знак пробегает по всем точкам оси значений, но будучи закреплен только за одной точкой оси звучаний. В другом случае ситуация обратная: знак пробегает по всем точкам оси звучаний, но закреплен за одной точкой оси значений. Как уже было сказано, в первом случае у нас будет некий шалтай-болтайный язык, состоящий из одного знака, который выражает все возможные смыслы. Во втором — это «медвежий» язык, состоящий из бесконечного количества знаков, но все из них выражают только один смысл. Поскольку оси разнонаправленны, то уникальный знак шалтай-болтайного языка (например, *Молчи!*) в процессе движения будет постоянно сталкиваться сдвигающимися в противоположном направлении знаками «медвежьего» языка. Точки (точнее — интервалы) столкновения этих знаков образуют то, что можно назвать словами языка — как ассоциацию между одним из означающих и одним из означаемых, взятых из этих интервалов. Сказанное можно схематически выразить как дополнение к рисунку Карцевского: интервалом, с одной стороны, являясь все потенциальные значения, выражаемые словоформой *Молчи* («шалтай-болтайная» ось омонимов), а с другой — все выражения, означающие приказ «Молчать» (наверное, в том числе и не приводимые Карцевским выражения *Цыц, заткнись* и т. п.), — это будет «медвежья» ось синонимов. Сама форма *Молчи*, видимо, мыслилась Карцевским как «адекватный знак», а все остальные, образующие некоторый интервал — как транспозиции (см. ниже). Так реализуется идея Карцевского: все слова этого нового языка будут одновременно и синонимами, и омонимами. Если проследивать знаки по шалтай-болтайной оси, то все они будут «омонимической серией» [Карцевский 2004а: 242], трансформациями уникального шалтай-болтайного знака. На «медвежьей» оси они окажутся синонимической серией трансформаций некоторого уникального означаемого. Разумеется, такая абсолютная синонимия и омонимия есть лишь некоторая идеальная модель, тогда как в реальной языковой системе имеет место относительная. Даже мыслимые идеальные случаи

⁸ «In point of fact, each of Karcevski's publications was conceived by him only as a kind of preview to this ultimate performance — the Book in which he believed to the last days of his life»; «Каждое издание Карцевского задумывалось им лишь как некое предисловие к заключительному акту (ultimate performance) Книги, в которую он верил до последних дней своей жизни» [Jakobson 1956: 9].

⁹ «В более отдаленной перспективе Карцевский думал о создании большого синтетического труда — цельного изложения лингвистической концепции, опирающейся на асимметрическое скрещение омонимии и синонимии в семантической структуре любого лингвистического знака. Этот замысел остался неосуществленным» [Поспелов 1957: 48].

не так идеальны. Например, приведенный Достоевским пример Лев Выготский интерпретировал уже иным образом: смысл выражается не столько самим словом, сколько интонацией, и если под означающим понимать комплекс «фонетическое слово + интонация его произнесения», то ситуация парадоксальным образом приблизится к ситуации с бесконечным множеством знаков: каждый из описываемых Достоевским коммуникантов использует создаваемый лично им знак¹⁰. Антипод подобного языка, искусственный язык, например латынь для анатомии или биологии, в самом деле, говоря словами Карцевского, будет простым собранием этикеток. Но и в случае анатомической латыни ситуация будет отличной, если взглянуть на нее с точки зрения не медика, зубрящего номенклатуру костей, а латиниста, рассматривающего ее как определенную подсистему латинского языка: для него эти термины явятся результатом метафоризации и метонимизации, т. е. проявлением не однозначности, а многозначности.

Схему Карцевского можно переиначить и так: предположим, что оси означающего и означаемого неподвижны, а движется между ними линия, соединяющая точки двух осей. В каждый момент эта линия соединяет по две точки, создавая знак с собственным означаемым и собственными функциями (это будет знак по Фреге, проходящий на имя собственное). Тем самым создается некоторый исходный словарь. Использование словарных единиц приводит к их повторному вхождению, но уже применительно к новым ситуациям / контекстам, и здесь будут действовать более сложные отношения (*re-entry*), намеченные в системной теории Лумана (см. ниже). Множество различных употреблений приведет к наложению различных проекций между точками двух осей, а в результате множества точечных соответствий возникает проекция уже и между интервалами. Например, знаку *дядя* в современном русском языке будет соответствовать интервал, заданный двумя точками: *брат матери* и *брат отца* (в отличие от архаичных *воя* и *стрыя*). К ним присоединяются новые смыслы, которые окажутся расширением исходного значения исходного знака *дядя*.

Поскольку оси рассматриваются в движении, то внутрисистемная динамика знака должна привести к тому, что образуются синонимичные (на оси означающих) и омонимичные (полисемичные) интервалы. Можно также предположить, что подобные пересечения носят неоднократный характер, почему и могут иметь место и разрывы между интервалами (как в примере Карцевского — означающее *рыба* в буквальном значении и в значении «флегматик», между ними не может быть промежуточных значений)¹¹. Для описания подобной инерционной динамики Карцевский использует термин «транспозиция». Она определяется им как «имплицитная синтагма», состоящая из знака «транспонированного» и знака «адекватного», которые в совокупности и составляют знак-омоним:

«[Синонимическая] серия имеет скорее логический характер, так как ее члены мыслятся как разновидности одного и того же класса явлений. Однако число этих членов неопределенно, серия остается всегда открытой: она даже может оставаться виртуальной, но возможность ввести данное значение в какой-либо класс остается в силе.

¹⁰ Ср.: «Можно, как говорит Достоевский, выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие размышления одним словом. Это оказывается возможным тогда, когда интонация передает внутренний психологический контекст говорящего, внутри которого только и может быть понят смысл данного слова. В разговоре, подслушанном Достоевским, этот контекст один раз заключается в самом презрительном отрицании, другой раз — в сомнении, третий — в негодовании и т. д. Очевидно, тогда, когда внутреннее содержание мысли может быть передано в интонации, речь может обнаружить самую резкую тенденцию к сокращению и целый разговор может произойти с помощью одного только слова» [Выготский 1999: 306].

¹¹ Ср.: «С момента своего существования новое слово представляется знаком, т. е. оно способно обозначать сходные ситуации, оно уже носит родовой характер и включено в синонимический ряд. Предположим, что в разговоре кому-то дали прозвище «Рыба», тем самым создали омоним для слова «рыба» (случай транспозиции), но в то же время был добавлен новый член к синонимическому ряду: «флегматик, вялый, бесчувственный, холодный» и т. д.» [Карцевский 2004а: 243].

Именно понятие класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром влияния аналогичных значений. Омонимическая серия также остается открытой, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда данный знак может быть вовлечен игрой ассоциаций. Однако в каждый конкретный момент мы имеем дело только с двумя звеньями, которые относятся друг к другу как знак транспонированный к знаку “адекватному” и связаны посредством *tertium comparationis*» [Карцевский 2004а: 242].

Карцевский предполагает также и возможность разрыва проекции между означающим интервалом-означаемым; это будет случай автономизации не только того или иного значения, но и знака:

«Главное в каждой транспозиции — это как раз несоответствие, которое существует между постоянным, “адекватным”, значением и случайной функцией, несоответствие, которое поддерживается до тех пор пока психологическая связь, *tertium comparationis*, существует. Но как только обозначенный факт превращается в автономное понятие, имеющее свое собственное место в системе понятий, ему становится не нужно другое понятие (<...> Связь разрывается, каждое из двух понятий непосредственно соединяется со своим знаком. Перед нами два знака, которые в фонологическом плане представляют два означающих и в то же время два независимых омофона» [Карцевский 2004б: 57].

Отсюда интересное следствие применительно к семантическим неологизмам: невозможно изобрести **новое слово** — можно только два: «старое», мотивирующее слово все еще продолжает жить в «новом», мотивированном¹².

3. Принцип дифференциации как основа семиозиса

Для адекватного развития идей Карцевского представляется необходимым еще одно уточнение его схемы. В концепции Хрисиппа — Фреге означаемое и означающее связаны некоторым отношением, который Фреге называет смыслом. Поскольку Фреге ограничивает рассмотрение рамками имен собственных, то смысл у него сводится к способу указания на некий сингулярный объект. В случае общих имен может возникнуть новая дихотомия — между смыслом (концептом) и референтом (классом объектов), при котором смысл в сочетании с контекстом приведет к выделению из класса сингулярного объекта. Безусловно, под осью **означаемого** следует понимать множество смыслов, концептов, а не референтов (значений). Схема Карцевского воспроизводит скорее дихотомию Соссюра: **фонетический образ — концепт**. Но тогда возникает вопрос: что же соединяет их, и требуется ли для этого нечто третье, как у Фреге, у которого способ указания, то есть некоторое отношение, реифицируется как **смысл** знака.

Рискнем предложить ответ, которого нет у классиков, но который можно предположить, основываясь на некоторых идеях Лумана применительно к понятию знака у Соссюра.

Третий член не потребуется, если допустить, что как фактор ассоциации означаемого с означающим выступают не конвенции, существующие в данном языковом коллективе; эти конвенции лишь оформляют и закрепляют внутрисистемное отношение взаимного притяжения, позволяющего соединить означаемое с означающим. Таким фактором

¹² «Если мы отмечаем перемещение границы между семой и морфемой внутри слова, что часто происходит в детской этимологии, например, **Mamagei**, **папонт** и т. д., то это возможно только потому, что в языке существуют такие слова, как **Paragei** и **мамонт**, которые также оказываются затронутыми смещением координат. Можно было бы утверждать, что нельзя создать одно-единственное слово и что создается как минимум два слова сразу одновременно» [Карцевский 2004а: 240].

является дифференциация: чтобы быть отличным от другого смысла, и означаемое, и означающее должны принять некоторую знаковую форму. И напротив, звуковая форма, чтобы стать означающим, отличным от другого означающего, должна соединиться с некоторым смыслом. Если предположить такое понимание отношения между означаемым и означающим, оно может послужить как промежуточное звено, позволяющее понять, как можно в лингвистических терминах описать «столкновение» между означаемым и означающим и их «стремление» выйти за пределы навязанных им *рамок*.

Хотя в прямой форме эта мысль у Карцевского не содержится, тем не менее нетрудно убедиться, что явление асимметричного дуализма (*виртуальное* состояние синонимии и омонимии одновременно) он связывал именно с развитием идей Соссюра о дифференциации как основе семиозиса:

«Две стороны одного и того же общего принципа, который мог бы быть, очень не точно, сформулирован следующим образом: всякий лингвистический знак виртуально является омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к серии транспонированных значений какого-то знака и к серии аналогичных значений, но выраженных иными знаками. В этом сказывается всего лишь логическое следствие, вытекающее из дифференцирующего характера знака, а лингвистический знак должен неизбежно быть дифференцирующим, иначе он ничем не отличался бы от сигнала» [Карцевский 2004а: 241–242].

Вместе с тем Карцевский принимает идею Соссюра с оговорками. В статье об асимметричном дуализме он воспроизводит сказанное им ранее на первых же страницах «Системы русского глагола»:

«В введении к нашей “Системе русского глагола” мы говорили следующее: “Стало обычным утверждение, что лингвистические значимости существуют только в силу своего противоположения друг к другу. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошастью, ни рекой (...) Чистое и простое противоположение ведет к хаосу и не может служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противопологаются только внутри этих рядов (...) Таким образом, оправдывается и становится возможной омофония, когда две значимости, принадлежащие двум различным рядам, (...) оказываются обладающими одним звуковым знаком”» [Карцевский 2004б: 40].

Насколько правомерна полемика Карцевского? Как нам кажется, Карцевский имеет в виду несколько иные аспекты знака, чем Соссюр. Безусловно, Карцевский не мог знать об оставшихся в рукописи заметках Соссюра, опубликованных только в 1990-х. В них можно найти предложенное выше понимание дифференциации означаемых и означающих как силы, позволяющей выделить языковой знак: «Два отрицательных аспекта — всеобъемлющая система различий, которая действует для вокальных фигур в сочетании с всеобъемлющей системой различий, образующих значения, которые могут быть связаны между собой» [Saussure 2006: 13].

Эта мысль получит последовательное развитие в системной теории Лумана. Соссюровское противопоставление формы и субстанции он заменяет дихотомией формы и медиума, где форма характеризуется исключительно отличиями. Применительно к знаку, как бы продолжая процитированную выше идею черновой рукописи Соссюра «Двойная сущность языка», Луман так поясняет Соссюра:

«Таким образом, язык обладает некой чрезвычайно выделяющейся *формой*. Как форма с двумя сторонами она задается различием *звука* и *смысла*. При этом (как и во всех случаях форм) имеется некая сгущенная взаимосвязь отсылок друг к другу с обеих сторон — так что при том, что звук не является смыслом, он все-таки этим

своим не-бытием *определяет* то, о каком смысле говорится в тот или иной момент. И наоборот, при том, что он не *есть* звук, смысл тем не менее *определяет* то, какой звук должен выбираться в тот или иной момент, когда проговаривается соответствующий смысл» [Луман 2011: 229].

И Соссюр, и особенно Луман подчеркивают сугубо негативные характеристики означаемого и означающего, причем доводя до той степени, что Карцевский считал абсурдом: означаемое «дерево» есть то, что отличает его от означаемого «река», «дом» и т. д. Луман апеллирует к Соссюру: «Соссюр уже пришел к такому заключению. Согласно его теории, *означаемое* и *означающее* являются необходимыми компонентами языковой единицы, то есть знака. Они различаются не ввиду их природы или сущности, а исключительно как компоненты подобного различения. Одно не может существовать без другого» [Luhmann 1999: 50]. Так, различие между профессором и студентом — это различие между двумя лексемами, и нет возможности установить, какие отличия соответствуют им во внешнем мире, есть лишь диктуемое языком требование отличать их друг от друга [Luhmann 2006: 39]. Референция языкового знака ограничивается отношением между означаемым и означающим и поглощается им:

«В отношении означающего к означаемому выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма (и только ее следует называть *знаком*), напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различение и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве (...) Вопреки распространенному предположению, они не служат “репрезентации” фактов внешнего мира внутри системы. Напротив, различение между означающим и означаемым является внутренним различением, которое не предполагает, что обозначаемое существует во внешнем мире» [Луман 2011: 224].

Представляется продуктивнее не противопоставлять Лумана и Карцевского, а наоборот, попытаться понять логику, приводящую к полярности точек зрения. Можно предложить следующее объяснение: Карцевский и Луман по-разному развивают главную идею Соссюра: Луман рассматривает именно отдельный знак как форму, образованную различием между означаемым и означающим, Карцевский же исходит из наличия скользящих осей, некоторых омонимических и синонимических рядов, внутри которых и происходит выделение того или иного элемента, но без того, чтобы были отсечены его связи с другими. Это особенно наглядно, когда Карцевский обращается к примерам транспозиции и «новых слов» (см. выше), из которых явствует, что понятие знака мыслится им как имплицитное синтагматическое отношение. Развивая идеи Соссюра и предвосхищая Ельмслева и Лумана (а также, видимо, полемизируя с коллегами по Пражскому лингвистическому кружку), Карцевский выдвигает концепцию первичности отношения, а не объектов:

«В языковой системе нет субстанции. Вместо того чтобы повторять, как это принято делать, что там, где есть отношения, должны быть и “вещи”, между которыми эти отношения установлены, нам хотелось бы утверждать обратное: здесь есть “вещи”, стало быть есть и отношения, так как “вещи” являются результатом отношений. Представление субстанции возникает только в связи с фактами, которые чужды данной системе, но которые и ограничивают ее функционирование, таковы отношения между физической стороной звука и психическим содержанием нашего сознания» [Карцевский 2004б: 69].

Карцевский, видимо, не считал достаточно разработанной свою интерпретацию Соссюра, тем более что она расходилась с той, что была дана его учителями, Альбером Сеше и Шарлем Балли. Поэтому он не воспроизводит в статье 1929 г. то, что он наметил во «Введении» к монографии о русском глаголе. Когда Карцевский, полемизируя с Соссюром, говорит о невозможности абсолютизации принципа дифференциации

и необходимости учета и общностей между языковыми сущностями, он не имеет в виду тривиальное положение о том, что для выделения различий между двумя объектами необходимо их сопоставить как нечто входящее в единый класс и тем самым обладающее чем-то общим. Эта логика действует только если считать, что «вещи» порождают отношения. Но с этим как раз и спорит Карцевский. Поэтому общность у него оказывается результатом комплексности, одновременного наличия сразу нескольких отношений. Не только транспонированный, но и любой языковой знак есть комплекс отношений, которые и формируют его означаемое и означающее: «В семиологической системе знак неизбежно имеет дифференцирующий характер; это значит, что он включает элемент-различитель в серии явлений, базирующийся на едином для них, идентичном, а следовательно, общем характере» [Там же: 40]. Общность, на основе которой возможна дифференциация, оказывается не внутри парадигмы, как некоторый инвариант, а как результат семиотической многомерности и наличия точек пересечения между различными его характеристиками-отношениями:

«Из дифференциальной природы знака вытекает тот факт, что различные значения могут в различных сериях иметь знаки-омофоны. Слово в силу своих категорий (число, род, падеж и т. д.) представляет собой пересечение различных комплексов, поэтому вполне возможно, что один и тот же элемент звучащего слова участвует как знак в нескольких сериях и тем самым оказывается носителем нескольких значений» [Карцевский 2004б: 43].

Не только «новое слово» рассматривается Карцевским как сочетание двух знаков, но и любое слово предстает как комплекс: «“Смысл” какого-либо слова — это синтез “частичных” значений, группировка которых и составляет слово» [Там же: 44]. Тем самым Карцевский не только предвосхищает весьма продуктивную теорию блендинга, но и предлагает ее радикальный вариант: это не особые случаи словоупотребления, а внутрисистемная характеристика языкового знака. Это может быть применено даже к семантически далеко отстоящим омонимам: единство означающего *рыба* удерживает означаемые в границах «единозначности», и это относится не только к метонимической ‘пище из рыбы’ и метафорическим ‘вялым холодным людям’, но и к таким как ‘сделано (собрано, соединено) для обмана’ (по словарю Ожегова) и к не отмеченным в этом же словаре значениям ‘предварительный текст’ или же ‘особая позиция в домино’.

Завершающая «Введение» мысль о том, что «лингвистический механизм функционирует в целях создания равнозначности между концептуальной дифференциацией и звуковой дифференциацией» [Карцевский 2004б: 60] может быть понята по-разному — в зависимости от того, что понимать под «равнозначностью». Но очевидно, что она не есть тривиализация идеи Соссюра, а ее последовательное развитие, и это помогает понять вышеприведенную мысль о том, что «истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия», ср. [Steiner 1981: 442]. Так, «равнозначность» можно понимать как отношение «быть одним и тем же знаком». Дифференциация, отношение отличия внутри означающего *человек* — *люди*, с одной стороны, сопровождается симметричным отношением отличия на уровне означаемых (*один* — *более чем один*). С другой стороны, она не приводит к созданию нового знака, поскольку уравнивается асимметричным концептуальным тождеством означаемого. Однако это тождество служит основанием для нового различения. Здесь стоит вновь привести мысль Карцевского о том, что транспозиция есть потенциальная синтагма: означаемое *человек* синонимично синтагме «один человек», тогда как *люди* — синтагме «более чем один человек». Вместе с тем концептуальная дифференциация, например по полу и возрасту, приведет к новой серии означаемых (*человек* + *мужской*, *человек* + *женский*, *человек* + *молодой* + *мужской*), которая породит серию означающих: *человек* — *мужчина* — *женщина* — *ребенок* — *юноша* — *старик*, между которыми уже не будет какого-либо отношения фонетического подобия. Однако оно возникнет, если найти для этих новообразованных знаков их синонимы-перифразы.

Так, означаемое слова *женщина* есть синтагма, включающая само означаемое: *женщина*: *человек* + *женщина*; аналогично *старик*: *человек* + *мужчина* + *старик*.

Как видим, можно предложить такое понимание знака, при котором он предстает не только как отношение между означаемым и означающим, но и как многомерная синтагма, комплекс, «пересечение» серий означаемого и означающего:

«Лингвистический знак в своей внутренней структуре соответствует пересечению координат разной степени обобщения в зависимости от семиологического плана, к которому он относится» [Карцевский 2004а: 240].

Исходя из подобного представления могут быть операционализированы **рамки** знака, за которые он может выйти, т. е. собственно знак и **собственная** функция означающего. Интерес Карцевского к транспозиции оставляет в стороне вопрос: а что есть собственно «адекватный знак», относительно которого происходит смещение. В принципе, динамическая реляционная картина может и не допускать возможности провести разграничение между **собственным**, «адекватным» значением и **случайной функцией**. Тем не менее очевидно, что некоторые из значений а) менее зависят от контекста; б) служат как мотивирующие для других и в) обладают различной вероятностью. Как правило, хотя и не всегда, эти три признака совпадают. Поэтому даже при динамической ситуации следует предположить, что есть некоторое исходное состояние. Применительно к схеме Карцевского можно предположить, что это те ситуации, когда для каждого из планов используется минимальное количество осей. Например, при означаемом *человек* собственными рамками знака явится ситуация (*человек* + 0), в отличие, например, от значения (*человек* + *официант*). Для означаемого *женщина* — ситуация (*женщина* + 0), в отличие от означаемого *баба* (*женщина* + X). Подобная операционализация есть и одновременная релятивизация, она определяется относительно некоторых контекстов, которые принимаются как исходные. Например, в случае означающего *рыба* это будет значение ‘позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами’, поскольку для всех остальных значений потребуются ввести дополнительные параметры: семантические (*рыба* + *еда*), сочетаемостные (*рыба* + глагол *подсунули*) или контекстуальные (*рыба* + ситуация *игра в домино*). Но в случае слова *хамелеон* подобное «зоологизирующее» решение будет не столь очевидным, здесь уместно вспомнить о вероятностной модели значения Василия Налимова [1979], поскольку значение, которое принято считать переносным, видимо, стало основным. Учитывая, что у Карцевского отсутствует единый термин для ситуации, рассматриваемой как исходная, а предлагаемые им синонимы не столь удачны, можно предложить, основываясь на его же концепции транспозиции, обратный ей термин «диспозиция».

Что касается намеченного, но непряященного Карцевским указания на *рамки* знака (*диспозиции*) и выхода за эти *рамки*, то это явление может получить интересное объяснение посредством предложенного Луманом понятия комплексности¹³, а также призванного дополнить дихотомию языка и речи разграничения между событием и структурой¹⁴. Это неожиданным образом позволяет снять дихотомию между синхронией и диахронией:

¹³ Предпосылки для лумановского понятия комплексности и формы также можно увидеть в неопубликованных заметках Соссюра: «Форма = не *положительная* упорядоченная сущность, или просто порядок, но сущность как *отрицательная*, так и *комплексная* (лишенная какой-либо материальной основы), рожденная на *различиях*, порожденных *различиями* от другой формы, В КОМБИНАЦИИ с *различиями* значений других форм» [Saussure 2006: 19] (перевод наш, заглавные буквы и курсив воспроизводят оригинал. — С. 3.). О слове как комплексе отношений говорит и Карцевский [2004б: 43].

¹⁴ Другой инновацией оказывается переосмысление Луманом дихотомии Соссюра «язык — речь», для чего используется разграничение формы и медиума: «Оно заменяет или, по крайней мере, дополняет соссюровское различие между “*langue*” [язык] и “*parole*” [речь]. Это различие

«Комплексность, если ее разложить во временном измерении, представляется не только в виде временной последовательности различных состояний, но и, кроме того, в виде одновременности уже установившихся и еще не установившихся состояний» [Луман 2011: 148].

Если эту идею перенести на схему Карцевского, то тем самым мы придадим ей многомерность: на ней одновременно может быть представлено несколько возможных состояний, характеризующих различные отношения дифференциации между а) означаемым и его означающими; б) означающим и его означаемыми. Асимметричный дуализм языкового знака, будучи рассмотренным в многомерном пространстве возможных сигнификаций (отношений *означаемое — означающее*), приводит к ситуации, когда семантическая структура знака оказывается потенциально бесконечной и в этом отношении изоморфной языку в целом¹⁵. Тем самым при таких дополнениях подтверждается возможность интерпретировать принцип асимметричного дуализма языкового знака как возможность его бесконечной омонимии и синонимии: каждый знак потенциально может выражать любое значение, омонимичное самому себе и синонимичное какому-либо другому знаку, или, воспроизводя Карцевского, «всякий знак является виртуально “омонимом” и “синонимом”» [Карцевский 2004а: 239].

Заключение

Попытаемся наметить возможные перспективы развития концепции асимметричного дуализма языкового знака. Она может привести к новым принципам семантико-синтаксического описания. Существующие модели исходят из принципа симметричного дуализма, пытаюсь привести к этой форме даже явные случаи асимметрии (например, авторские метафоры или косвенные речевые акты). Однако существуют и «асимметричные» подходы и процедуры; они достаточно хорошо разработаны в поэтической семантике. Неслучайно идеи Карцевского применялись в первую очередь к рассмотрению поэтического языка [Mukařovský 1977; Steiner 1981; 1982], также [Лотман 2018] со ссылкой на Яна Мукаржовского, в то время как в теории языка подобная попытка [Скаличка 1967] не получила серьезного развития. Однако и само зарождение этой теории могло быть навеяно трудами коллег Карцевского из ОПОЯЗа, весьма близких к Московскому лингвистическому кружку. Даже не имея тому биографических подтверждений, можно указать на достаточно близкие идеи, высказанные опоязовцами ранее появления статьи Карцевского. Так, динамическое понимание языкового знака было представлено в семантической теории поэтического языка Юрия Тынянова. В разделе, посвященном лексической семантике, Тынянов предлагает концепцию, которую можно охарактеризовать как «радикальный контекстуализм»: «Слово не имеет одного определенного значения. Оно — хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [Тынянов 1924: 48]. Значение возникает как результат взаимодействия различных смыслов внутри

можно обобщить в различие структуры и события. Тогда-то мы и поймем, что ему не хватает как раз того, что дает системная теория, а именно — выработки объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Различение медиум / форма как раз и заполняет это срединное царство. Оно равно предполагает способные к сцеплению элементарные события (*paroles*), как и необходимость структурированного языка — для проведения этого сцепления и его варьирования, сообразного моменту» [Луман 2011: 216].

¹⁵ Данная характеристика может быть соотнесена с внутренней связностью семантического пространства языка, поскольку между двумя любыми словами максимум за шесть шагов можно найти общие семантические элементы [Караулов 1976].

целого, будь то отдельное слово, предложение или текст. Формулировка Тынянова, данная им применительно к понятию героя как фактору поэтической семантики, прекрасно подошла бы к характеристике знака по Карцевскому: «...вместо знака статической целостности над ним стоит знак динамической интеграции, целостности» [Тынянов 1924: 9]. Еще ближе к концепции Карцевского оказываются идеи Б. А. Ларина, который в 1919 г. входил в ОПОЯЗ¹⁶. Он описал схожее явление применительно к поэтической речи, охарактеризовав его как стремление к тотальной *сходнозвучности* и *сходнозначности*, то есть омонимии и синонимии [Ларин 1974]. И именно многомерность (семантическая осложненность, многократность) образуемых семантических структур рассматривалась им как особенность поэтической речи¹⁷.

Эти достаточно вольно изложенные идеи Карцевский привел в соответствие с наиболее перспективными на тот момент лингвистическими теориями, тем самым сделав их фактом не только поэтики, но и семиотики языка. Однако их дальнейшее развитие уже внутри лингвистики не состоялось, поскольку не привело к соответствующим методам описания. Осталась нереализованной и возможность такой перспективы, как синтез моделей сигнификации и коммуникации [Steiner 1981: 429], и, тем самым, возможность совмещения структурных и коммуникативных моделей семантического синтаксиса. Видимо, предполагается, что динамическая многомерность языкового знака — явление потенциальное, характеризующее некоторое идеальное состояние языковой системы и которое не актуализируется в речи, за исключением особых модусов употребления языка (поэтическая речь, игра слов, обмолвки и т. п.). Применительно же к остальным случаям семантико-синтаксические описания исходят из того, что различные механизмы снятия многозначности, семантического согласования, имплицатур и др. приводят к тому, что указанная Карцевским как общая характеристика знака семиотическая асимметрия существует в языке, а не в речи: лексические единицы, многозначные в языке, в предложении должны иметь только одно из возможных значений. Между тем и не только в поэтической речи, широко распространено явление, когда обязательным оказывается одновременное выражение нескольких значений (коннотация, мемы, брендинг, каламбур, клички, ругательства, крылатые выражения и т. п.). Динамический подход к понятию знака, в данном случае рассмотрение осей означаемого и означающего как находящихся в движении, позволяет если не оспорить, то, по крайней мере, уточнить два общепринятых положения: 1) что слово многозначно в системе языка, но однозначно в речи; 2) что контекстуализация значения происходит за счет правил семантического согласования.

Как уточнение к первому положению этот механизм семантизации можно, расширяя предложенное В. П. Григорьевым [1977] понятие паронимической аттракции, назвать семантической аттракцией [Золян 2022a], а применительно ко второму — механизмом семантической устойчивости. Если от лексического уровня перейти к следующим, где

¹⁶ См. газету «Жизнь искусства» (№ 273 от 21 октября 1919 г.; <http://www.opojaz.ru/main/aboutopojaz.html> (дата обращения: 29.06.2022), а также электронную копию самого выпуска газеты на сайте РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000116158/view/> (дата обращения: 29.06.2022).

¹⁷ Ср.: «Сопоставление омонимов имеет результатом обособление знаковых речевых представлений, как условно и произвольно связанных со “значением” (семантическим представлением), — оно заставляет искать ещё какого-то смысла омонимической комбинации, связующего несоизмеримые значения сходнозвучных “слов”, и этим ведет к семантической напряженности. Двусмысленность и многосмысленность, нетерпимые и избегаемые в практической разговорной речи, эстетически утилизируются, выискиваются поэтами. “Метафора” именно как двозначимость (одновременное представление двух значений) необходима в лирической речи. Но это только простейшее, легче всего наблюдаемое явление поэтической семантики. Лирика в большинстве случаев дает не просто двойные, а многорядные (кратные) смысловые эффекты; эти ряды значений не равно отчетливы и не одинаково постоянны. Потенциальность этих семантических рядов (...) и дает повод к утверждению о неограниченной, произвольной множественности истолкований ее» [Ларин 1974: 66].

описывается взаимодействие лексических единиц внутри синтаксических групп, то можно наряду с существующими моделями, описывающими процедуры снятия многозначности посредством обращения к контексту, предложить и противоположный подход, который исходит того, что контекст не снимает многозначность, а индуцирует ее. В поэтике, начиная по крайней мере с вышеупомянутой работы Тынянова, можно найти многочисленные конкретные образцы такого анализа, который не предполагает выбор одной из возможных семантических репрезентаций, а нацелен на как можно более полную экспликацию смысловых структур предложения и текста, рассматриваемых как единый и целостный комплекс.

Множественность возможных смысловых конфигураций требует определенного структурирования, семантической гармонизации, и согласование — лишь ее простейшее проявление. Уместно в качестве аналогии привести заимствуемое из области теоретической механики понятие устойчивости [Золян 2014: 224–232]. При решении систем уравнений, имеющих бесконечное множество решений, нет ни необходимости, ни возможности вычислить все из них: достаточно вычислить некоторые предельные значения, к которым стремятся все остальные. Эти предельные значения называются устойчивыми — они характеризуют механическую систему относительно ее точек устойчивости. Например, описывающая колебания маятника система уравнений имеет бесконечное число решений, но достаточно привести только два — характеризующее маятник в состоянии покоя и в состоянии равномерного движения. Это и есть точки устойчивости маятника, значения, к которым стремятся все остальные. По сути, такое же решение, как и в случае маятника, в свое время предлагал и Б. А. Ларин. Выделяя прямое и «иносказательное» значения, он подчеркивал: «Двоягранность смысла — только один из типов обнаружения пределов, между которыми мстятся многие понимания» [Ларин 1923: 156]. Разумеется, возможно выделение более чем двух значений: их может быть столько, сколько может быть синонимичных перифраз. Синонимы будут выступать как средство выделить те возможные значения, которые могут быть приписаны **омонимам** (многозначным означающим); образец подобного описания в свете теории Карцевского см. в [Золян 2022б]. Возможны и другие методики описания¹⁸.

Что касается обратных процессов, т. е. случаев транспонирования некоторой целостной структуры означаемых в отличные от исходной структуры различные означающие, то они изучены намного лучше: начиная с Шлейермахера [2000] многочисленные теории перевода, в том числе и внутрилингвистического [Якобсон 1978], детально описывают условия и пределы переводимости / непереводимости. Не вдаваясь в обсуждение тех или иных подходов, в данном случае главным представляется то, что они демонстрируют зримые результаты продуктивности возможности перенесения принципа асимметричного дуализма языкового знака с изолированной единицы (слова) на семантические многомерные комплексы (тексты), рассматриваемые как «знаки динамической интеграции, целостности», что предполагает разработку принципиально новых механизмов семантического синтаксиса и лингвистики текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Достоевский 2011 — Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. В 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36.6, 2011.
 Фрагменты 1999 — *Фрагменты ранних стоиков*. Т. 2: *Хрисипп из Сол*. Ч. 1: *Логические и физические фрагменты*. Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999.

¹⁸ Выделение подобных «синонимо-омонимов» может основываться не только на внутрисистемных, но и на интертекстуальных связях, например: *...и поняли мы, / Что мы на пиру в вековом прототипе — / На пире Платона во время чумы* (Б. Пастернак), где поясняется, какие именно «прототипические» значения принимает слово «пир».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Витгенштейн 1958 — Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung / Tractatus logico-philosophicus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1922. Transl. into Russian by I. Dobronravov and D. Lakhuti.]
- Волошинов 1930 — Волошинов В. Н. *Марксизм и философия языка*. Л.: Прибой, 1930. [Voloshinov V. N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and philosophy of language]. Leningrad: Priboi, 1930.]
- Выготский 1999 — Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М.: Лабиринт, 1999. [Vygotzky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Moscow: Labyrinth, 1999.]
- Григорьев 1977 — Григорьев В. П. Паронимия. *Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия*. Григорьева А. Д. (отв. ред.). М.: Наука, 1977, 186–239. [Grigor'ev V. P. Paronymy. *Yazykovye protsessy sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury. Poeziya*. Grigor'eva A. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1977, 186–239.]
- Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960, 264–389. [Hjelmslev L. *Prolegomena to a theory of language*. Baltimore: Indiana Univ., 1953. Transl. into Russian.]
- Золян 2014 — Золян С. Т. *Семантика и структура поэтического текста*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: УРСС, 2014. [Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a poetic text]. 2nd edn., revised and enlarged. Moscow: URSS, 2014.]
- Золян 2022a — Золян С. Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине. *Иностранные языки в высшей школе*, 2022, 2(61): 15–22. [Zolyan S. T. Asymmetrical dualism of linguistic sign as a political tool: Metamorphoses of a French fantasy writer in Ukraine. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2022, 2(61): 15–22.] <http://doi.org/10.37724/RSU.2022.61.2.002>.
- Золян 2022b — Золян С. Т. Смысловтворчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2022, 1: 82–91. [Zolyan S. T. Meaning creation and its linguistic mechanisms: Semantic attraction. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2022, 1: 82–91.] <http://doi.org/10.31912/pvrl-2022.1.9>.
- Караулов 1976 — Караулов Ю. Н. *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976. [Karaulov Yu. N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Карцевский 2004a — Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака. *Из лингвистического наследия*. Карцевский С. И. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004, 239–245. [Kartsevskii S. I. On the asymmetric dualism of linguistic sign. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. Kartsevskii S. I. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004, 239–245.]
- Карцевский 2004b — Карцевский С. И. Система русского глагола. *Из лингвистического наследия*. Карцевский С. И. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004, 31–208. [Kartsevskii S. I. System of Russian verb. *Iz lingvisticheskogo naslediya*. Kartsevskii S. I. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004, 31–208.]
- Кузнецов 2010 — Кузнецов В. Г. *Научное наследие Женевской лингвистической школы*. М.: Знак, 2010. [Kuznetsov V. G. *Nauchnoe nasledie Zhenevskoi lingvisticheskoi shkoly* [Academic heritage of Geneva School of Linguistics]. Moscow: Znak, 2010.]
- Курилович 1962 — Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. [Kuryłowicz J. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1962.]
- Ларин 1923 — Ларин Б. А. О «Кипарисовом ларце». *Литературная мысль*. Вып. 2. Пг.: Мысль, 1923, 149–158. [Larin B. A. About the “Cypress Casket”. *Literaturnaya mysl'*. No. 2. Petrograd: Mysl', 1923, 149–158.]
- Ларин 1974 — Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (семантические этюды). *Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи*. Ларин Б. А. Л.: Художественная литература, 1974. [Larin B. A. Lyric poetry as a variety of artistic language (semantic etudes). *Estetika slova i yazyk pisatelya: Izbrannye stat'i*. Larin B. A. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1974.]
- Лотман 2018 — Лотман Ю. М. Ян Мукаржовский — теоретик искусства. *О структурализме. Работы 1965–1970 годов*. Лотман Ю. М. (авт.), Пильщиков И. А. (ред.). Tallin: Изд-во ТЛУ, 2018, 356–389. [Lotman Yu. M. Jan Mukařovský as an aesthetician. *O strukturalizme. Raboty 1965–1970 godov*. Lotman Yu. M. (author), Pilshchikov I. A. (ed.). Tallinn: TLU Press, 2018, 356–389.]

- Луман 2011 — Луман Н. *Общество общества*. Кн. 1: *Общество как социальная система*. Кн. 2: *Медиа коммуникации*. Кн. 3: *Эволюция*. М.: Логос, 2011. [Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1997. Transl. into Russian.]
- Налимов 1979 — Налимов В. В. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. [Nalimov V. V. *Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov* [Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages]. 2nd edn., revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1979.]
- Поспелов 1957 — Поспелов Н. С. О лингвистическом наследстве С. Карцевского. *Вопросы языкознания*, 1957, 4: 46–56. [Pospelov N. S. On S. Karcevski's linguistic heritage. *Voprosy Jazykoznanija*, 1957, 4: 46–56.]
- Скаличка 1967 — Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц. *Пражский лингвистический кружок*. Кондрашов Н. А. (ред.). М.: Прогресс, 1967, 119–127. [Skalička V. *Asymetrický dualismus jazykových jednotek. Naše řeč*, 1935, 19: 296–303. Transl. into Russian.]
- Соссюр 1916/1977 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 31–273. [De Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916. Transl. into Russian.]
- Суровцев 2016 — Суровцев В. А. О соотношении категорий то лектон в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге. *SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция*, 2016, 10(2): 452–470. [Surovtsev V. A. On the relationship between the categories to lekton in Stoicism and Sinn in G. Frege's semantic theory. *SCHOLE. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, 2016, 10(2): 452–470.]
- Тынянов 1924 — Тынянов Ю. Н. *Проблема стихотворного языка*. Л.: Academia, 1924. [Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Leningrad: Academia, 1924.]
- Фужерон И., Фужерон Ж. 2018 — Фужерон И., Фужерон Ж. О чем рассказывают архивы (из переписки С. И. Карцевского). *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2018, 3(17): 244–320. [Fougeron I., Fougeron J. What the archives tell: From S. Karcevski's correspondence. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2018, 3(17): 244–320.]
- Шлейермахер 2000 — Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. *Вестник МГУ, Сер. 9: Филология*, 2000, 2: 127–145. [Schleiermacher F. D. E. On different methods of translation. A lecture given at June 24, 1813. *Vestnik MGU, Seriya 9: Filologiya*, 2000, 2: 127–145.]
- Якобсон 1978 — Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Комиссаров В. Н. (ред.). М.: Международные отношения, 1978, 16–24. [Jakobson R. O. On linguistic aspects of translation. *On translation*. Brower R. A. (ed.). Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1959. Transl. into Russian.]
- Cresswell 1972 — Cresswell M. J. The world is everything that is the case. *Australasian Journal of Philosophy*, 1972, 50(1): 1–13.
- Hirschkop 2019 — Hirschkop K. Saussure and the Soviets. (S. I. Kartsevskii, G. O. Vinokur, L. Iakubinskii). *Linguistic Turns, 1890–1950: Writing on Language as Social Theory*. Hirschkop K. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 105–127. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198745778.003.0004>.
- Jakobson 1956 — Jakobson R. O. Serge Karcevski (August 28, 1884 — November 7, 1955). *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 1956, 14: 9–13.
- Jakobson 1962 — Jakobson R. O. Retrospect. *Selected writings*. Jakobson R. O. Vol. 1: *Phonological studies*. The Hague: Mouton, 1962, 631–658.
- Luhmann 1999 — Luhmann N. Sign as form. *Problems of form*. Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 46–63.
- Luhmann 2006 — Luhmann N. System as difference. *Organization*, 2006, 13(1): 37–57.
- Mukařovský 1977 — Mukařovský J. On poetic language. *The world and verbal art: Selected essays by Jan Mukařovský*. New Haven: Yale Univ. Press, 1977, 1–64.
- Pila 2011 — Pila M. S. Karcevskij on the asymmetrical dualism of the linguistic sign. *Cahiers de linguistique et des sciences du langage (l'ILSL)*, 2011, 31: 153–165.
- Saussure 2006 — de Saussure F. *Writings in general linguistics*. Bouquet S., Engler R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Steiner 1981 — Steiner P. Defense of semiotics: The dual asymmetry of cultural signs. *New Literary History*, 1981, 12(3): 415–435.

Steiner 1982 — Steiner P. The semiotics of literary reception. *The structure of the literary process: Studies dedicated to the memory of Felix Vodicka*. Steiner P., Červenka M., Vroon R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 503–520.

Получено / received 31.05.2022

Принято / accepted 22.11.2022

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 31.01.2023 Дата выхода в свет 14.02.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/1а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1